

Маргарита Блинова

Гарпия в Академии. Драконы не сдаются

© Блинова М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Легкий ветерок ласкал лица выстроившейся команды, гладил опущенные паруса, трепал одежду. Разум убаюкивал шепот моря, взгляд поражался открывающемуся простору, а разогретые работой тела покалывали лучики солнца. Запах соли и приключений настраивал на созерцательную пустоту.

Да, морской пейзаж может успокоить и умиротворить душу любого, ведь вода, как известно, одна из трех вещей, на которые можно смотреть бесконечно. Любого, но не Марсию Браун.

– Сво-ло-чи! – горланила я, стуча кандалами о металлические прутья клетки. – Как у вас совести хватает так надо мной издеваться!

Пятерка морских кочевников дружно расплылась в улыбках. Их зубы напоминали звезды. Такие же желтые и такие же далекие друг от друга.

На мостике кого-то громко распекал капитан «Ретивой девочки», но, заслышав, что жертва в сознании и требует свободы, практически слетел вниз, на палубу. Высокий, с ухоженными руками, еще очень и очень молодой мужчина рушил мой годами формировавшийся стереотип о пиратах.

Где, спрашивается, крюк или костыль вместо конечности? Где попугай на плече? Где борода и гнусная физиономия?

И уж точно ни один уважающий себя пират не станет разгуливать по кораблю в черной рубашке из тончайшего шелка, начищенных ботинках и брючном костюме.

Белом. Отглаженном. Но главное, белом!

Вот как ему это удавалось? Лично я умудрилась посадить масляное пятно на рукав зачарованной от грязи туники, едва переступила борт этого гостеприимного суденышка.

А руки! Такие холеные ручки даже у магов-аристократов не всегда увидишь. А еще маникюр! Не знаю, что за мастерица его сделала, но готова решиться на кровавые пытки, лишь бы добыть адресок ее салона.

Словно в насмешку, господин Белый Костюмчик (окрестить его пиратом даже мысленно не выходило) встал рядом и оперся рукой на прутья моей темницы, демонстрируя черный лак с переливами разноцветных линий, складывающихся в замысловатые узоры. Как утверждал сам хозяин «Ретивой девочки», узоры предсказывали будущее. Это если капитан, конечно, не врал. А врал он частенько, можете мне поверить.

Скрестив руки, я вперила в переносицу собеседника взгляд, полный жажды убийства.

– Птичка, я прекрасно понимаю, как трудно молчать, когда сказать нечего, но очень хочется, поэтому побереги негатив для кого-то другого.

Громко фыркнула.

– Не забывайте, что я женщина. Мы способны часами скандалить и орать без всякой причины. Просто так, по велению души.

– Не стану мешать, – ласково прошептал коварный похититель невинных преподавательниц, легко оттолкнулся от разогретых на жару прутьев и ушел.

Но орать я не стала. Еще горло сорву, кто за меня лекции вести будет? Ректор, что ли?!

Нет, я решила забыть про гуманность и спеть.

В океане средь могучих волн, Где дельфины нежатся с пеленок, Как-то раз попал в рыбацкий борт Маленький, невинный дельфине-е-е-е-нок. А потом изрезанный винтом, Оставляя след кроваво-алый. И все ближе приближалось дно, А дельфин кричал: «Ну где же ма-а-а-ма»...

Пела, точнее, немзыкально стонала я до того душевно, что у пожилого моряка

заблестели глаза, один матрос так вообще с разбегу сиганул в море, а молоденький юнга взвыл, аки коты в марте, и быстрее упомянутых вскарабкался на мачту. В направленных на Костюмчика взглядах команды читалась просьба воспользоваться кляпом, но капитан «Ретивой девочки» делал вид, что все так и задумано. Мол, провожу экстремальную проверку вашей профпригодности и стрессоустойчивости, так что, команда, не роптать!

Я уже добралась до куплета, где все умерли, а лодку покарало море, когда за бортом послышалось громкое бульканье.

На палубе тотчас началось оживление. Обрадованные возможностью не слушать мои душевные завывания о судьбе дельфиненка моряки суеились, хватались за канаты, тянули, ругались и снова тянули. В процессе был утоплен крюк, которым подцепляли батискаф, чтобы пришвартовать к сходням корабля, сломана лебедка для поднятия камеры с глубины и сломан указательный палец. А еще кто-то задел ведро с очистками и размазал благоухающую смесь из рыбих потрохов, картофельной кожуры и стухшей гороховой каши по доскам палубы.

М-да... Если бы идиотизм считался болезнью, то этот корабль никогда бы не покинул порт. Так бы и стоял в карантинной зоне.

Скрестив руки, я внимательно наблюдала за балаганом под названием «коллективная работа». Что удивительно, Белый Костюмчик делал то же – смотрел, но не участвовал. Изгваздаться боялся?

Матросы втащили на палубу двух глубоководных ныряльщиков из магов воды, помогли стащить пояса с грузами и едва не подрались за право подержать мешок с добычей. Мешок источал аромат продуктов жизнедеятельности моря, обтекал водой и внешне не выглядел презентабельным, но капитан «Ретивой девочки» смотрел на него как на возлюбленную.

Станный. Очень странный мужик!

Один из матросов ослабил горловину мешка, после чего господин Отглаженный Костюмчик запустил внутрь чуть подрагивающие от предвкушения пальцы и вынул амфориск из закаленного магией стекла. Бока «маленькой амфоры» украшали надписи на всех языках материка с одним и тем же посылом «НЕ ВСКРЫВАТЬ», для совсем уж идиотов ниже был изображен рисунок – перечеркнутая крест-накрест рука, вытягивающая пробку. Но капитан «Ретивой девочки» проигнорировал все предупреждения.

– Господа, это великий день в истории! День начала моего правления! – заявил Костюмчик и потянул пробку.

Увы, триумфу не суждено было случиться.

С криком «мама-а-а-а» на палубу лицом вниз шлепнулся Олаф Углеж. Пока присутствующие, вмиг очерившиеся кривыми саблями, гарпунами и магией, любовались инсталляцией «бесчувственное тело в позе звезды», вниз бесшумно соскользнули остальные мои ученики.

– Бросай! Бросай оружие! – орал Кьяри-младший, размахивая двухсторонней косой.

– Сам бросай! – голосили окруженные пираты.

Пожилой матрос сделал рывок в сторону, словно коршун, налетел на зазевавшуюся Жетон и прижал к ее боку острие кортика.

– На твоём месте я не был бы таким смелым, мальчик!

Со звериным проворством, свойственным только зверолодам, Гамод юркнул за спину Костюмчика и приставил к шейке капитана нож.

– Бросай, а не то я его прирежу!

– Оружие на пол!

- Кто-нибудь! Бросьте мне бутерброд!

На меня недоуменно покосились как команда, так и ученики.

- Что?! - обиженно буркнула я, скрещивая руки на груди. - Я с утра ничего не ела...

А затем Гамоду прилетело обломком весла по затылку. Вскрикнув, не ожидавший предательства со стороны своих зверолов повалился на палубу.

- Кира?! - ахнул Къяри-младший, за что и поплатился.

Молниеносным движением двое матросов выбили из его рук оружие и скрутили руки за спиной. Нет, не то чтобы я рассчитывала на спасение, но уж больно быстро разоружили примчавшихся на выручку охламонов.

Капитан «Ретивой девочки» склонил голову в легком поклоне.

- Великодушно благодарю за помощь.

- Пустяки, - отмахнулась Кира и провела обломком весла по прутьям моей клетки. - Шокированы, госпожа Браун?

Я едва заметно поморщилась от металлического грохота, откинула рыжий водопад волос за спину и снисходительно пояснила:

- Чтобы меня шокировать, кому-нибудь из вас придется сказать что-то умное. Вот ему, например, - взглядом указала на постанывающего Олафа, которого пытались поднять с палубы. - Но вынуждена признать, мотив твоего предательства меня очень интригует.

Девушка покрутила в руках обломок весла (где хоть она его откопала?) и проговорила:

- Как? Разве вы забыли тот урок, госпожа Браун? Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств разумных существ. Не бывает добрых или злых, апатичных или энергичных, умных или глупых. Каждый из нас несет в себе и то, и другое.

И я действительно вспомнила тот урок...

Глава 1

Птица обломинго

- Одной из самых распространенных ошибок сознания считается мысль, что каждое живое существо имеет лишь ряд определенных свойств и черт характера. Что бывают умные и дураки, добрые и злые, энергичные или апатичные. Но это не так. Все мыслящие существа как живые реки: вода во всех одинаковая, но в каждой реке есть узкие или широкие места. Течения то убыстряют, то замедляют свой ход. Вода становится то холоднее, то теплее, а порой мутнеет настолько, что гибнет все, что наполняет реку смыслом. Так и мы с вами. Мы носим в себе зачатки всех свойств, пороков, слабых и сильных черт. Иногда проявляем одни, иногда даем волю другим. Часто мы бываем сами не похожи на себя, но при этом остаемся все той же рекой.

- Госпожа Браун, - нарушил мои разглагольствования Камаль. - Это третий мешок яблок. Может быть, пора остановиться?

Я нехотя посмотрела в сторону вспотевших от работы охламонов.

Денек выдался жарким. Тень от фруктовых деревьев не спасала никого, кроме меня, развалившуюся на принесенном покрывале.

Чуть увеличившаяся в процессе практики группа жадно глотала водичку и обмахивалась, с нескрываемой ненавистью глядя на ровные ряды деревьев.

Состав не изменился. Наше всесторонне недоразвитое чудо Олаф, его приятель Ян, зверолюд Гамод, всезнайка Жетон со своей молчаливой подругой Аришей, наивная третьекурсница Галочка (это не имя, это ее пихнули в мою группу для галочки), ледяной демон Камаль, Гриц по прозвищу Никакой (сверхчеловек, способный спать с открытыми глазами), Ронни Дуглас Кьяри, два его близких друга Джек и Роб, а также Леля и Минька, брат с сестрой, к которым я в последнее время начала с интересом приглядываться. Совсем недавно примкнувшие к чертовой дюжине Кира и компания из трех сосредоточенных парней стояли чуть в стороне, окружив старую и жутко скрипучую тачку, груженную сливой.

Я мысленно пересчитала продовольствие: яблоки - три мешка, слива - одна тачка, вишня - четыре ведра... На пару дней хватит, а там, глядишь, Белозерский вспомнит о нашем существовании, спохватится и вернет обратно в Академию. Надеюсь, что вспомнит.

- Вот они, ворюги! - пожаловался появившийся в начале яблоневого ряда работник.

«Ворюги» переглянулись, подхватили честно награбленное и под моим строгим руководством рванули в кусты.

- А ну стоять!!!

Ага, сейчас, господин начальник. Мы не затем полдня горбатились, чтобы так просто сдаваться властям.

- Вперед! Кто попался, тот практику не сдал! - мотивировала я, взлетая.

Наблюдаемая с высоты картинка откровенно радовала глаз. Мои молодчики неслись со скоростью молодых борзых, таща на себе мешки, корзинки и толкая скрипучую тачку. За ними, охваченные азартом погони, следовали трое работяг и представитель закона, вызванный бдительным сторожем.

Вероятно, бремя знаний этого самого закона оказалось настолько тяжелым, что первым бросил погоню мужичок в форме. Хватая ртом воздух, он привалился к ближайшей яблоньке и прижал ладонь к боку. Бок был круглым и мягким, как булочка, чего не скажешь о характере.

- Догнать... Ос... Остановить... - напутствовал он, хрипя и захлебываясь воздухом.

Работяги бросились исполнять приказ «догнать», но вот с «остановить» возникли

проблемы. Бросив вопросительный взгляд в небо, где парила я, Камаль перебросил свой мешок Олафу. Тот явно не ждал такого подарочка судьбы, крикнул и, пошатываясь, сделал пару неуверенных шагов. Большого и не потребовалось. С пальцев ледяного демона сорвались язычки морозного воздуха, заблестела инеем трава, ботинки, а следом и остальная одежда преследователей обрела морозную свежесть и задубела.

– Да! – радостно закричал Олаф, оглядываясь назад, споткнулся о корень и рухнул навзничь.

При этом мешок вылетел из его рук, плохо стянутая горловина разошлась, и яблоки высыпались под ноги улепетывающих охламонов. Первой поскользнулась Жетон, следом рухнули Галочка с Аришей. Джек и Роб, друзья мелкого дракошки, попытались поднять девушек, в результате чего перевернули тележку и вконец загубили операцию «побег».

Глядя на них с высоты полета, я вдруг поняла, что у высших сил есть чувство юмора. Но отчего-то демонстрируют они его только мне.

– Спускайтесь, дамочка, – проорал довольный и уже малость отдышавшийся представитель закона. – Все кончено.

Я мысленно представила лицо разгневанного Кьяри-старшего, которого вызовут в участок, чтобы вызволять нас (а в том, что с ним уже связались, в этом я не сомневалась), довольно улыбнулась и спикировала вниз.

– Вы победили! – с наигранным всхлипом признала я, сокрушенно опустив голову, чтобы спрятать лицо за рыжими волосами.

Нет, не подумайте, я не настолько коварная и расчетливая тварь, как это может показаться. Я просто люблю и умею грамотно планировать. И еще дико не люблю, когда меня игнорируют. А именно этим и занимался декан кафедры Темных искусств всю прошлую неделю.

После моего пробуждения драконище начал вести себя так, словно его покусали неадекватные блохи. Избегал, держал дистанцию, а при моей встрече с эрешкиль так вообще отказался присутствовать. Виданное ли дело, Кьяри, который не сует свой нос в мои дела и не пытается вывести на чистую воду!

Короче, такое поведение чешуйчатого ящера удручало.

Я планировала устроить тет-а-тет, когда вернемся на практику, но этот гад свалил в Академию, едва портал перенес меня обратно к охламонам!

Нет, первую пару дней я стойчески исполняла функции педагога, няньки и жилета утешения для осознавших степень своего попадалова студентов. Еще сутки держалась только благодаря мысли «ничего-ничего, вот вернется Кьяри, отомщу за все», но на исходе четвертого дня возобновившейся практики запасы терпения иссякли.

Отчаянье толкает на глупости. Желание мести заставляет планировать.

Скажем так, сегодняшней воровской набег – это запланированная глупость, в результате которой охламонов связали и заперли в сарае, а я оказалась в кабинете управляющего.

Успех? Еще какой!

– Госпожа Марсия Браун... – вслух прочел управляющий, пробегая глазами документ на проведение практики. – Политическая преступница... так-так!

Сказать, что невысокий мужичок с залысинами обрадовался, все равно что обозвать скачущего от радости ребенка печальным.

Сосредоточенный на чтении мужчина казался слепленным из двух непропорциональных колобков, обладал большими, чуть оттопыренными ушами и жутко волосатыми руками. Маленькие глазки смотрели с грустной поволокой молодого теленка, а чересчур широкая улыбка отталкивала, но даже несмотря на все это, он каким-то непостижимым образом располагал к себе.

Этакий страшный, но очень добрый дядюшка.

В другой ситуации мы бы, может, даже подружились. Я бы подсказала ему рецепт настойки против облысения, он бы познакомил меня со своим чудесным семейством из семи детишек, улыбающихся с фотографии на стене.

– Знаете, – доверительно начал управляющий, разглаживая примявшийся уголок листа, – а я в свое время приценивался к парочке ваших собратьев. Хотел купить ар-теро для воздушных перевозок, но не смог поставить на баланс в качестве неодушевленного транспортного средства. – «Добрый дядюшка» с горечью вздохнул. – Пришлось распрощаться с мечтой иметь ручных птичек в клетке.

Ошибочка. Не подружились бы.

– На каком основании ваши люди нас задержали? – холодно осведомилась я.

Собеседник хохотнул и весело стукнул по столу ладонью.

– Вы что, всерьез собираетесь отрицать свою вину и рассказывать лживые сказочки о том, что просто мимо проходили?

– Естественно.

– Меня восхищает ваша наглость, – заявил хозяин кабинета. – Вас, политическую преступницу, находящуюся на испытательном сроке, поймали на грабеже крупной партии фруктов. Да на вашем месте я бы уже предлагал мне взятку, лишь бы замять это дело без шума и увеличения срока!

– Грабеже? Да я не коснулась ни одной ягодки на ваших угодьях! – возмутилась я и вкрадчиво уточнила: – И позвольте узнать, с каких пор три мешка яблок, тачка сливы и четыре ведра вишни стали крупной партией фруктов?

Вообще я достаточно неплохо разбираюсь в людях, но сейчас прокололась по полной. Ничто ни в его простоватой и отталкивающей внешности, ни в добротной и скупой обстановке кабинета не подсказало, что в кресле напротив сидит самый настоящий и первостатейный... жулик!

С самым невозмутимым видом управляющий вытянул из стопки бланк и зачитал:

– «...после тщательной проверки, проведенной после поимки задержанных, комиссией была выявлена недостача 3 тонн яблок королевского сорта, 2 тонн сливы и 7 тонн вишни».

Попыталась хотя бы в теории представить, как мы тащим на себе двенадцать тонн фруктов, но фантазия забуксовала, даже не сумев представить, какой высоты должна быть горка такой массы.

И вот этот вот жуликоватый тип рассчитывает, что сумеет списать эту недостачу на меня?

– Да кто вам поверит? – хохотнула я, поражаясь наглости некоторых.

– Вообще-то все. – Жабьи губки управляющего расплылись в мерзкой улыбке. – Ар-теро официально признаны неразумной расой, следовательно, некому оспаривать мои показания.

Он уже праздновал победу, мысленно продавал спертую партию фруктов перекупщикам и составлял список, на что потратить вырученные деньги. Пришлось обламывать.

Расправив правое крыло, я двумя пальцами извлекла спрятанный между черных перьев официальный бланк Академии.

– Что это? – занервничал собеседник.

– Это? – Пародируя управляющего, разгладила края и положила на стол. – Вы, вероятно, не в курсе, господин Каз, но Академия заключила с советом договор, по которому любое хозяйство обязано обеспечить практикантов необходимыми продуктами. А это –

документ, подтверждающий, что я и мои ученики имели полное право находиться здесь. Более того, вы были обязаны оказать нам содействие и предоставить нужное количество припасов.

Управляющий схватил бумажку, посмотрел на свет, сличая водяные знаки, зачем-то понюхал бумагу и только после этого быстро перечитал текст. Его лицо побледнело и пошло красными пятнами от досады. Во взгляде, брошенном в мою сторону, явственно читался вопрос: «И зачем тогда нужен был весь этот цирк?»

Я снисходительно улыбнулась.

– И да, вы правы, я бесправное и по нашему законодательству даже безмозглое существо, но сейчас в одной из ваших подсобок заперты детишки очень влиятельных родителей. И уж они-то смогут содрать с вашего фруктового рая внушительную компенсацию за это возмутительное задержание и голословные обвинения.

Управляющий вскочил со своего кресла.

– Вы... Вы подставили меня!

– Как можно! – разыграла искреннее недоумение я. – Я просто привела своих студентов за фруктами, все остальное сделали ваши помощники.

Кто коварный? Я?!

Ну что вы!

Просто как еще заставить Кьяри приехать и лично наорать на меня?

За дверью кабинета послышался голос секретаря и уверенные шаги. Легко на помине.

Я развернулась, чтобы поприветствовать декана радостной улыбкой, но напоролась на недружелюбный взгляд той, кого меньше всего ожидала увидеть на пороге кабинета.

– Приношу свои извинения, господин Каз, – практически промурлыкала Бьянка Барис, самая ядовитая преподавательница кафедры Светлых искусств. – Госпожа Браун и практиканты будут наказаны за самоволие. Все убытки вам возместят.

Тьфу ты! Что ж она творит! Да мы даже моргнуть не успеем, как этот жулик запишет в недостатку еще тонну-другую винограда!

Но Бьянка проигнорировала мой красноречивый взгляд «Ты дура?» и с милой улыбкой голодного крокодила отчеканила:

– Ваша практика закончилась.

Прозвучало как «ваша песенка спета».

Как все же интересны и сложны ассоциативные ряды, которые порождает наш мозг. Я сказала – мозг, а не больное воображение!

*Глядя на **Камалю**, нашего ледяного демона-полукровку, я вспоминаю о том, что у некоторых рыб, обитающих в северных морях, температура крови составляет около 1,5 градуса Цельсия. Не замерзнуть рыбехам помогает специальный антифриз, содержащийся в крови, а вот что помогает остальным студентам не подхватить воспаление легких после даже недолгого разговора с демоном – науке неизвестно.*

*Лицезреть **Ронни Дугласа Кьяри** и двух его верных дружков (**Джека Элкера** и **Роба Симона**) без стресса для организма помогает научный факт, что вот такое V-образное построение драконом вперед, то есть я хотела сказать «углом вперед», стаи птиц бывает перед дальним перелетом. А значит, мозолить мой нервно дергающийся глаз троице осталось недолго.*

Аккурат до ближайшей сессии.

Ольга (Леля) и Дмитрий (Минька) Стаевы – брат с сестрой, внуки легендарного Освальда Несокрушенного, своей прочной семейной связью всегда навевают мысли о львином прайде, где даже старая кошка с выпавшими зубами ждет, когда остальные хищники поделятся добычей.

Глядя на имперцев **Олафа Углежа и Яна Тагора**, я думаю о том, что первым воспоминанием новорожденных жирафчиков становится падение с полуметровой высоты.

Интересно, самоотверженные матери Олафа и Яна тоже рожали стоя, или инцидент с падением случился позже?

Заметка на полях: опять возвращаюсь к мысли, что Олаф жутко похож на ныне покойного, однако ж достаточно воспетого в легендах. Хоторна Завоевателя, ставшего три века назад первым королем Бретонии.

Таблеточки от глупых мыслей, что ли, попросить?

Как ни странно, но только **Гамод Всегда-Сижу-На-Первой-Парте, сын Шаги, клан Черных хвостов**, наш суровый зверолов, ассоциируется у меня с человеком.

Этого человека зовут Дин, и он бегун на длинные дистанции. Его выносливость тела настолько высока, а энергия восстанавливается так быстро, что Дин может бежать не переставая. Он бежал в течение 80 часов (560 км) и не умер!

Последнее удивляет меня сильнее всего.

При мысли о самом удивительном ребенке в группе – **Жетон Прочла-Все-Учебники Безанье**, я всякий раз вспоминаю муравьев. Почему муравьев? Да потому, что эти крохи являются обладателями самого большого мозга по отношению к размерам тела в мире.

Ариша Сама-Скромность Нор с ее навязчивым заиканием почему-то всегда ассоциируется с электрическим угрем. Возможно, потому, что неприметный хищник глубин способен вырабатывать такой уровень электрического напряжения, чтобы зажечь шесть ламп разом. А может, это тревожный звонок, что палец в рот этой тихоне не клади! Оттяпает и скромно улыбнется.

Стоит только мельком зацепить взглядом **Грица Никакого Листарда**, способного профессионально зевать, не размыкая губ, и спать, имитируя блеск сознания в открытых глазах, как в голове сразу возникает образ альбатроса, который способен спать даже во время полета.

Эльза Галочка Гротене, подсунутая в мою группу для галочки, навеивает мысли о подброшенном в чужое гнездо кукушонке.

А стоит заметить высокую фигуру **Эрга Гая Кьяри**, и в голове тут как тут научный факт: «Львы могут спариваться до 50 раз в сутки».

Великие предки! О чем я только думаю...

Глава 2

Проверка на прочность

– Этого нельзя допустить, слышите?! Ни в коем случае. Нет, нет и еще раз нет!

В принципе всегда сдержанный, сейчас ректор походит на выжившего из ума деда, мрачно голосащего со своего крыльца вслед прохожим.

Остальные преподаватели, собравшиеся в кабинете ректора, выглядели не лучше. Декан Светлых нервно тербил пуговицу на пиджаке, пока та не оторвалась и с мелодичным бряканьем не закатилась под шкаф с документацией. Бьянка Барис сидела в компании преподавательницы магической математики и специалистки по разведению садовых культур, цветов и грязи в учительской. Юлая, наша кроткая преподавательница грез, терла покрасневшие глаза платочком и едва заметно дрожала от сдерживаемых рыданий. Оборотень хмуро взирал в окно, а Анна Сминт, наша неунывающая старушка, кусала большой палец правой руки.

Я осторожно наклонилась к профессору Хельмергу, занимающему соседний стул.

– А в чем, собственно, дело?

Вопреки своему обыкновению дремать на разносах, устраиваемых преподавателям ректором, старичок был добр и сосредоточенно ловил каждое слово Белозерского.

– Как?! Вы не в курсе?! – ахнул он.

Естественно, я не в курсе! Меня только полчаса назад с практики отозвали. Даже сумки в комнату занести не дали, пришлось пристраивать поклажу под собственным стулом и делать вид, что звякают там исключительно пробирки с важными ингредиентами, а не домашнее вино, которое я тайком прикупила для взяток.

– Пять дней назад к нам нагрянула проверка, – зашептал старичок-профессор. – Перерыли все документы, облазили все башни, а вот сейчас очередь открытых занятий... Грозят закрыть наше учебное заведение.

– Да ладно!

Реакция получилась искренней и громкой. Я даже не сразу заметила, что ректор уже давно ничего не говорит и все присутствующие пристально смотрят на нас с профессором.

– Это все из-за гарпии! – авторитетно заявил Эмиль Фаркас.

И что этому оборотню не сидится? Почему как что, так гарпия виновата? Хуже только Кьяри. Кстати, да где же он?!

– Господин ректор, у Академии есть возможность отказаться от наших обязательств и вернуть госпожу Браун в застенки? – уточнил декан Светлых.

Эх, прощай, домашнее вино, отвратительная кормежка и охламоны. Стоп! Я что, действительно радуюсь?

– Госпожа гарпия не вернется в камеру.

От низкого рокочущего голоса все, включая меня, слегка вздрогнули. Мне показалось, что даже шкаф качнулся и звякнул хрусталь в секретере.

Словно не замечая произведенного на публику эффекта, Кьяри бесшумно запер дверь и скрестил руки на могучей груди.

– Она не вернется.

Сказал как отрезал. А вид при этом какой суровый сделал, а как желваками заиграл, а как глазки блеснули! Любо-дорого посмотреть. Вот он, мой спаситель. Защитник. Драконище.

- Мы сами от нее избавимся.

Я поперхнулась и судорожно закашлялась.

- Ну наконец-то! Я уж думал, никто не предложит! - воскликнул оборотень и недружелюбно оскалился.

- Профессор, пересядьте, - заботливо посоветовал декан кафедры Светлых искусств, - еще не хватало, чтоб вас окатило кровью этой выскочки. А вас, ректор, я попрошу открыть окно. Как говорят стражи: нет тела, нет дела.

Профессор ошарашенно замотал головой, ректор, не ждавший такой кровожадности от сотрудников, удивленно приоткрыл рот, а Фаркас хрустнул шеей и начал наступать на опешившую меня.

- Сейчас все по-тихому сделаем...

- Да вы с ума сошли! - закричала Бьянка Барис, вскакивая, и на нее с недоумением воззрились все присутствующие. Просто вот до этого момента наша ядовитая дамочка не питала ко мне никаких теплых чувств, и видеть ее в защитниках казалось в высшей степени странно. - Ее нельзя убивать, - горячо заявила она, обжигая суровым взглядом оборотня. - По крайней мере, не здесь.

Вот теперь все так, как и должно быть.

- Верно, - кивнул Фаркас, притормаживая. - Любой некромант выявит остаточные признаки насильственной смерти.

- Вы знаете, - выступила с инициативой Дори Мильграм, наша любительница растений, - на прошлой неделе четвертый курс перестарался в одной из теплиц и наколдовал целый ящик плотоядных бактерий...

- А еще можно воспользоваться одним из ядов, которые готовят на моих практических. Скажем, что перепутала.

- А можно списать все на несчастный случай, - оживилась Стелла Круз. - Мол, шла по коридору, а на нее сверху статуя василиска упала.

- Вы про ту, что на балкончике большого зала? Полнейшая безвкусица, такую не жаль...

- Я слышал, что из-за физической особенности ар-теро не способны плавать, - присоединился к мозговому штурму декан Светлых. - Что, если во время одного из полетов гарпии дожждаться, пока она отлетит подальше в море, и вызвать дождь?

Нет, вы только гляньте на этих креативщиков. Как привнести разнообразие в лекции, так мы пасуем, а как речь зашла обо мне, так вон сколько светлых идей. Одна кровожаднее другой.

- Я сказал «избавимся», а не уничтожим, - грозно напомнил Кьяри, и все вновь вздрогнули. Даже шкаф.

- И что же вы предлагаете, господин Кьяри? - проворчала Анна Сминт.

Драконище посмотрел на ректора.

- Проверка приехала не по наши души, так давайте дадим им то, чего они так сильно жаждут, и спасем Академию. Напишем общую докладную от всего преподавательского состава. Ректор, вам придется внести несколько порицаний в личное дело, я со своей стороны обещаю собрать не менее десяти коллективных жалоб от студентов. Члены комиссии должны быть уверены в том, что мы заинтересованы в избавлении от госпожи гарпии не меньше, чем они.

Белозерский побарабанил по столу пальцами и медленно кивнул. Я же откинулась на спинку стула, скрестила руки и с ненавистью глянула на высоченного декана.

- И что будет со мной?

Кьяри с безразличным видом пожал плечами.

- Переведут в другое место. Куда-нибудь подальше от нашей Академии.

Ах, вот что он придумал!

Я заставила себя успокоиться, дуя на собственные мысли, как на огонек свечи. Встав, вытащила сумку, призывно звякнувшую бутылками, обвела присутствующих покровительственным взглядом и с поистине королевским величием улыбнулась.

- Что ж, не стану вам мешать.

Женщин противопоказано оставлять наедине с обидой. Хуже только оставить ее наедине с этой обидой в компании домашнего вина и случайного мужчины.

И так как с мужчинами в Академии всегда была глобальная напряженка, то я сидела у себя в комнате, смотрела на медленно опускающиеся за окном сумерки и прислушивалась к шагам в коридоре. Вероятно, драконище чувствовал сгустившиеся над его тупой башкой тучи, потому что идти к себе не торопился.

Пришлось взять инициативу в собственные руки и послать на разведку союзника. Каково же было мое удивление, когда тот вернулся с рассказом, что дракон развлекает комиссию в составе пяти разодетых дам.

- Ну все. Ему канты! - решила я, вставая и направляясь к окну.

Оказавшись на свежем воздухе, облетела башню, где располагался преподавательский этаж, и начала искать окно драконьего логова. Наудачу заглянув в первое попавшееся, с удивлением обнаружила нашу скромную преподавательницу грез за весьма необычным занятием. Девушка самозабвенно мазюкала кистью по холсту.

Ничего особенного? Ага, такое очень умиротворяющее хобби, если не считать черного латексного костюма, облегающего, как вторая кожа, туфель на шпильках и смущенного старшекурсника, одетого в белоснежную тогу.

Вот тебе и тихий омут...

Следующие два окна ничего интересного не показали, зато я наконец сориентировалась в планировке и нашла нужное. Будучи порядочным драконом (и не менее порядочной свиньей), Кьяри навесил на свою комнату все известные меры предосторожности. Окно не стало исключением.

В другое время я бы с превеликим удовольствием приступила к отключению всех установленных защитных заклинаний, но не сейчас. Сейчас мне хотелось внимания, и я его получу.

Взломав замок на раме, быстро пролезла внутрь уже знакомой комнаты и огляделась.

Судя по разбросанным вещам, здесь собиралась на судьбоносную вечеринку девочка-подросток. Великие ветра, разве у одного мужчины может храниться столько рубашек! А ремни?! Вы когда-нибудь видели целый выдвижной ящик, заполненный под завязку ремнями?

Спихнув с кровати прямо на пол разбросанную одежду, я важно уселась на краешке и закинула ногу на ногу.

Все. Сидим и настраиваемся на скандал.

Поступь дракона походила на топот несущегося со склона стада обезумевших бизонов, глаза ворвавшегося в комнату мужчины сверкали ритуальным огнем фанатиков, а мощные кулачищи напоминали молот кузнеца.

Здравомыслящее существо уже давно улепетывало бы тем же путем, что прилетело сюда, но ведь я не из пугливых. И потом, меня просто взбесил его внешний вид.

Декан кафедры Темных искусств всегда был образцом сдержанности. Его костюмы отличались простым кроем, строгим и деловым стилем. Вначале мне казалось, что это

дело вкуса, но потом дошло – таким нехитрым способом Къяри насмеялся над богатыми детишками и их родителями с их вычурными нарядами. Вот только сейчас он вырядился в горчичного цвета пуловер с белоснежной рубашкой, узкие черные штаны, подчеркивающие накачанные ноги и крепкий зад. Тщательно выбритое лицо, яркий запах парфюма. Да он даже свой короткий ежик волос, срезанных после неожиданного посинения, облагородить попытался.

И вот это вот все ради пяти куриц из комиссии?

Къяри шумно выдохнул и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

Великие ветра, какой же тугодум.

– Некролог для тебя придумываю, – не без ехидства заявила я. – Там обязательно будет строчка: «Противоестественно, когда уровень тупости соответствует росту, но Къяри даже не комплексовал по этому поводу».

Къяри прислонился к стене и искривил губы в подобии усмешки.

– Драконище, тебя тошнит?

– Я насмехаюсь над твоей попыткой задеть меня.

– М-да? – Я чуть наклонила голову вбок. – А выглядит как несварение. Может, подхватил чего, пока кормил комиссию враньем о моей некомпетентности?

Ярко-зеленые глаза декана вспыхнули торжеством.

– Ревнуешь?

– Офигеваю! – взорвалась я, неосознанно сжимая пальцами покрывало кровати. – Ты знал о проверке. Знал, не мог не знать. Знал задолго до ее появления. Знал и подстраховался, оставив меня...

Не обращая внимания на мою вдохновенную обвинительную речь, Къяри оттолкнулся от стенки, перешагнул через кучу одежды, сваленную мной на пол, и решительно двинулся в ванную.

– Куда?! – возмутилась я. – Не смей уходить, когда я высказываюсь.

Но драконище не слушал.

Пылая от праведного гнева, я бросилась следом. Декан кафедры Темных искусств стоял у шкафчика с бутылочками и принялся. Со стороны он был похож на ищейку, взявшую след. Пальцы быстро пробежались по бутылочкам с гелем для душа, и подозрительные с виду флаконы улетели в мусорное ведро. Туда же отправились все без исключения бутылки с шампунем. Рисковать драконище больше не желал.

– Это, знаешь ли, свинство – игнорировать женщину, которая отчаянно хочет поругаться.

– Угу, – буркнул этот грубый болван, с подозрением осматривая пену для бритья.

Я проследила за полетом баночки, отправленной в утиль, и усмехнулась.

– Къяри, неужели ты всерьез полагаешь, что мне не достанет изобретательности и я стану повторяться в своей жажде отмщения?

Собеседник вернул на место зубную щетку, повернул голову и нахмурился.

– Я отреагировал на сигнал моментально. У тебя не хватило бы времени на что-то серьезное... Нет-нет, ты блефуешь.

Блефую, но кто ж признается.

– Ты прав, драконище, времени было катастрофически мало. – Губы сами собой

расплылись в коварной улыбке. – Однако достаточно, чтобы я нашла твою маленькую слабость, твою тайную страсть коллекционера и...

Собеседник едва заметно побледнел.

– Что ты сделала, гарпия?

Обида ушла, и стало так чертовски хорошо!

– Скажем так, – куда веселее продолжила я, – выбрала один из твоих ремней и поставила на нем очень-очень большую дополнительную дырку.

Никогда бы не подумала, что искусный блеф может сравниться с эффектом скипидара, вылитого на открытую рану. Никогда бы не подумала, что одно дополнительное отверстие может вызвать такую реакцию. Но Къяри завелся.

Он стиснул челюсти, сжал кулаки и пошел в наступление.

– Гарпия...

Меня грубо толкнули к стене, а после прижали огромным твердым телом.

– Как же сильно ты действуешь мне на нервы! – прорычал взбешенный декан, наклоняясь, чтобы завладеть моими губами, но я не давалась. Дразня, ловко отворачивалась в последний момент, чем только сильнее бесила сгорающего от нетерпения мужчину. – Ты действуешь мне на нервы... во всех смыслах.

И он прижался ко мне бедрами. Каюсь, такой реакции я не ждала.

Если эта демонстрация мужской силы была специфическим способом запугивания противника, то он сработал. Я опешила, не успела увернуться, и случился поцелуй. Сладкий, дурманивший сознание, будящий плоть.

Не теряя времени, дракон оторвал меня от земли, заставив вцепиться руками в его шею

и обхватить бедра ногами, и понес в комнату. По пути его нога зацепилась о разбросанную одежду, и мы фактически рухнули на кровать.

Глава 3

Треволнения

– Ты в курсе, что адекватных мужиков не должны возбуждать скандалы? – хрипло простонала я, откидывая голову назад.

Кьяри, сосредоточенный на том, чтобы покрыть каждый сантиметр моей шеи властным поцелуем, что-то неразборчиво буркнул. Его рука дернула мою рубашку из брюк, мягко скользнула по голому животу, поднялась выше и победно сжала грудь. Такого произвола я стерпеть уже не смогла.

Схватив его голову, провела по колючему светлому ежику руками и потянула к себе. По сути, мы скандалили в процессе поцелуя. Я мягко покусывала его нижнюю губу, он настойчиво и провокационно мял и гладил все выступающие части моего тела, умудрившись даже провести пальцами по узкому участку позвоночника между крыльями. Узкому и очень чувствительному.

«Скандал» набирал обороты, когда Эрг Гай Кьяри вдруг вскинул голову, уставился в сторону входа и замер, прислушиваясь.

– Ты чего? – удивилась я, стараясь отдышаться и утихомирить разбушевавшееся сердце.

– Тревожусь, – лаконично изрек драконище, повернулся и поймал мой взгляд. – Мы в кровати. Я практически залез к тебе в штаны.

– И?

– И ничего не происходит.

Я не сдержалась и захохотала.

– А ты чего ждал, Кьяри? Фейерверк за окнами? Хор мальчиков, исполняющих «Восслався, герой»?

Драконище потерялся об меня щекой, словно огромный домашний кот, и мягко поцеловал в уголок губ.

– Подвоха. Очередного покушения. Как минимум Белозерского с криками: «Почему ты бросил комиссию?»

Бам. Бам. Бам.

Дверь содрогнулась от мощных ударов.

– Кьяри, какого черта ты творишь! – раздался гневный вопль ректора.

«Вот!» – одними губами прошептал декан кафедры Темных искусств, притянул меня к себе и жадно поцеловал.

– Я дико соскучился, – прошептал он между делом.

От веса, искренности и глубины обрушившегося признания стало безумно приятно и в то же время ужасно неловко. Судя по лицу, драконище пришел в не меньший ужас от собственной откровенности. Он быстро встал, взял себя в руки и хриплым полупшепотом приказал:

– Лежи. Не двигайся. Я скоро вернусь.

– Я буду здесь, Дуглас.

Кьяри замер, прислушиваясь не то к крикам недовольного ректора, не то к воплям внутреннего голоса, предупреждающего, что крайне глупо оставлять гарпию у себя в комнате, затем медленно кивнул и стремительно вышел.

Естественно, лежать и ждать я не стала. Вот еще чего!

Быстро скатилась с кровати и понеслась в душ, на ходу стаскивая одежду. Направляясь в логово дракона, я рассчитывала на скандал, но никак не ожидала горизонтального исхода разговора. Соответственно, подготовиться не успела.

Смыв пыль, грязь и пот душной провинции, где мы проходили практику, завернувшись в мягкое махровое полотенце и выскочила в спальню. Пока ветерок лихорадочно крутился, суша крылья и волосы, я метнулась к куче одежды. Выбрав рубашку, надела ее задом наперед, подкатала рукава и застегнула на спине пуговицы: две верхние и «сколько руки дотянулись» нижних. Что поделать, местная портниха наотрез отказывалась шить мне соблазнительную ночную сорочку.

– У меня нет лекала под ваши крылья! – заявляла она.

Что такое лекало? При чем тут сорочка? Почему нельзя прорезать дырки в уже готовой одежде? И еще сотня озвученных мной вопросов, так и оставшихся без ответа.

Что тут скажешь? Упрямая баба попалась!

Покрутившись перед зеркалом, я, к своему удивлению, обнаружила, что мужская рубашка невероятно удобна в эксплуатации, подчеркивает ножки, будоражит воображение и чертовски мне идет.

Воровато оглянувшись, позаимствовала из кучи еще парочку и велела союзнику унести добычу в нашу комнату. Как говорится, с паршивого дракона хоть горсть чешуи.

Прикрыв за ветерком окошко, я сдернула с кровати покрывало, заняла максимально эффектную позу. Подождала. Сменила позу на более эффектную. Опять подождала. Переползла на центр. Подождала. Потом всего на секундочку положила голову на подушку, приятно пахнущую Кьяри, и... отключилась.

Нет, вернувшийся в логово дракон, конечно, попытался пробудить спящую красавицу поцелуями, но во сне я та еще гарпия.

– На чем мы там остановились? – хрипло поинтересовался декан, забираясь под одеяло и оглаживая огромными, чуть шероховатыми руками мое бедро.

И мне бы томно потянуться, но вы же помните – гарпия, подвид сонная.

– Что ты задумал и почему не посвятил в свой план меня? – буркнула, даже не открывая глаз.

Взрослый мужчина, опытный руководитель и просто чересчур догадливый дракон такого подвоха явно не ожидал. Уткнувшись в мой затылок, он что-то невнятно проворчал (судя по интонации, ругался), печально вздохнул и оставил сонную женщину в покое.

Уже где-то на последней границе перед фазой глубокого сна я расслышала звук льющейся воды, осторожные шаги и скрип кровати.

– Чудовище, – ласково шепнул Кьяри, притянул ближе и укутал теплом своего тела.

– Я так разволновалась, что забыла сделать переключку в начале практикума, – тихонько щебетала Юлая. – Как думаете, профессор, комиссия снимет из-за этого еще один балл?

– Снимет, – «поддержал» преподавательницу по грезам грустный Хельмерг. – Но это пустяки. У меня на открытом занятии вообще котел рванул. Позор! Позор на мою седую голову! Столько лет в Академии – и на тебе! Перепутал манганит калия с взрывчатым порошком...

Я незаметно покачала головой. Как мало надо преподавателю со стажем, чтобы деградировать до состояния «студент, заваливший экзамен».

Юлая принялась утешать старичка, подсовывая то шоколадку, то бумажный платок, то картонку Санкты-Рудофии, покровительницы всех учителей. По кабинету постепенно кружили ароматы сердечных капель и ромашкового чая. Ветерок баловался с паутиной, затянувшей угол.

Рука медленно и с неохотой выводила строчки:

*«Пояснительная записка к учебному плану высшего учебного учреждения
«Межрасовая магическая академия № 220» на текущий учебный год, также
именуемого «Академия Светлых и Темных искусств»...»*

На кой она нужна и кто ею будет подтираться?

*«Учебный план высшего учебного учреждения «Межрасовая магическая академия
№ 220», также именуемого «Академия Светлых и Темных искусств», разработан на
основе следующих нормативных документов...»*

Интересно, кто из чертей покровительствует бюрократам? Хотя сомневаюсь, что даже рогатые захотели бы мараться о гордое название «министерство образования».

*«Учебный план включает в себя обязательные для изучения на данном уровне
предметы, по которым проводится итоговая аттестация выпускников и оценка
образовательных достижений учащихся по итогам учебного года...»*

В кабинет с шумом и рыданиями влетела полненькая шалиска Стелла Круз.

– Меня уволят! Меня точно уволят! – выкрикнула она прямо с порога и картинно рухнула на пол, имитируя обморок.

И вот за что люблю преподавательский состав кафедры Темных искусств, никто даже не пошевелился. Юлая и Хельмерг пили успокоительный чай, я писала, декан слушал оправдательный лепет студента Траспарова, пойманного комендантом в женском общежитии.

– Да вы поймите, господин Кьяри, – пел соловьем Траспаров. – Вот вы бы устояли перед искушением... – Тут парень запнулся и покраснел. – Сыграть с девушкой в шахматы?

Драconiще переплел пальцы и оценивающе оглядел нахального студента.

– На партию вам потребовалось бы минут двадцать...

– Декан, вы меня обижаете! – возмутился студент. – Используя тактику гамбита, я всегда обыгрывал свою девушку за двадцать три хода. А это час как минимум.

Брови Кьяри поползли вверх, но взгляд остался все таким же серьезным и невозмутимым.

– Допустим, – изрек он со скрежетом опускающейся на шею гильотины. – Но почему вы остались на ночь и были пойманы комендантом на рассвете?

– Дело в том, – начал вдохновенно врать Траспаров, – что на пятнадцатом ходу партии моя девушка применила контргамбит Фалькбеера и съела моего ферзя.

– О-о, это серьезная потеря.

– Вот! – воодушевился поддержкой герой-любownik. – Она спутала мне всю игру. Я был вынужден уйти в глухую оборону. Делал попытки отыгаться батареей «слон плюс ладья», заманивая ее короля в угол игровой доски. Мне уже грозил неминуемый цугцванг, но тут она совершила ошибку и попала на мат Легая. – Лицо паренька расплылось в счастливой улыбке. – Господин Кьяри, вы бы слышали, как она стонала... –

Траспаров спохватился. – В смысле, негодовала! Ведь я практически вырвал победу из ее рук.

– Да-да, тут есть из-за чего расстроиться, – подтвердил дракон, посылая в мою сторону выразительный взгляд.

А я что? Я сижу и тренирую выдержку на пояснительной записке.

– Все упомянутые маневры значительно затянули шахматную партию, – подытожил студент. – Мы без сил рухнули на постель и уснули прямо после финального хода. Я понимаю, что это не является уважительной причиной, но все же прошу принять во внимание.

Декан кафедры Темных искусств вытащил из стопки лист бумаги, ручку и протянул Траспарову.

– Садись, пиши объяснительную. Сможешь, используя магические формулировки вместо шахматных, придумать правдоподобную байку, так уж и быть...

– Вы меня отпустите?

– Поставлю по своему предмету зачет автоматом, а вот наказание отбывать придется. Думаю, что пара часов практики на полигоне под надзором коменданта Якова Потски значительно улучшат вашу физическую подготовку. Он, знаете ли, в молодости тоже был большим любителем шахматных партий, но, в отличие от вас, не попадался.

– В таком случае нам будет о чем побеседовать.

– Не сомневаюсь.

Студент, понутив для вида голову, поплелся к свободному столу работать над объяснительной. В это же время дверь вновь распахнулась, и на пороге возникла Анна Сминт.

– Голубушка, вы чего разлеглись? Медитация? Сердечный приступ? Инсульт? – склонилась она над преподавательницей по магической математике, по-прежнему имитирующей глубокий обморок.

– Я не взяла интеграл, – скорбно сообщила та, складывая на груди руки. – Всегда брала. Любой! А сегодня не сумела...

– Бывает, – отмахнулась профессор Сминт, переступила через неподвижное и, будем честными, неподъемное тело, чтобы с улыбкой потребовать: – Коллеги, поздравьте меня!

– Они к вам не придирались? – изумилась Юлая.

– Они к вам вообще не пришли? – предположил профессор Хельмерг.

– Лучше!

Преподавательница аж сияла от распирающего ее счастья. Это счастье было настолько мощным, что даже мы с Къяри отвлеклись от дел и вопросительно глянули на женщину.

– Я им на-ха-мила.

Глава 4

Вред и польза открытых уроков

– Ты такая спокойная...

Юлая была поражена. Не то моей выдержкой, не то самооценкой, не то глупостью. Уточнять не стала. Не всякое мнение должно быть озвучено.

Я молча пожала плечами и с маской равнодушия начала листать журнал, брошенный преподавательницей по магической математике, хотя у самой аж пальцы подрагивали от предвкушения горячих новостей.

Меня продолжали ограждать от прессы. Да и будем честны, изучать «Столичный сплетник», как это делали другие преподаватели, попусту не хватало времени. То Кьяри заставит писать очередную никому не нужную фигню, то охламоны отличатся. Вот и приходится в перерывах метаться между кабинетами.

И вот хорошо, что ограждали. Я и раньше-то не сильно верила в силу свободы слова, но этот выпуск превзошел сам себя.

Демоны лишили монашку невинности! Эксклюзивный репортаж с места события

Куролесили, куролесили, да выкуролесили!

Солнечные очки, яркие перчатки и другие тренды этой зимы

Нет, с перчатками, даже канареечных расцветок, я могу хоть как-то примириться, но зачем солнечные очки? Прятать красные от недосыпа глаза от общественности?

Отдельного внимания заслуживала заметка о конфликте на западной пограничной заставе. Ввиду полного отсутствия дорог в тамошних лесах и чащах несколько отрядов егерей и боевых магов начали использовать в качестве транспорта лошадей. Хорошо? Хорошо. Для егерей и магов, которые раньше обходили погранзону пешком. Но не для межрасовой транспортной комиссии.

– Как?! – схватился за сердце председатель комиссии. – Лошадей же необходимо ставить на довольствие, регистрировать, проводить техобслуживание, переобувать в зимние подковы. А всадники?! Всадники не имеют права управлять четвероногим средством передвижения весом до 500 кг без соответствующих документов, выданных после сдачи экзамена по теории, выполнения стандартных упражнений на манеже и сдачи экзамена в условиях реального движения с соблюдением всех правил движения по лесополосе в условиях атаки нежити и опасных хищников.

Короче, энтузиасты и сами были не рады, но перспектива и дальше топтать ногами едва заметные тропинки радовала еще меньше.

Худо-бедно, кто с десятой, кто с двадцатой попытки, но права пограничники получили. А кто не сдал, просто купил и не морочился. Хорошо? Хорошо. Но неугомонные ребята из межрасовой транспортной комиссии вновь порадовали неиссякаемым фонтаном своего креатива.

Комиссия постановила присвоить каждому четвероногому средству передвижения номер, нанести специальное клеймо (чтоб никто не спер имущество!) и вплести в хвост и гриву светоотражающие полосы.

Егеря только рукой махнули, маги возмущались уже в голос, но в итоге и те, и другие смирились и начали выполнять требования транспортников. А вот кентаврам, которые также подходили под определение «четвероногое средство передвижения», перспектива номера, клейма на попе и светоотражающих полос в хвосте настроения не подняла.

Вы когда-нибудь видели бастующих кентавров, бьющих копытами по мостовой? Вот то-то и оно!

Я мельком глянула на занятого Кьяри, мысленно гадая – успею слетать туда-обратно до начала пары?

– Нет, – безапелляционным тоном заявил декан, кидая на меня грозный взгляд.

– Что нет? Я же ничего еще не сказала.

– Зато подумала.

Да чтоб тебя, драконище!

Обиженно сопя, я пролистала журнал до конца, но никаких сообщений о встрече эрешкиль с советом или упоминаний о покровительстве драконов над ар-теро в прессе не нашла. Вот и думай: то ли это они так хорошо работают, что ни один слух не просочился, то ли из рук вон плохо.

– Госпожа гарпия, шевелите крыльями, у вас занятие вот-вот начнется, – вновь подал голос Кьяри, щелчком пальцев испепеляя какой-то документ. Свято верю, что это не вымученный мной учебный план на год.

Сохраняя невозмутимость, я грациозно встала, неторопливо натянула куртку, замотала лицо шарфом и направилась к окну.

– Господин Кьяри, будьте так добры прикрыть за мной окошечко, – крикнула напоследок и соскочила с подоконника.

Рисуясь, сделала кульбит, ворвалась в облако и, только скрывшись от глаз драконища, начала энергично размахивать крыльями.

Опаздываю! Блин. Блин! Блин!!!

Морозный ветер трепал рыжие волосы, редкий снежок покрывал вычурные крыши башен Академии. В другое время я бы позволила себе слепить первый снежок и запустить во флюгер в виде корабля, но времени в обрез. А вот на обратном пути...

Залетев в заботливо приоткрытое студентами окошечко, я сложила крылья, спрыгнула с подоконника и с подозрением оглядела притихшую группу.

– Кто-то умер? – почти испугалась я, оглядывая траурного вида лица, черные костюмы на парнях и строгие платья на девушках.

Теоретически у Академии была своя форма. Черные пиджаки с красной отделкой и фигурной буквой «А», вышитой на груди золотыми нитками, и брюки с красными лампасами. Девушкам предлагалась вариация – удлиненный пиджак и облегающие брюки или бесформенное платье длиной до пят.

Но то в теории.

На деле же студенты носили форму только в первый месяц после поступления, а дальше забивали на правила и начинали одеваться кто во что горазд, отдавая предпочтение привычным в повседневной носке нарядам. Исключением стала только тренировочная форма боевиков. Удобная, противоударная, пропитанная заклинаниями «антигрязь» и «антихворь», форма не раз спасала студентов даже за пределами стен Академии.

И вот теперь я узрела причесанных охламонов в отглаженной форме Академии.

Мне явилось чудо.

Чудо поставило меня в тупик.

– Вы кого-то взорвали? – с подозрением в голосе уточнила я.

Класс остался недвижим.

– Прокляли?

Охламоны по-прежнему сидели, чинно сложив перед собой ручки, как образцовые первоклашки, и молчали.

– Так, дети, меня тревожит это образцово-показательное поведение, поэтому срочно

рассказывайте о его причинах, иначе я сама все додумаю, и вам же хуже будет.

В воздух взлетела рука Жетон. Отличница, что с нее возьмешь.

– Ну?

– Госпожа Браун, сегодня у нас открытое занятие. На пару придет комиссия.

Я усмехнулась и с нескрываемым весельем оглядела студентов.

– И?

В воздух поднялось еще несколько рук. Вы только гляньте, какие мы сегодня до скучного правильные.

– Если комиссия не найдет к чему придраться, то вас оставят с нами, – заявил Ронни.

Великие ветра, какие наивные нынче студенты пошли.

– Всегда есть к чему придраться, – выдала я очевидную, на мой взгляд, истину. – Было бы желание, а возможности найдутся.

Если охламоны и планировали спорить, то не успели. Дверь с тихим стоном отворилась, и в кабинет важно прошествовала комиссия в усеченном составе.

– Безобразие!

– Мы еле вас нашли!

– Никогда не сталкивалась с такой хаотичной нумерацией кабинетов.

Нахмурившись, я обошла трех теток и осторожно выглянула в коридор. Далеко ходить за ответами не пришлось. Некий злоумышленник выкрутил таблички на дверях кабинетов и перепутал местами, оставив только нашу аудиторию в покое. Неудивительно, что дамочки опоздали. Удивительно, что они вообще нашли нас!

– Добрый день, меня зовут Марсия Браун, – дежурно поприветствовала я комиссию и указала на задние парты. – Прошу. Присаживайтесь.

Дамы степенно двинулись по проходу. Глядя им в спину, я мысленно качала головой. Вероятно, эти представительницы женского рода уже давно поняли, что красотой они мир спасти не смогут, поэтому окончательно махнули на себя рукой. У первой дамы был вид тоскливой ондатры, вторая имела ярко выраженное родство с вислоухими жабами, ну а третью в детстве уронили. Трижды. Причем лицом вниз.

Ондатра. Жаба. Мопс.

Боюсь даже представить, кто будет четвертой и пятой.

– Можете начинать, госпожа Браун, – проскрипела Ондатра, пока ее коллеги вытаскивали из сумок блокноты, листки, ручки всех цветов радуги.

Я специально дождалась, пока они разложат весь свой канцелярский скarb на столе, и скомандовала:

– За мной!

Охламоны, уже привыкшие к моей манере преподавания, дружно встали и поспешили к дверям, а вот дамочки что-то возмущенно забормотали. Но я уже не слушала. Я уверенно шла по коридору, наслаждаясь процессом преподавания.

– Сегодня говорим о «Конфликте трех Ко». Гамод, кратенько, в чем суть конфликта.

Зверолюд, незаметно для других боровшийся со сползающими брюками, пошитыми явно без знания анатомии человекоподобных лисов, прибавил шаг, чтобы появиться у меня за спиной, и быстро перечислил:

- У короля Бургуса родились тройняшки: принцы Конор и Кондар, а также принцесса Коринда. Не желая ссор, отец разделил королевство на две равные части и отдал во владение каждому из сыновей. Дочери был подарен самый крупный и богатый портовый город. Однако после скоропостижной кончины короля братья начали войну. Конор называл себя старшим по рождению, поэтому оспаривал права других отпрысков. Коринда желала большей власти. Кондар хотел заполучить алмазные прииски, расположенные на территории брата...

- Госпожа Браун! - «Голову» учебной группы догнала Жаба. - Что происходит?

- Как что? Стандартный учебный процесс.

- Но почему не в аудитории?

- Места мало.

- Это возмутительно! - заключила Жаба, а охламоны неодобрительно покосились в мою сторону.

В их глазах читалось: «Ну что, вам сложно всего разок улыбнуться и прогнуться под начальство?»

Сложно.

Стоит всего раз предать себя - и потеряешься в море сомнений, обещаний и лжи во имя благополучия.

Глава 5

Удар

– Проверяем ваши знания на практике, – уведомила я, сворачивая в просторный зал, отведенный под выставку артефактов.

Студенты отдавали сюда образцы своих работ неохотно, даже под угрозой экзамена, поэтому зал пустовал. Держась на расстоянии от витрин, укрытых защитным полем, я начала делить ребят.

– Камаль, поздравляю, ты условно старший из отпрысков, принц Конор. Олаф. О-олаф! Заканчивай строить глазки Кире. Ты будешь принцем Кондаром. Вставай напротив Камалья.

Кира встретила со мной взглядом.

– И роль принцессы достается...

Девушка подалась вперед, уже готовая услышать собственное имя, но я оказалась беспощадна:

– Жетон.

Отличница вздрогнула и несколько поспешнее, чем необходимо, побежала в указанное мною место. Теперь «отпрыски короля Бургуса» стояли в центре зала, лицом друг к другу, образуя правильный треугольник. Комиссия шушукалась в уголке, остальные выстроились в шеренгу.

– У каждой из сторон был свой советник и генерал. Принц Конор...

Камаль переступил с ноги на ногу.

– ...кто присоединился к вашей стороне?

– Мой лучший друг и единомышленник – Таргос Неукротимый – возглавил собранные мною войска. Советником же стал наставник моего отца мастер Лукреций.

– Выбирай, кому достанутся их роли, – скомандовала я, кивком головы указывая на ровную шеренгу.

Камаль выбрал дружков Кьяри-младшего – Роба на роль советника и Джека на роль генерала. Олаф взял лучшего друга Яна и угрюмого паренька из свиты Киры. Адриан, кажется. Жетон остановилась на дракошке и зверолоде. Остальные студенты сгруппировались за моей спиной и выступали в роли менторов, следя, чтобы ответы всех трех команд были точными. И только Кира отступила на шаг назад и мрачно следила за ходом истории.

Окажись я сама на подобном уроке в качестве непредвзятого члена комиссии, то описала бы творившуюся в зале вакханалию как «они знатно повеселились».

Просто весь ход исторических событий мы проиграли за каких-то десять минут, а после я предложила добрать в команды по два человека и придумать новый ход событий так, чтобы максимально выиграть в «Конflikте трех Ко». Команде из Киры, Ариши и Галочки, не выбранных никем, предлагалось подумать над тем, как другие государства и королевства могли вмешаться в конфликт и переломить ситуацию в свою пользу.

Что тут началось...

Студенты возбужденно размахивали руками, кричали, перебивали друг друга, смеялись над самыми нелепыми предложениями. Короче, полное погружение в тему занятия.

Звонок нами был проигнорирован, перемена показалась одним мигом, и только когда за опаздывающей на следующее занятие группой пришел уже привычный профессор Хельмерг, пришлось сворачиваться.

– Последняя группа! – скомандовала я, поворачиваясь к трем девушкам. – Как поступят соседние королевства?

Ариша и Галочка повернулись в сторону Киры, та пожала плечами.

– Ничего. Мы сохраним нейтралитет.

– Нейтралитет, – медленно повторила я и вздохнула. – Понятие нейтралитета является привлекательной заменой слову «трусость». И я очень надеюсь, что обучаю смелых и решительных студентов. Тех, кто способен выбрать сторону, когда наступит момент.

Глаза девушки вспыхнули, кулаки сжались, но в спор она не полезла. Это хорошо. Значит, мои слова пробудили дремлющий вулкан. Осталось дожидаться, пока он рванет.

– До свидания, госпожа Браун! – прокричали охламоны и понеслись на пару к профессору Хельмергу, я же обернулась к возмущенному трио Жаба, Ондатра и Мопс.

– Это возмутительно! – подвела итог Жаба. – Это противоречит всем методикам преподавания и подрывает авторитет...

Началось.

На одном из ежегодных съездов преподавателей, отличавшихся своей скукотой и торжественностью, за кафедру встал пожилой сморчок с трясущимися ручонками.

Это был Иос Данкон, ректор Академии Многоликих, что располагалась на одном из островов неподалеку от Феса. В том году сморчка, то есть ректора, провожали на заслуженную пенсию, которую тот все откладывал, и откладывал, и откладывал, так реалистично удивляясь количеству свечей на именинном торте, что даже у бездушных канцелярских крыс, работавших в министерстве образования, рука не поднималась подписать кляузу о профнепригодности.

Выступление оказалось крайним в программе вечера, поэтому большая часть ученой публики перекечевала ближе к переходу в соседний зал, где были накрыты столы, и плевать хотела на последнего оратора.

Иос Данкон с трудом поднялся на сцену, встал подле кафедры и поправил круглые очки в роговой оправе.

– Педагоги...

Новоиспеченный пенсионер окинул взглядом, удивительно острым для столь преклонного возраста, немногочисленные остатки слушателей. В его голосе сквозила скорбь, словно дедушка поминал давно погибшего друга молодости.

– Я семь лет находился в лагере военнопленных, – начал он. – Мои глаза видели то, чего не должен видеть цивилизованный человек. Я видел, как выдающиеся ученые и прогрессивные инженеры разрабатывали первые магические бомбы, которые испытывали на пленных. Я видел, как квалифицированные врачи заражали детей неизлечимыми хворями. Я видел, как первоклассно обученные медсестры убивали младенцев. Видел, как выпускники высших магических заведений отрабатывали смертельные удары на приговоренных к смерти пленных: стариках, женщинах и детях. Вот почему я не доверяю образованности.

Ректор Данкон сделал паузу, расправил сгорбленные временем плечи и повторил:

– Я не доверяю образованности, если за ней не стоит человечность. Поэтому я прошу вас: помогайте своим ученикам стать людьми.

Твердый, уверенный в каждой произнесенной букве голос накрыл весь зал и зацепил даже тех, кто топтался у выхода, пуская голодную слюну по накрытым столам.

– Помогайте своим ученикам стать людьми, – повторил бывший ректор чуть слышно. – Ваши усилия никогда не должны привести к появлению ученых чудовищ и тренированных психопатов. Такие дисциплины, как боевая магия, управление стихиями и высшая магия, важны лишь тогда, когда помогают нашим выпускникам

стать более человечными! Растите в сердцах детей любовь, а не войну.

Это была самая правильная речь на той конференции.

Послав возмущенную моим преподавательским беспределом комиссию к ректору, я вернулась в аудиторию, натянула брошенную на стул куртку и распахнула окошко.

Сейчас немного полетаю, потом заскочу к поварам со скандалом. Ах да! Чуть не забыла, надо бы перехватить декана и... Решить, чего хотелось больше – схватить чешуйчатого гада за грудки и потрясти или прижаться и поцеловать, чувствуя его ответное неистовство, – не могла. Оба варианта казались чертовски заманчивыми. Ладно. Буду действовать по обстоятельствам и стараться совмещать.

Мои ноги уже стояли на подоконнике, когда за спиной послышалось резкое:

– Вы хотели меня унижить?

Ребенок, как же ты не вовремя!

Я медленно повернулась и встретила взглядом с невысокой девушкой, пышущей гневом. Впору звать пожарных.

– Вы постоянно подкальваете меня. Унижаете! И не даете проявить себя, – начала обвинительную речь Кира.

– Выкинь этот нелепый бзик из головы, – велела я. – Мне определенно импонирует твоя внутренняя сила и стойкость перед натиском проблем, поэтому заканчивай вести себя как истеричка. Возможно, ты не самая талантливая, умная, богатая или красивая, но Академия сделала тебя человеком, за которым следуют остальные студенты. И я это отмечаю.

– Как?! – практически крикнула Кира. – Как вы это отмечаете? Я лидер, прекрасный лидер. Я лучше других в группе умею руководить. Лучше других знаю сильные и слабые стороны каждого...

– Кира, – оборвала я девушку.

Обращение прозвучало хлестко, как пощечина, и на миг отрезвило зарвавшуюся студентку.

– Я не даю уроки тем, кто уже владеет ими в совершенстве. Твоим уроком на занятии было иное. Умерь гордыню и поймешь, о чем я.

Девушка опешила, и я воспользовалась паузой. Сделала шаг назад в пустоту и свободу, позволила телу падать, постепенно набирая скорость, и только у самой земли раскрыла крылья. Мчащийся следом ветерок растрепал волосы и прильнул ближе. Он-то и нашептал, что в коридоре прятался шпион.

Я летала, сосредоточенно обдумывая складывающуюся ситуацию, пока холод не забрался под куртку и не начал пощипывать разгоряченную кожу. Еще пару месяцев назад Кьяри уже мчался бы в обличье грозного ящера с рычанием:

– Несанкционированный полет! Немедленно вернуться в Академию, пока я не открыл по вам прицельный огонь!

Но не сегодня.

С появлением в стенах нашего учебного заведения комиссии все вели себя несвойственно. Кафедра Светлых показала себя как типичных склочных баб, оскорбляя и подначивая друг друга. Наши, Темные, явили удивительное смирение – будь что будет. Но самые разительные перемены случились на кухне. Поваров подменили!

Причем в прямом смысле.

Я много раз обивала порог ректорского кабинета с требованием разогнать неумех в колпаках и заменить на кого-то более умелого, но Белозерский был непреклонен. А стоило в Академии появиться членам комиссии, как повара самоустранились и наняли

кого-то со стороны. И вот теперь я жаждала знать кого.

Как назло, все окна были плотно закрыты заклинанием невидимости, а поверх накинут щит, не позволяющий ветерку проникнуть внутрь. Решив зайти с другой стороны, я слетала к себе, переоделась и, вооруженная корзинкой, с голодным взглядом ринулась на штурм преподавательской столовой.

Вот сейчас вкусно поужинаю, поймаю с полочным королем накрахмаленных фартуков и потребую за молчание полную корзинку вкусностей. Не сегодня, так завтра, но комиссия уберется восвояси, а вкусно кушать хочется всегда.

В столовой оказалось многолюдно. В кои-то веки практически весь преподавательский состав явился к ужину вовремя. Все привычно кучковались за давно облюбованными столами, и только в центре пустовал островок отчуждения – мой столик.

Стоило устроиться и призывно помахать дежурному, разносящему тарелки, как столовую почтили дамы из комиссии. Хорошо знакомые мне Жаба, Ондатра и Мопс шли впереди, громким шепотом обсуждая... кого бы вы думали? Меня, всю такую нехорошую.

Естественно, кого ж еще им обсуждать.

Чуть поодаль не шла, а скорее брела четвертая дама. Высокая, нескладная и жутко худая тетка. Этакая цапля на строгой диете. А вот личико оказалось красивым. Даже странно, что при таких-то внешних данных она настолько плохо одевалась и следила за собой. Может, мимикрировала под остальных дурнушек?

Дамочки устремились к пустующему у окошка столику, и вот теперь я смогла разглядеть декана кафедры Темных искусств, обнимающего за талию пятую стерву.

Розмари.

Та самая разодетая брюнетка, которую я видела с Кьяри на ужине, где выступал Кулман. Точно, она. Вон брошь в виде бабочки, вон чудовищно большая грудь, подрагивающая в вырезе платья при каждом шаге. Платье, кстати, тоже чудовищное – розовое, в облипочку, что на такой внушительной фигуре смотрится, как шкурка на колбасе.

Я молча перевела взгляд на идущего рядом с дамой Кьяри.

Что. Здесь. Делает. Эта... Крутизадка!

Глава 6

Скандал с последствиями

– Марси!

Игнорировать. Идти с гордо поднятой головой. Смотреть прямо. С шага не сбиваться.

– Марсия, остановись, нам надо поговорить.

Продолжаем хранить невозмутимость.

– Марсия, я не буду за тобой бегать.

Иди лесом, гад чешуйчатый.

– Да чтоб тебя...

Драконище приглушенно выругался, таки догнал и, схватив за плечо, развернул. Что он там говорил? Бегать не будет? Ага-ага.

Я значительно поднаторела в искусстве манипулирования, но увидеть во взгляде дракона чувство тревоги и стыда было неожиданно.

– Дай я все тебе объясню! – Это даже не просьба, это мольба.

– О, замечательно, – возрадовалась я, скидывая его руку. – Давай начнем с объяснений, чем на самом деле был продиктован порыв избавиться от меня?

Кьяри нахмурился и сглотнул.

– Розмари не имеет к этому никакого отношения.

– Правда? А вот мне так почему-то не кажется.

Из-за поворота выскочили трое гогочущих парней. Заметив нас, студенты сделались серьезными и перешли на чинный шаг. Отвернувшись, я продолжила свой путь, старательно игнорируя мягкую поступь декана, идущего по пятам. Студенты нырнули в боковой коридор, и вновь послышался довольный хохот юности. Не дав опомниться, коварный Кьяри обхватил меня поперек туловища, прижав крылья, и взлетел.

В этой части перехода под потолком шла балка, куда меня аккуратно усадили. Сам дракон устроился рядом, оседлав застонавшую от непомерной нагрузки подпорку, и загородил нас перепончатыми крыльями.

– Просто послушай, – потребовал похититель прекрасных гарпий. – Численность моей расы уменьшается с каждым годом. Ты была права, мы вырождаемся. Кроме золотых девочек из правящего рода, у нас нет дракониц. В других союзах появляются только сыновья, но женщины неохотно соглашаются на роды. Риск летального исхода для матери слишком велик.

Я кремьень. Я прекрасный бриллиант. Я глыба льда.

Ушей у меня нет, а значит, вешать лапшу некуда. Поэтому сидим, смотрим прямо, игнорируем чужое дыхание на своем виске. Тем более я уже догадываюсь, что он пытается сказать.

– После того, что случилось с Ронни, я поклялся, что подобного не случится с моими сыновьями. Два года назад я начал отбирать кандидатов и нашел Розмари.

Динь-динь-динь! Марсия вновь догадалась первой.

Тогда почему так тошно на душе?

– Она идеальна. Крупная, сильная, уже дважды рожавшая и, что самое важное, влюблена в меня настолько, что готова рискнуть. – Кьяри вздохнул. – Мы договаривались о зачатии

на эту осень, но в Академию прислали тебя, и... стало как-то не до того.

– Прости, что помешала вам обрести наследника, – сухо произнесла я.

Его пальцы отвели от моего лица непослушную рыжую прядь, задели кожу и скользнули вниз.

– Марси, я не пытаюсь избавиться от тебя. Я хочу защитить. Спрятать как можно дальше. Ради меня Розмари похлопочет о твоём переводе в более безопасное место. Я уже подготовил бумаги.

– Ладно.

– Ладно? – Къяри выглядел до крайности удивленным. – И это... все? Ты даже кричать не будешь?

Я бесстрастно пожала плечами.

– Дуглас, ты достаточно долго проработал в женском коллективе, чтобы понять – женщины кричат, когда им не все равно.

– Вот это-то меня и пугает.

Внизу снова пробежали студенты, точнее, проскакало стадо упитанных слоников, улюлюкая и завывая похлеще котов в марте.

– И на какую дату назначено прощание? – мрачно полюбопытствовала я. – Хотелось бы успеть собрать вещички до того, как меня с позором и проклятиями изгонят из этих святых стен знаний.

– Еще два дня.

Забавно. Я ожидала чего-то подобного, но реальность все равно бьет внезапно.

– Ладушки. Пошла паковать конспекты.

Къяри убрал крылья, после чего я слетела вниз и пошла в сторону преподавательского этажа. С каждым шагом злость на себя, на дракона, на пышечку Розмари, на обстоятельства нарастала.

После того, как он остался, чтобы дожидаться моего пробуждения, и вчерашней ночи я обрела надежду, что между нами что-то есть. Нечто большее, чем... Чем что?

Дракон и ар-теро не созданы друг для друга. Прочитанная в схроне история это подтверждала. Тогда почему я, вся такая умная и зрелая женщина, готова пойти и вцепиться Розмари в патлы?!

А самое скверное, что я даже знаю, на чью сторону встанет Къяри. Не на мою точно. Где уж мне тягаться с женщиной, готовой предоставить свою вместительную утробу для маленького дракончика?

Пнув по дороге забытый студентами мешок с грязным бельем, я громко протопала по коридору преподавательского этажа, потянувшись к ручке, но дверь, едва не стукнув меня по лбу, распахнулась самостоятельно.

Каюсь, я ожидала увидеть Григоровича, ректора Белозерского, даже Олафа, но никак не играющего от ярости желваками Къяри, с которым рассталась каких-то пять минут назад.

– Что ты делаешь в моей...

Дракон гневно сверкнул глазами, втащил меня в комнату, как к себе в пещеру, пришпилил к двери, аки ботаник бабочку, и потребовал:

– Кричи на меня. Немедленно.

– Вот еще! – вскинулась я. – Больно надо тратить на тебя свои нервные клетки.

Драconiще сузил глаза и завис, злобно сопя и тихонько порыкивая, а потом неожиданно расслабился и безмятежно улыбнулся.

– Ладно.

– Ладно? – Настал мой черед удивляться. – И это... все? Ты ворвался в мою комнату только ради этого?

Лицо собеседника превратилось в маску коварного злодея и начало медленно наклоняться к моему.

– Я просто подумал, что твои томные стоны мне понравятся больше, чем крики ярости.

Мощная грудная клетка фактически вжала меня в дверь, ладонь легла на шею, не то в попытке придушить, не то зафиксировать, а после Къяри мягко прикусил и потянул мою нижнюю губу.

– Я хочу тебя.

От его откровенности по телу пробежала дрожь.

Къяри прижался лбом и прошептал в самые губы:

– Хочу затащить тебя в постель. Хочу, чтобы ты могла думать только обо мне. Хочу, чтобы тебе было жарко. Хочу, чтобы ты стонала целую неделю.

– Звучит как симптомы гриппа.

Драconiще негромко рассмеялся и поцеловал. Требовательно. Нетерпеливо. Головокружительно.

Стонать и правда оказалось приятнее.

Безумие заразно.

Говорю вам, точно заразно.

Чем еще объяснить тот факт, что я, умная и самая ценная представительница ар-теро, пристроила голову на плече задремавшего дракона и слежу за тем, как мерно ходит широкая грудная клетка. А еще глупо улыбаюсь, что вообще ни в какие ворота не лезет!

Вот зря я осталась в Академии. Надо было бежать сразу, как только Риттера убили. А теперь подхватила от студентов безумие и отдалась во власть страсти. Сперва в своей комнате, а после всю ночь в его.

Я облизала покусанные, горящие от поцелуев губы и тихонько вздохнула. Знать бы, что все прелести Блуждающего чертога можно найти в момент близости с Къяри, никогда бы не сунулась в это подозрительное местечко.

Засыпать с кем-то было в новинку. Привыкшая спать в гамаке, я все никак не могла сложить крылья так, чтобы они не мешались, пока не нашла самое простое решение – одно поджала, а другое вытянула и укрыла спящего дракона.

Мой.

Надо бы как-то пометить. Ну там спину расцарапать или перышко в волосы вплести. Чтобы Розмари сразу поняла, кто тут чей.

Великие ветра, да я, оказывается, собственница до мозга костей.

Нет, ну кто бы мог подумать.

Проснулась резко, с ощущением потери. Дернулась, открыла глаза и поняла, что лежу, вольготно разбросав руки, ноги, крылья и волосы, на кровати одна. Вопреки моим ожиданиям, Къяри обнаружился сидящим на полу, спиной ко мне. Он доставал из выдвинутого ящика ремни, придирчиво осматривал, сворачивал и убирал назад.

– Драконище, ты чего это? – с улыбкой полюбопытствовала я.

Кьяри вжал голову в плечи, развернулся и быстрым вороватым движением задвинул ящик под кровать.

– Проснулась! – чересчур бодро воскликнул драконище, поднимаясь. – Я даже завтрак успел добыть, а ты все спишь и спишь... – И тут его осенило. – Марсия, ты ведь ничего не делала с моими ремнями, да?

Я полюбовалась картинкой «голый декан недоумевают» и с самым честным взглядом, на который только была способна, сказала:

– Конечно, нет!

Убедительно сказала, но драконище не поверил. Ну, это уже его проблемы. Выдуманные проблемы.

Все еще хмурый и задумчивый хозяин комнаты потянулся к тумбочке, где под колпаком заклинания стазиса хранился наш завтрак, но на полпути передумал и выпрямился.

– Марси, я должен кое-что сказать. Прошу, выслушай и не перебивай.

О, как официально!

– Мне сложно перестроиться, потому что я успел распланировать свою жизнь на два десятилетия вперед.

– Два десятилетия? – изумилась я. – Фу, как скучно!

– Не перебивай. – Кьяри провел ладонью по голой груди, собираясь с мыслями, и решительно продолжил: – Так вот. Я хочу сына. Хочу так сильно, что готов до конца жизни испытывать чувство вины за смерть Розмари, если все окончится плачевно. А вот к чему я не готов, так это потерять тебя. Поэтому... Марсия, а ты вообще слушаешь?

– Ага, – соврала я.

Вы хоть представляете, как сложно слушать голого оратора. Думаю, первые фиговые листочки человечество приложило к сокровенным местам лишь для того, чтобы толпа не отвлекалась.

Короче, момент для откровений драконище выбрал неподходящий. Мой взгляд блуждал по сильному телу, туманя сознание. С точки зрения канонов мужской красоты ар-теро драконище был страшен, как члены нагрянувшей в Академию комиссии. Чересчур высокий, если не сказать огромный. Великан с внушительными мышцами и... самой потрясающей улыбкой.

Великие ветра, как же сексуально он умеет улыбаться.

– ...сядем на корабль и уже на Фесе найдем первую попавшуюся контору, чтобы узаконить отношения с юридической точки зрения... Ты ведь сохранила международный сертификат личности?

Машинально киваю, а потом до сознания доходит смысл сказанного.

«...узаконить отношения с юридической точки зрения»? Не поняла. Это что, намек на брак?

– ...брачные браслеты купим на месте, чтобы не тратить время на поиски...

А-а-а-а! Паника-паника-паника!

Марси, срочно меняй тему, пока он не закончил эту крамольную мысль – оформить отношения официально!

Может, сказать, что Ронни и Кира встречаются? Мелко. Профессор Хельмерг спит на лекциях? Так это все знают. Юлая играет со студентами в Госпожу Художницу? Сомнительно.

Ветра! Почему, когда надо, ничего путного на ум не приходит?!

– Как тебе мое предложение?

– Ты лысый! – ляпнула я.

Къяри растерянно моргнул, а потом закинул мускулистую руку за голову и провел по короткому ежику волос, чьи кончики все еще отливали синевой.

– Так твоими стараниями, – припомнили мне синьку в шампуне.

– Я не об этом! Вот смотри.

Подскочив, быстренько промаршировала к краю кровати. Пальчиками игриво скользнула по его груди, обвела пупок.

– Абсолютно гладкий торс... – рука скользнула еще ниже, – и не только торс.

Драконище притянул меня к себе, куснул за шею и глухо прорычал:

– Звучит как обвинение.

Меня мягко толкнули, повалив на кровать, и легли сверху.

– Все brutальные мужики должны быть волосатыми, как гориллы! – продолжала стоять на своем.

– А я не мужик. Я др-р-раконище!

Надо сказать, что драконище ненасытный, легко поддающийся женским чарам и теряющий нить разговора...

– Так что насчет свадьбы?

Чтоб тебя!

– Поедешь вместе со мной на бракосочетание моих давних друзей Лица и Микаэль? – полюбопытствовал Къяри, покрывая мою шею и грудь быстрыми поцелуями. – Учти, ответить надо сегодня, а то невеста жутко нервничает из-за числа гостей.

Я облегченно выдохнула, осознав, что почем зря себя накрутила, и согласно кивнула. И почему никто мне не напомнил, что декан кафедры Темных искусств тот еще манипулятор?

На западе материка, в самом сердце, в Алькете, городе хаджитов – представителей племени больших человекоподобных лисов, – есть природный заповедник «Уста рая». Главная звезда тамошних мест – ворон Грачет.

На минуточку, ворон – это одна из немногих птиц, способных выполнять маневры, аналогичные авиационным фигурам пилотажа: управляемую бочку и полубочку. Но Грачет знаменит не своими кульбитами в воздухе.

Старый ворон, возраст которого перевалил за пятую сотню, что очень даже неплохо даже для архимага, за свою продолжительную жизнь освоил семь языков, обзавелся сотней-другой птенцов, вознал во гроб одиннадцать привратников, а недавно заделался в предсказатели.

Раз в неделю Грачету несут хлеб и зрелища, а точнее – стопку газет «Столичного сплетника» и мешок соленого попкорна.

Говорят, что захват власти в Шалиссии бастардом короля ворон предсказал за четыре года до случившегося. О восстании на рудных шахтах предупредил за полгода до бунта, окончившегося кровопролитием и громким взрывом, как на местности, так и в прессе. Эндрю Форд еще только сделал официальное заявление о своем желании узаконить отношения с Барбарой Чак, а прозорливый ворон уже подсчитал сумму откупных, которые богач выплатит своей жене при разводе.

Еще говорят, что когда Грачет наткнулся на заметку, где кратко упоминали о моем переводе из застенков на мысе Радужный в обитель знаний, Академию Светлых и Темных искусств, этот ошипанный ворон так громко ржал, что свалился с ветки на землю и еще долго конвульсивно подергивал лапами, оставаясь валяться на спине и хрипло каркать.

И у меня только один вопрос.

Где конкретно живет эта птичка?! Желательно с точным указанием дерева, номером ветки и внешним видом гнезда.

А то давненько я в гости не летала!

Глава 7

Бракозадорный процесс

Давайте кое-что проясним. Я ненавижу крыс. Не всех. Только крупных и кабинетных. Обожаю яблочное варенье и чай из сирени. И слегка выжила из ума, так как согласилась полететь на остров Фес вместе с драконом.

Ах да! Еще меня нельзя пускать на свадьбы.

Хватило крохотного замечания: «А в женском туалете окна забраны решеткой. Видать, это все, что нужно знать о семье и браке», – мимоходом брошенного невесте, чтобы разъяренный жених потребовал:

– Къяри, если эта дамочка еще хоть раз приблизится к моей невесте со своими ценными замечаниями, то оплачивать сорванную церемонию будешь сам!

«Эта дамочка» нахмурилась, подобралась и начала обдумывать месть.

– Лиц, не мандражируй, – добродушно улыбнулся Къяри, обнимая меня за плечи. – Никуда твоя женушка не денется.

– Надеюсь! – рявкнул мужчина. – Потому что я почти два года уговаривал Микаэль выйти за меня и не допущу, чтобы все сорвалось в последний момент! Так что следи, чтобы твоя женщина не подходила к моей женщине даже на расстояние метко брошенного букета невесты!

Проводив нервного Лица испепеляющим взглядом, я подняла голову и в упор уставилась на задумчиво улыбающегося дракона.

– Твоя женщина?

– А что, надо было представить нас как коллег?

– Можно было вообще не тащить меня на это мероприятие скорби, – проворчала я, одергивая складки платья.

По случаю праздника я решила принарядиться и купила в местном ателье наряд на вечер. Шикарное струящееся платье в пол изысканного темно-бирюзового оттенка удивительно шло к моим рыжим локонам, черным крыльям и невыразительным глазкам. Лиф и подол были искусно расшиты крохотными стразами, мерцающими в бликах света, а вырез на спине заканчивался уж очень низко.

Удушающе-жаркий климат Феса не позволял носить ничего, кроме шелка, жадно льющего к телу прохладной гладкостью. Дракону хватило одного взгляда, чтобы окрестить это произведение искусства Платьем порока и усилить хватку на моем запястье.

Конвоир. Вот самый настоящий конвоир. Уж мне-то можете поверить.

– Будет весело, – обнадежил меня Къяри, одетый в белую рубашку с короткими рукавами и светлые брюки.

– Что-то сильно сомневаюсь.

Мы неспешно прогуливались по небольшому залу, отведенному для узаконивания отношений с юридической точки зрения. Местные вообще не считали нужным заморачиваться с бумагами, поэтому церемонии проходили за десять-пятнадцать минут. Обычно. Стоило госпоже гарпии ступить на первую ступеньку учреждения по регистрации брака, как в здании прорвало трубу. Пока маги устранили поломку, нас препроводили в этот зал и попросили подождать.

Забавно, но хуже всего ожидание сказалось на женихе. Лиц нервно бегал между гостей и сотрудников, пытаясь ускорить процесс, а вот невеста безмятежно сидела в уголке и попивала с подружками шампанское.

- Нет, Кьяри, ты только глянь на ее подруг! Невеста должна кидать не букет, а ката. А браслеты?! Ты видел их удручальные браслеты?

- Ты хотела сказать «обручальные»?

Я даже остановилась и взглянула на него с упреком.

- Видел бы, не поправлял.

Кьяри с трудом сдержал улыбку, увидел кого-то в толпе и резко посерьезнел.

- Внимание, прямо по курсу глубоко верующий человек.

Веру в пузато-бородатом дядьке выдавал огромный символ Всеединого, отлитый из платины. В остальном же это был самый обычный мужчина среднего роста, с чуть оплывшим лицом и большими карими глазами.

- Добре, сын и дщерь моя, - с легким акцентом поприветствовал нас дядька, платком вытирая выступившие на лбу капельки пота. - Этой ночью Всеединый дал мне знак...

- Бесполезно, отас Пануфре, - холодно оборвал Кьяри, - я все тот же неверующий грешник.

Пануфре поджал губы и вопросительно глянул на меня:

- Вы тоже не верите в божью силу?

- Почему не верю? - делано удивилась я, чем несказанно обрадовала нашего собеседника. Впрочем, тут же вернула на землю: - Божья сила есть божья масса, помноженная на божье ускорение.

Отас что-то проворчал на незнакомом мне языке, взмахнул руками и ушел на поиски более благодарной паствы.

- Что он сказал? - полюбопытствовала я, глядя в расплывшееся от радости лицо Кьяри.

Меня крепко обняли и поцеловали в макушку.

- Что мы идеально подходим друг другу.

Ой, что-то сомневаюсь. Я уж было рванулась за отасом с просьбой повторить сказанное, но умиротворяющую атмосферу ожидания нарушил громкий хлопок портала и грозное:

- Только через мой труп!

Я машинально повернулась на звук и с удивлением обнаружила Галактиона Белозерского собственной разгневанной персоной.

Он-то что тут забыл?

Именно в этот момент ректор вышел из портала, стряхнул с пиджака разноцветные искры и заметил нас.

- А вы какого черта тут делаете?! - поприветствовал нас злой, как стая драконов смерти, руководитель.

Очень хотелось ляпнуть что-то в духе «приносим несчастья», но Галактион уже переключил внимание на кучкующихся в сторонке родственников и гневно выпалил:

- Где этот дурак?!

На гостя, судя по всему, незваного и нежданного, оглянулась добрая половина зала. Молодая дама, вошедшая, вероятно, для того, чтобы позвать нас на церемонию, решила не торопиться. Невеста воинственно поднялась со своего стула. Фотограф, приглашенный увековечить этот судьбоносный момент, радостно защелкал камерой. Жених пал на четвереньки и со скоростью покалеченного на две лапки паучка начал быстро пробираться к выходу.

– Милый? – ахнула возлюбленная.

– Куда! – взревела мамаша невесты.

– Я те дам жениться! – подхватил ректор.

Осознав, что скрыться с места преступления незамеченным не выйдет, Лиц чертыхнулся, вскочил и помчался к распахнутому окну. Это был изящный прыжок через подоконник с кувырком через цветущий куст шиповника и изящным приземлением носом в клумбу.

В зале вновь раздался хлопок портала, и к разгневанному Белозерскому присоединилась зареванная дама.

– Гоша, не тронь деточку! У него слабая нервная система. Его нельзя пугать.

Следом за дамой из портала вывалился еще с десятков женщин разных возрастов, голосащих:

– Где эта ведьма?! Покажите нам вертихвостку, что окрутила нашего мальчика!

Жених перестал изображать саженец, скоренько выкопался из клумбы и кинулся вверх по улице.

– План игрек! Любимая, план игрек! – орал он.

С виду вся такая кроткая невеста оглядела толпу рассерженных женщин, спугнувших жениха, и кровожадно улыбнулась. Взмах руки, и шикарный подол платья летит в сторону, освобождая девушку от лишних юбок.

– Дщерь моя, прикрой непотребство! – возмутился отас Пануфре, защищая рукой глаза, но осмотрительно оставляя щель между пальцев.

А посмотреть было на что. Фигурка у девушки была, как у опытной акробатки – гибкая, сильная, точная в каждом совершенном движении.

Батюшки! Откуда у Микаэль арбалет? Нет, не так. Где она его прятала?! Нет, снова не то. На фигу ей арбалет на свадьбе?! Случайно сунула в женскую косметичку вместе с тенями и блеском для губ?

– Сейчас уйдет. Лови! – заорал Белозерский, первым догадавшись о планах невесты.

– Вперед! – мощно гаркнул отец девушки, аки командир пехоте. – Не дадим сорвать свадьбу!

Къяри успел увести меня в сторону до того, как противоборствующие стороны сошлись врукопашную. Усадил на заботливо принесенный стульчик, укрыл щитом и сунул в руки фужер с шампанским.

– Я же обещал, что будет весело, – заявил дракон, устраиваясь рядом.

– Да ты просто мастер по части развлечений, – усмехнулась я, пробуя шампанское. – И все-таки, что тут творится?

– Лиц – внук ректора, – начал вводить в курс дела Къяри. – На данный момент он и его дед – единственные мужчины фамилии. Трое сыновей Галактиона погибли в сражениях, родной брат Лица пропал при загадочных обстоятельствах, а двоюродный пять лет назад заявил, что всю жизнь хотел быть девушкой, и сменил брюки на платье. Короче, считай, что тоже пропал... Вот их немного и переклинило на Лице, который отчаянно не желал соглашаться на выбранных мамой и тетками девушек.

Теперь понятно, почему парочка решила играть свадьбу на Фесе, острове, где нет проволочек и бюрократии. И нет сердобольных родственников.

Я с улыбкой проследила за тем, как Микаэль прорывается к выходу, как подружки невесты повалили на пол сыплющего проклятьями ректора, как грузная дама оступается и падает попой в праздничный торт.

- Дуглас, ты такой романтик, - с нескрываемой издевкой сообщила я.

Кьяри вздрогнул, но я сделала вид, что не заметила.

В проеме открытого окна была хорошо видна толпа собирающихся зевак. Мой взгляд выперил высокого мужчину в белом отглаженном костюме и с пиратской удалью в глазах.

Глава 8

Остров невезения

Лиц и Микаэль таки поженились.

Это случилось на закате на борту источающего дикую вонь суденышка, пришвартованного в пятой гавани. План игрек, чтоб его!

Внешний вид брачующихся, переживших стычку интересов родственников, оставлял желать лучшего, а соединял влюбленные сердца захмелевший от радости и суммы взятки капитан. Мы с Кьяри стояли рядом с лицами понятых, приглашенных к труп.

– Клянусь вечно любить и почитать тебя, мое сердце... – давал клятву новоиспеченный супруг.

– Попахивает лапшой на уши, – тотчас съехидничал дракон.

К счастью, тихо. Поэтому расслышала его я одна.

Но если дракона смутили пылкие обещания Лица, то меня покорила свадебная песня Микаэль. Она голосила, как имитирующий смерть свин, чего не вынесли портовые дворняги и принялись истошно подвывать. Пока Кьяри прощался и поздравлял молодых, я спустилась на пирс, подхватила подол платья и медленно побрела вперед.

Мимолетное чувство тревоги кольнуло сознание и тотчас отпустило. Но я была тем еще параноиком, поэтому замерла и прислушалась. На секунду мне показалось, что сбоку, между двумя покачивающимися лодками, мелькнуло что-то белое. Не то кусок паруса трепыхнулся на ветру, не то выглянул из-за мачты мужчина в белом костюме.

Отправленный на разведку союзник столкнулся с чужим ветром, охраняющим паруса на одном из кораблей, и испуганно вернулся под мою защиту.

Что-то было явно не так.

А через мгновение до меня дошло, что именно.

Тишина.

Порт словно затаил дыхание, море отхлынуло, беспокойные птицы заткнулись, затаившись кто где. Даже ветер, неизменный спутник неба, не подавал признаков жизни. Я сглотнула, крутанулась вокруг оси и скорее почувствовала кожей, чем услышала мерный, все нарастающий гул.

Обмерев от первобытного чувства страха, я медленно подняла голову, увидела несущуюся на меня массу и... заорала:

– Дракон!

Хотя «дракон» – это я польстила. В потемневшем после захода солнца небе барахтал перепончатыми крыльями несуразный драконьш с перепуганными седоками на спине.

В день, когда на Академию налетела полная ЖОПа (и это я не про комиссию, а про заклинание «живой отпечаток памяти»), Ронни еще не владел полным оборотом. Только крылья и юношеский гонор. Чуть позже я видела принудительную трансформацию, когда драконы смерти поддались массовой галлюцинации и увидели, как я убиваю их собрата. И вот теперь этот самонадеянный ящер возомнил себя большим и сильным.

– Ронни! – рявкнул подбежавший Кьяри, тоже запрокинув голову.

– А-А-А!!! – раздался испуганный вопль из поднебесья, и Ронни провалился в воздушную бочку.

Коротко ругнувшись, мы с Кьяри взмыли вверх.

Все-таки чуйка меня не подвела. Брать в ученики дракончика было равносильно

подписанию смертного приговора нервным клеткам. Мало того что этот идиот крылатый сделал полный оборот в дракона, так он еще и остальных к себе на загривок усадил.

Учишь-учишь, а они как были дубами, так и остались.

Мне удалось подхватить Гамода и Камалю заклинанием левитации, Кира и Олаф вспомнили о том, что они воздушники, самостоятельно, а вот всезнайка Жетон пришлось спасать уже ветерку. Уставшего Ронни, махавшего крыльями от самого материка, выручал Кьяри. Грозно рыкнув, огромный ящер схватил за хвост падающего дракошку и, словно мать нашкодившего котенка, понес дорогую сердцу поклажу на пирс. А уж там...

Нет, мне всегда нравилось злить Кьяри-старшенького, но сегодня он что-то не на шутку разошелся. Прикрывшись куском парусины, он дождался, пока все соберутся вместе, и обрушил на студентов, свалившихся на наши головы, гнев.

– Вы хоть соображаете, что творите?! – рявкнул взбешенный декан кафедры Темных искусств. – У вас что вместо мозгов? Ветер?

– Не ори на них! – возмутилась я, загораживая охламонов собой. – Криками ничего не добьешься.

А потом развернулась, увидела счастливые лица студентов, едва не разбившиеся о воды пятой гавани, и тоже взорвалась:

– Какого етишкина корня вы забыли на Фесе?!

– Нам сказали, что комиссия осталась недовольна вашими методами преподавания...

– ...поэтому мы взяли академи и...

– ...полетели за вами!

У меня непроизвольно сжались руки, визуализируя в них ремень, задергался глаз, а в голову закралась бредовая мыслишка утопить этих горе-недоучек и спасти материк от малолетних недотеп.

– Госпожу Браун еще никто не увольнял! – рявкнул Кьяри, возвышающийся за моей спиной.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Госпожа Браун? Он серьезно? Еще немного – и я заскучаю по временам «госпожа гарпия»!

– Мы участники восстания против существующей системы образования, ее прогневших методов обучения и борцы за всестороннее развитие личности студентов, – с занудством истинной отличницы сообщила Жетон.

– Да! – радостно выкрикнул Олаф. – Это... как его... повстанцы!

– Слушайте меня внимательно, засранцы!

– Повстанцы, – обиженно поправил Олаф.

– Не перебивай, когда я кричу!

Охламоны сбились в тесную группу и смотрели глазами, полными раскаянья о содеянном. Притворялись, гады.

Я тяжело вздохнула.

– Никто меня не увольнял. Пока, во всяком случае. Но даже если уволят, то это не повод лезть на приятеля, впервые совершающего полный оборот, и нестись через море, кишасшее морскими гадами и пиратами... – Я всплеснула руками. – Как вам такое вообще в голову пришло! Кира, – обратилась к девушке, вот кто меня откровенно разочаровал. – Почему ты не придумала план получше?!

– Я могла бы! – неожиданно взвилась та и выразительно глянула в сторону Олафа. – Но мне... помогали.

Глаз дернулся еще раз, а вместе с ним и рука. Кьяри обнял за талию и хмуро заключил:

– Прибыть сюда было дурацкой идеей. Мы еще побеседуем о вашем безрассудстве, но не здесь и не сейчас.

Гамод, Камаль, Жетон, Кира и Ронни с молчаливым смирением двинулись по доскам пирса. И только бурлящая внутри Олафа энергия не дала ему смолчать.

Парнишка склонился к уху Киры и громким шепотом уточнил:

– Я чего-то не понял. Декан мутит с госпожой Браун?

На него коллективно шикнули. Ронни даже приобнял за плечи и что-то грозно шепнул. Кьяри тотчас убрал руки с моей талии, смущенно кашлянул и отстранился. А вот до меня запоздало дошло. Мы спалились! Причем конкретно так.

Студентов пришлось подселить в наш отель. Дракон пытался спихнуть их куда-то в другое место, но я напомнила о том, как эти чуда свалились на наши головы, и Кьяри согласился, что оставлять их без присмотра чревато. Тем более на Фесе. Родине не обремененного моралью сброда.

Остаток ночи прошел без происшествий, зато утро порадовало скандалом.

– Нет.

– Да!

– Я сказал – нет.

– Да плевать я хотела на твои запреты!

Мы сидели за сдвинутыми вместе столами, в окружении заспанной, но очень счастливой шестерки студентов, и завтракали. Точнее, я спорила, а упрямый дракон неторопливо ел и не желал внимать голосу разума, то есть мне.

– Это опасно. Не забывай, что ар-теро причислены к неразумным существам. Угадай, сколько заплатят коллекционеры редкостей за твою поимку.

Я прикусила губу, даже примерно не представляя, сколько могу стоять на черном рынке. Пять? Десять? Пятнадцать тысяч? Но это если не знать, что я – одна из немногих Памятей, оставшихся в моей расе. А если знать?

Ладно, буду рассуждать логически. Сколько эрешкиль готова отдать за меня? Остатки казны, не меньше. Но ведь на всех ар-теро казны не напасешься! Значит, думать надо скромнее...

– Ладно, не гадай, – смиловился Кьяри, намазывая джемом тост. – Двадцать тысяч. За твою поимку дадут двадцать штук. Большой куш для местных.

Каких-то жалких двадцать штук? За меня, всю такую бесценную, с какой стороны ни посмотришь?!

Нет, определенно следует встретиться с местными контрабандистами, побеседовать и повысить мой ценник в три раза. Это минимум. Лучше вообще в семь!

Впрочем, вслух озвучила совершенно иное:

– Я защищена статусом преподавателя Академии. Никто в здравом уме не станет связываться...

Кьяри хмыкнул и снисходительно улыбнулся.

– Марсия, мы не на большой земле. Здесь испачканные чернилами бумажки не имеют веса.

– Но охламонов надо учить!

Охламоны, с интересом следящие за дебатами, согласно кивнули и затаили дыхание.

- Вот и учи, - согласно кивнул Кьяри. - Не выходя из номера.

Ага, сейчас прям. Уже послушно опускаю взгляд и деградирую до состояния безвольной овцы.

И не рассчитывай, драконище. Марсия Браун от своего не отступит.

Но продолжать дебаты не стала. Я ж умная женщина и в курсе, что статусные мужчины не любят, когда им возражают на людях. Упрямые драконы вообще этого на дух не переносят.

А вот наедине можно попробовать переубедить снова.

Второй подход к упрямцу состоялся аккурат после окончания завтрака, когда мы поднялись в комнату. Кьяри направился к шкафу, где уже отвисал вынутый из сумки парадно-выходной комплект: рубашка с коротким рукавом и шорты.

- Куда-то собрался? - любопытствовала я, баррикадируя дверь стулом, так сказать, во избежание.

Мало ли кому еще вздумается сунуть к нам свой любопытный нос, а я планировала стоять на своем до победного. Возможно, даже раздеться. Или раздеть.

- В посольство. У меня там давний приятель работает, дружим еще со времен учебы. Схожу проведать, узнаю, как дела.

Понятно. Значит, мной перед старыми друзьями светить не хочет.

Ладно. Запомню. При случае отплачу. Но сперва...

– Кьяри, ты обязан отпустить нас.

Да-да, вот так прямо в лоб. А чего ходить кругами?

Не прерывая процесса застегивания пуговиц на рубашке, драконище глянул на стул, хмыкнул, потом перевел взгляд на меня и холодно отрезал:

– Нет.

– Да почему?! – Я развела руками. – Это же банальный поход в музей, расположенный в центре города. Ну что может случиться?

– Зная тебя, могу с ходу назвать около тридцати вариантов. – Кьяри криво усмехнулся. – Это без учета стихийных бедствий и внеплановой гражданской войны.

Да за кого он меня принимает?! На организацию гражданской войны понадобится чуточку больше времени, чем на обычный поход по музею. Приблизительно двое суток на раскачку общественного мнения, хорошая команда и пачка крекеров.

– Марси, – миролюбиво начал Кьяри, подошел и обнял. – Пожалуйста, дождись вечера. Я вернусь и выведу всю вашу неугомонную банду на прогулку.

– Звучит так, словно мы свора собак, которую надо выгулять, чтобы избежать луж по всему дому, – недовольно буркнула я.

Драконище вздохнул, чмокнул в макушку и направился к выходу.

– Не ворчи.

– А ты не упрямствуй! – бросила ему в спину и, осознав, что жертва переговоров вот-вот сойдет к другу в посольство, прибегла к последнему методу.

Я заканючила.

– Дуглас, ну пожа-а-алуйста.

Кьяри замер в полуметре от забаррикадированной двери.

Секунду ничего не происходило, а потом высоченный дракон вскинул руку, и я пронаблюдала стремительный полет стула, ставшего жертвой ярости. Встретившись со стеной, мебель разлетелась на составляющие и с громким стуком обрушилась на пол.

Вот что значит быть третьим лишним в разговоре.

– Марсия, ты ведь помнишь, что я тебе говорил?

В противовес kloкочущему внутри бешенству, голос Кьяри оставался нейтральным, а лицо повернувшегося дракона удерживало маску спокойствия.

Я скрестила руки на груди и с вызовом улынулась.

– Прости, но не слежу за всеми твоими гениальными высказываниями.

– Тогда повторяю...

Плавный шаг в мою сторону.

– Я не дурак, Марсия.

Еще один шаг хищника, подкрадывающегося к жертве.

– Я вижу все твои уловки.

Шаг, и у меня захватывает дух от его величия и мощи, готовой сорваться с привязи самоконтроля.

- И я уж точно не твои непутевые студенты, на чьи личности ты можешь с легкостью влиять.

Шаг, и он нависает надо мной, как разгневанный вулкан над обреченными жителями деревни.

- Поэтому пре-кра-ти.

Так, Марсия, спокойствие. Вспоминаем первое правило преступников и отпираемся до последнего.

- Прекратить что?

- Прекрати называть меня именем брата. - Красивые губы мужчины скривились в чувственной улыбке. - Я не Корсак, я не поверю в провалы памяти.

Ну, иного от чересчур догадливого дракона я и не ожидала.

- Каюсь, - продолжил Кьяри, - когда ты сделала это впервые, я ухватился за шанс быть тем, кем не являюсь. Позволить себе больше, чем мог до этого. Выйти за рамки своей личности. Изменить шаблоны поведения. Побывать кем-то иным. Побывать улучшенной версией себя. Более настойчивой, чувственной и откровенной в своих желаниях. И это помогло нам сойтись.

Он мягко погладил мою щеку, провел большим пальцем по губам, по шее, а после резко притянул к себе и поднял.

- Но я такой, какой есть, так что прекрати эти игры в усовершенствование и прими все мои недостатки.

...Кьяри целует. Нет, клеймит мои губы поцелуем. Жгучим, страстным, будящим желание не хуже любых придуманных стимуляторов. Целует без нежности и всякой осторожности, и я бросаюсь навстречу этому натиску. Обнимаю ногами, цепляюсь пальцами за мускулистые плечи и задыхаюсь...

- Как меня зовут?! - глухо прорычал он в мои губы.

- Эрг...

- Гарпия, - ласково протянул дракон, обнимая сильнее и целуя все более порывисто, настойчиво.

Стук в дверь и крик Ронни:

- Дядя, тебя спрашивает какой-то мужчина. И он очень настойчив, - прервал все веселье.

Глухо застонав, я уткнулась в шею Эрга и сжала так сильно, как смогла. Что обидно, драконище даже не охнул. Лишь на губах мелькнула довольная улыбка, и меня ссадили на кровать.

- Мне пора. Вечером продолжим, - заявил этот гад чешуйчатый, подарил прощальный поцелуй, от которого внизу живота заныло еще сильнее, и вышел.

Раскинув крылья, я плюхнулась на кровать, дождалась, пока сердце перестанет бухать, а разум, подернутый розовой дымкой, прояснится, и решительно встала.

- Ронни!

Тот мгновенно сунул голову в комнату.

- Предупреди остальных, что мы идем на экскурсию. Десять минут на сборы.

Раз Эрг Гай Кьяри такой до противного сообразительный, то должен был догадаться, что сидеть в номере я не намерена. Должен был? Должен. Значит, сам виноват!

Глава 9

Поход в музей

Вот не зря я потащила с охламонами в музей.

По сравнению с удушающим жаром улицы просторные залы музея, располагавшегося в гроте, казались божественной прохладой рая. А еще здесь не было экскурсовода, точнее, тут не было никого, кроме билетерши на входе. Местные не жаловали музеи, туристы предпочитали занятия поинтереснее, такие как валяние на пляже и поглощение местных фруктов и вин. Меня сей факт одновременно возмутил (как можно так наплеватьски относиться к собственному самообразованию) и порадовал (мешать лекции никто не станет).

– Фес входит в состав островной группы. Это самый большой остров в данной части моря, но столица располагается на Салире, островке в разы меньше. Именно Салир считается местом сделок с материковыми королевствами. Остров Танк – излюбленный курорт аристократов, Берг – остров-заповедник, где и по сей день обитают редкие виды, не выжившие на материке. Малые острова: Кальта, Дракольт, Мишера. Вся группа носит название Пугня, что в переводе значит «драка», – рассказывал Гамо, пока я старательно делала вид, что не замечаю, как он подглядывает в шпаргалку. – В большинстве источников указано, что сюда отправляли каторжников, пьяниц и сирот на работы в каменоломни, те постоянно дрались, отчего островная группа получила такое неказистое название. Но...

– Но?

Зверолод дернул лисьими ушами и признался:

– Я вычитал в саге Дитридата, что пять веков назад эти острова подвергались атакам морских чудовищ, рабочие отказывались селиться на проклятых островах, поэтому сюда массово стогнали преступников. Так сказать, помрут – не жалко. Вот почему я пришел к выводу, что Пугня – это не столько «драка», сколько «отпугнуть».

Надо же. Мои охламоны эволюционируют. Еще немного, и я поверю, что научила их мыслить.

– Госпожа Браун, а можно я вон ту палку в руках поверчу! – воскликнул Олаф, восторженно тыча в висящий на стенде экспонат.

Нет, не научила. По крайней мере, не всех.

– Конечно, можно. Только после местные власти открутят тебе руки.

Олаф задумался. Поверить не могу. Он всерьез размышляет!

– Присмотри за ним, – велела я Кире.

– Почему я?! – тотчас окрысилась та.

– Тебе посчастливилось оказаться в поле моего зрения.

Взгляд, которым меня одарили в ответ, был далек от послушания, но девушка все же решительно дернула Олафа за рукав и потащила к следующей экспозиции. Усмехнувшись, я проследовала за остальными и замерла в задумчивости.

Музей не мог позволить себе силовые барьеры, ограждающие экспонаты древности от вандалов типа Олафа, поэтому по старинке натянул перед помостом заградительную ленту, в надежде, что та хоть кого-то остановит. За ограждениями стояли три манекена в древних одеждах, призванные имитировать быт древних людей.

– Многие считают, что история – это ностальгия по молодости, а искренняя любовь к древностям не что иное, как попытка убежать от мыслей о неминуемой кончине. Многие считают, что нет смысла оглядываться в прошлое, ведь оно преодолено. Но мне нравится прошлое.

Ветерок легко ныряет под ленту, кружит волосы присевшего на корточки охотника, мягко касается острия на самодельном копье и летит дальше.

- Много веков назад, в эпоху охотников-собирателей, все люди были равны, не было богатых и бедных. У вожаков не было удобств, привилегий, двух десятков шкур на выход или своего туалета. Никто ничем не владел. Вождь жил как все. Его не лечили маги, его дети не ходили в элитные школы, а жены не купались в молоке. Все делилось поровну или по справедливости.

Когда пищи становилось мало или менялся климат, люди отправлялись в путь. Они просто уходили. Земля не имела цены. И такой порядок вещей сохранялся до тех пор, пока...

- Пока не наступила аграрная эпоха? – предположила Жетон.

Я оглядела шестерку студентов и сказала то, о чем не планировала говорить:

- Пока в наш мир не пришли джинны.

Кивнув, пошла дальше и показала на древний языческий символ, выбитый в стене грота, позже переоборудованного в музей.

- По легенде Всеединый создал людей из глины, демонов – из кусков льда, а джиннов – из чистого пламени. Мало кто знает, но ныне существует четыре вида джиннов: ифриты, гули, сила и марида. Последние считаются чем-то вроде монахов. Кстати, коренное население островной группы Пугня долгое время поклонялось джиннам – хорошим богам, которые исполняли желания. И нет, Олаф, опережая твой вопрос, сказка про волшебную лампу и три желания – просто сказка.

Парень приуныл, отвернулся и начал карябать ногтем стену в надежде прихватить сувенир на память. Кира, бдительным стражем застывшая рядом, легонько треснула его по руке. Гамод с интересом ценителя изучал древний выцветший свиток, спрятанный под стеклом. Ронни косился на доспех. Жетон умудрялась конспектировать даже сейчас.

- Не знаю такой сказки, – признался Камаль, поймал на себе удивленные взгляды остальных студентов и нахмурился. – Что?! Я демон, нам рассказывают истории о Вьюжке и свирепых обвалах.

- Вот и хорошо, будет что почитать на досуге, – улыбнулась я, проходя к следующему стенду, иллюстрирующему аграрную эпоху. – Вернемся к нашим далеким предкам. Думаю, в какой-то момент они устали от участи охотников-собирателей. С подсказки джиннов люди одомашнивают животных и начинают выращивать злаки. Именно в этот момент земля становится достоянием. Общество делится на тех, кто владеет землей, и тех, у кого ее нет. На богатых и бедных.

Мы медленно движемся дальше.

- Когда земля обрела ценность, появились коронованные лентяи, условно владеющие территориями. Тогда же рождается понятие налога. Крестьянин – человек на земле – вынужден платить королю за привилегию жить и работать на его территории, а король обещает защищать крестьян от других королей. Чтобы держать народ под контролем, король дарил земельные угодья своим друзьям – лордам и баронам. Те собирали с крестьян налоги и отправляли королю его процент. Благодаря налогам король и его друзья могли позволить себе жить в роскоши и не работать. Позволить себе быть привилегированными.

- Как же хорошо, что курицы из комиссии этого не слышат, – облегченно выдохнул Гамод.

- Зато слышим мы! – прогремел под сводами чей-то язвительный голос.

Ну наконец-то! А то я уж начала сомневаться, что в этих краях есть смельчаки, контрабандисты и пираты.

- Отлично! – воскликнула я, выходя вперед. – Охламоны, перед вами живой пример того, что множество представителей разумных рас поступают вопреки своим желаниям. У

большинства желание развиваться подавлено системой, которую разработали богатые, обозвав это «образованием». Конечно, им ведь не нужны умы, им нужно неразумное стадо баранов, которым проще всего управлять и отправлять на смерть.

С десятков мужиков не самых приятных наружностей перестали рассредотачиваться по залу, беря нас в плотное вооруженное кольцо, и громко загоготали.

– Слышь, красуля, ты обоснуй свои слова, чтобы потом о здоровье не пожалеть. Мы не какие-то там бараны, мы это... свободные предприниматели!

Ой, хватайте меня под белы ручки, а то ведь не устою перед шквалом этого гонора и рухну оземь.

– И вот еще что! – запальчиво выкрикнул кто-то из задних рядов. – Местные никогда не поклонялись этим вашим джиннякам.

– Мальчик, я забыла больше, чем ты знаешь, – совершенно искренне оскорбилась я. – Не пытайся подловить меня на нестыковках.

Пока я негодовала, эта непочтительная кучка отребья приумножалась и росла. Стены музея впервые видели такой фурор.

К безучастно взирающему на местную шпану зверолюду подкрался дерганый подросток с некогда красной, а ныне выцветшей банданой, повязанной на шее.

– Слышь, а че у тя штаны такие узкие? У сестренки отжал?

Дружки поддержали своего приятеля глумливым смехом. Гамод ласково усмехнулся, а затем сделал незаметный для человеческого глаза рывок, схватил обидчика за грудки несвежей рубашки и легко поднял.

– Еще хоть слово, одноклеточное, и я вырву и вручную перестрою твою ДНК до состояния туфельки.

– Чьей туфельки? – затупил собеседник, болтая ногами.

– Инфузории.

На выходку Гамода новоприбывшие отреагировали звоном оружия и гнетущей тишиной. Зверолюд выпустил и толкнул паренька с банданой обратно в толпу дружков. Ронни закрыл Жетон собой, Кира проделала то же самое с Олафом. Камаль стянул с рук черные перчатки и незаметно размял пальцы.

В воздухе отчетливо повеяло предвкушением коллективной драки.

– Стоп, стоп, стоп! – возмущенно воскликнула я, поднимаясь над всем этим безумием. – У вас совесть есть? Ну кто дерется в музее? Здесь же редкие и архиважные для истории находки...

Совести у наших обидчиков не имелось.

– Погнали! – скомандовал кто-то из них, и вся эта стайка портовых подонков кинулась в бой.

Камаль поднял руки, мороза воздух и укрывая витрины и стенды за толстыми стенами льда. Молодец, догадался, что за испорченные экспонаты я их по головке не поглажу. Гамод бесстрашно нырнул в гущу нападавших и точными неуловимыми движениями начал пробивать дорогу к выходу. Кьяри-младший страховал девушек, прорываясь подобно громадному медведю сквозь стаю дворняг. Олаф...

Так! Почему у него в руках дубина первобытного человека? Честное слово, я поседею прежде, чем научу их жизни.

– Хватай гарпию! – раздалось снизу, и в меня полетела мелкая чешуйчатая сеть.

Ну естественно, ведь включить фантазию разбойники не догадались. Отмахнувшись, я взлетела повыше, развела руки и громко хлопнула. Сорвавшаяся с пальцев ударная

волна магии отразилась от стен, прицельно уложила соперников, давая нам шанс выскользнуть, и загудела.

– Живее! – рявкнула охламонам, подгоняя.

После резкой смены полутьмы грота на уличный свет глаза на секунду ослепли. Пришлось прикрыть лицо рукой, адаптировать зрение и только потом оценить масштаб беды.

Нас ждали.

Небольшая площадка перед зданием музея была полностью оцеплена крепкими мужчинами. И вот они-то производили впечатление и вызывали дрожь.

Все верно. В охоте на зверя сперва спускают свору, и только потом приходят сами охотники.

– Безумно рад встрече, госпожа гарпия, – холодно улыбнулся молодой мужчина.

Он стоял впереди, небрежно облокотившись на странного вида палку с отполированным до блеска древком. Спокойный взгляд, сосредоточенные морщинки на лбу и в уголках глаз, а также волны убийственного спокойствия выдавали в нем многолетний опыт подобных заварушек.

За спиной испуганно вскрикнула Жетон. Я резко обернулась, чтобы заметить, как к горлам моих охламонов приставляют на первый взгляд очень острые ножи.

– А теперь, гарпия, ты медленно подойдешь ко мне и дашь себя заковать, – потребовал главарь, небрежным движением вынимая из кармана брюк кандалы.

Жутко захотелось расхохотаться прямо в лицо этому самонадеянному хмырю, но не стала портить человеку триумф. Он так старался, народ собирал, кандалы вон из тюрьмы припер, а я его прилюдно осмеяла.

С другой стороны, это не мешает мне сделать следующее...

Я знала, какое впечатление могу производить на непосвященные умы, поэтому просто подняла руку на уровень глаз и, не отрывая от нее взгляда, вкрадчиво сообщила:

– Больше всего меня бесит тот факт, что вы и вам подобные постоянно играете на чужой добродетели.

Пальцы с аккуратным маникюром видоизменились, демонстрируя бритвенно-острые концы. словно потянувшаяся после долгого сна кошка, я ненавязчиво продемонстрировала коготки хищника и тотчас притворилась домашней любимицей.

– Открою маленький секрет: не все в экстремальных ситуациях следуют принципам морали.

Ладонь сжалась, ловя невидимую для посторонних глаз воздушную нить, за спиной слышались сдавленные крики, кашель и звуки падения. Я не оборачивалась, и так знала, что сволочи, приставившие ножи к шеям охламонов, перестали вдыхать кислород. Пользуясь секундной заминкой в стане врага, сделала несколько уверенных шагов вперед и атаковала.

Следующей жертвой моего произвола стал главарь этой шайки. Выронив из рук палку, мужчина повалился на колени, задыхаясь от смертельных тисков, перекрывших доступ воздуху.

Мой магический резерв оказался не готов к такому мощному выплеску силы, поэтому всего на миг земля качнулась, а перед глазами начали мелькать предборморочные мушки.

Ну уж нет. Никаких прилюдных обмороков.

Взяв себя в руки и сделав плавный глубокий вдох, я раскинула черные крылья с алым кантиком и невысоко взлетела, дабы банально возвышаться над толпой и морально

давить.

Много. И даже теперь, без главаря, этот сброд может легко пойти в атаку и смести числом. А там, где не остановит меч, заставит замереть слово.

– Надеюсь, этот день вы запомните. День, когда вы повстречали ар-теро. День, когда познакомились с вашим личным палачом.

Блеф чистой воды, ведь в действительности я белая и пушистая, точнее, рыжая и лохматая, но ряды дрогнули и зашушукались.

– Начиная с этого вдоха вашей жизни, если хоть кто-то из вас попытается поймать, продать или хоть как-то навредить кому-то из моих братьев, я обрушу на ваши крысиные норы всю мощь своего гнева. Заставлю агонизировать, заставлю умолять и плакать. Идите и передайте мое предостережение своим друзьям, всем коллекционерам, всем продавцам живого товара. Ар-теро не игрушки, не экзотические птички для утех, не товар! Мы – раса небесных хищников. И мы способны постоять за себя!

В запасе оставались еще две мощные фразы и напутствие в духе: «Впитали мудрость? Тогда топайте и не оглядывайтесь», но площадку перед музеем, а с ней и меня, накрыла громадная тень.

Такая знакомая-знакомая. Такая недовольная. Такая грозно рычащая что-то на драконьем.

С тоской глянула наверх.

Все. Мне хана!

Глава 10

Гостеприимство пиратов

– Эрг, ну прости, прости, прости! – умоляла я, семена следом за разгневанным мужчиной, уверенно вышагивающим по коридору.

Завидев дракона... Поправочка! Очень злого дракона, желающие выручить двадцать штук за поимку гарпии быстренько ретировались. Спустившийся на площадь Эрг выдохнул клубы дыма, кивком морды велел охламонам забираться на спину и, не одарив меня даже взглядом, взмыл в небеса.

Дулся Эрг Гай Кьяри долго и основательно, чем дико меня бесил.

За окнами уже давно стояла ночь, а он не то что не наорал, он до сих пор не удостоил меня даже словом!

– Эрг, заканчивай. Ну хочешь, признаю, что я упрямая ослица? Вот. Я признаю. Даже не знаю, что еще сказать... А, нет, знаю!

Я взяла глубокомысленную паузу и с чувством прокричала:

– И-а! И-а...

Кьяри, отпирающий дверь нашего номера, выронил ключ и покосился в мою сторону.

– И-а? – добила я.

Собеседник даже не улыбнулся. Молча поднял ключ, выпрямился, перешагнул порог, а вместе с ним по ходу и внутреннюю черту, потому что развернулся и заявил:

– Если бы я не любил тебя так сильно, то точно бы прибил...

Губы сами собой расплылись от радости, а по жилам полилось чувство ликования. Любит.

Кьяри нахмурился.

– И я все еще зол, поэтому прекрати улыбаться!

– Это не я. Оно само.

Мы переместились из коридора в комнату.

– Эй, драконище! Твои слова можно считать за официальное «я тебя люблю»? – уточнила я, примирительно прижимаясь к плечу своего великана.

– Мои слова можно считать за официальное «я тебя не убью». Пока что.

Какой же вредный мне попался дракон. Вредный, упрямый и очень злопамятный. Зато как целуется!

– Я жду объяснений, – напомнил Кьяри, отстраняясь. – Зачем тебе понадобилось это представление?

Вздохнув, запрыгнула на кровать и села, скрестив ноги.

– Ты знаком с теорией сотой обезьянки?

Кьяри отрицательно качнул головой.

– Что-то около восьмидесяти лет назад группа натуралистов вела наблюдение за популяцией белоголовых обезьянок. Чтобы обезьянки не опасались людей, те кидали им бананы. На кожуру попадал песок, который очень раздражал исследуемых. Одна из особей придумала выход: начала мыть бананы в ручье перед тем, как приступить к трапезе. Ну, такая прогрессивная мадам! За ней начали повторять детеныши и подростки, потом другие самки, последними сдались самцы. В тот момент, когда сотая

обезьянка начала мыть бананы, случилась настоящая эпидемия. Все обезьяны этого вида в один день стали мыть бананы, даже те особи, которые жили на островах и не имели физического контакта с другими представителями. Улавливаешь?

– Пока не очень.

– Ар-теро потеряли статус разумных существ и все привилегии, связанные с этим, – торопливо заговорила я. – Торговля нами карается не строже, чем торговля экзотическими попугаями в зоомагазинах!

– Владыка и эрешкиль делают все, чтобы восстановить ваш статус на официальном уровне...

– В том-то и дело! Эрг, даже если Совет пересмотрит дело и проголосует за... Даже если у нас будут официальные бумаги, законы встанут на нашу защиту, то останется нечто совершенно иное – людское мнение. Торговцы не прекратят ловить нас и торговать товаром, за который платят... Вот я и подумала, что если показать зубы, то рано или поздно среди этого сброда появится сотая обезьянка, и террор моего народа прекратится не только на официальном уровне.

Кьяри вздохнул, сел рядом и обнял.

– Поверь, Марсия, иногда проще изменить мнение целого народа, чем добиться справедливости от закона.

– Тогда я тем более права.

– Ты сильно рисковала, – продолжал упрямиться дракон. – Напади они всем скопом, вы бы не отбились.

Пожимаю плечами.

– Честно-то говоря, я рассчитываю, что меня все-таки похитят.

Как реагируют на подобного рода признания адекватные мужчины? Спрашивают, что задумала их женщина? Кричат, что не дадут в обиду? Привязывают к ножке кровати и несут круглосуточную вахту?

Увы, но мне не дано это узнать, потому что мой мужчина широко улыбнулся и заявил:

– А я знаю.

Подскочив, вывернувшись из объятий и в упор уставилась на загадочно улыбающегося Кьяри.

– Но... – Я была ошеломлена.

Эрг чмокнул меня в висок и покачал головой.

– Марсия, когда ты уже запомнишь, что я не так глуп, как могу показаться, – пожурил он. – После нашей встречи с джинном в образе священника я подключил Григоровича к расследованию, и мы выяснили достаточно, чтобы ожидать от тебя чего-то подобного. Более того, я решил поспособствовать твоему замыслу, чтобы держать ситуацию под контролем и помочь, когда все пойдет не по плану.

Какая забавная оговорка. Не «если все пойдет не по плану», а «когда»...

– Друг, с которым я встречался... он не совсем из посольства. Скажем так, он пиратский атташе.

В уголках его губ притаилась улыбка, словно этот хитрющий драконище знал с полсотни поводов для смеха и выбирал самый достойный.

– Погоди-ка! – Меня шарахнуло озарением. – Хочешь сказать, что продал меня за двадцать тысяч?!

– Ты за кого меня принимаешь, – обиделся драконище. – Я потребовал миллион.

Впервые меня подвело красноречие. Я просто не нашлась что сказать. Поэтому сидела и глупо хлопала глазами.

– Миллион? – Я даже чуток охрипла. – За меня?

– Вообще-то я настоял на том, что ты бесценна, – Эрг ослепительно улыбнулся, – так что миллион – это не за тебя, а за мои испорченные нервы.

Обнять или придушить – вот в чем вопрос.

Я ненавижу драконов.

И плавать.

«Чего киснуть в номере, Марсия. Пошли позагорает!» – уговаривал Эрг Гай Кьяри, демонстративно красуясь в одних только плавках.

«Чего валяться под зонтиком? Идем окунемся!» – активно тербил морскую звезду, то есть меня, развалившуюся на пледе, коварный дракон.

«Чего ты там на мелководе плещешься! Марсия, иди ко мне, я тебя в волны побросаю!» – соблазнял легким экстримом расшалившийся на воле декан.

Я тебя в волны побросаю?

Ну-ну!

А как вам – утащить упирающуюся гарпию на самое дно, оттолкнуться, выскочить из воды, словно два сумасшедших дельфина, сделать элегантный кувырок в воздухе и подкинуть меня еще выше?

Да такие пируэты даже команде по синхронному плаванию и не снились, что уж говорить про водобоязливую гарпию!

«Драконище, если ты вдруг не в курсе, но ар-теро летающий, а не водоплавающий народ!» – отплевываясь от воды, зло просвещала я дремучего ящера.

«Ну так лети, Марсия!» – смеялся Эрг, хватая и вновь утаскивая на дно, аки тать подводный.

Хотя чего это я зазря на тварюшек подводных наговариваю. Они милые и гладкие, и с ними всегда можно договориться, на крайний случай уплыть... В отличие от Эрга Гая Кьяри, чтоб его понос пробрал от плохо вымытых фруктов.

«Ты готова?» – внезапно поинтересовался мой надзиратель, заходя на новый вираж.

«К чему?» – насторожилась я, ибо в прошлые разы меня о готовности не спрашивали.

«Как к чему? К похищению, конечно!» – улыбнулся этот гад чешуйчатый, кивком указал на небольшое судно в сотне метров, и мы снова нырнули под воду.

Короче.

Я ненавижу плавать.

И драконов!

– Сво-ло-чи! – горланила я, стуча кандалами о металлические прутья клетки. – Как у вас совести хватает так надо мной издеваться!

Надрывала связки до тех пор, пока ко мне не подошел капитан «Ретивой девочки». В черной рубашке из тончайшего шелка, начищенных ботинках и брючном костюме. Белом. Отглаженном. Но главное, белом!

Скрестив руки, я вперила в переносицу собеседника взгляд, полный жажды убийства. Просто мы так не договаривались. Мне обещали запертую каюту и веревки, но никак не кандалы и клетку!

- Птичка, я прекрасно понимаю, как трудно молчать, когда сказать нечего, но очень хочется, поэтому прибереги негатив для кого-то другого.

Господин Белый Костюмчик встал рядом и оперся рукой на прутья моей темницы, демонстрируя на кончиках пальцев черный лак с переливами разноцветных линий, складывающихся в замысловатые узоры.

- Не забывайте, что я женщина. Мы способны часами скандалить и орать без всякой причины. Просто так, по велению души.

- Не стану мешать, - ласково прошептал коварный похититель невинных преподавательниц, легко оттолкнулся от разогретых на жару прутьев и ушел.

Но орать я не стала. Еще горло сорву, кто за меня лекции вести будет? Ректор, что ли?!

Нет, я решила забыть про гуманность и спеть.

Пела, точнее, немзыкально стенала я до того душевно, что у пожилого моряка заблестели глаза, один матрос так вообще с разбегу сиганул в море, а молоденький юнга взвыл, аки коты в марте, и быстрее упомянутых вскарабкался на мачту. В направленных на Костюмчика взглядах команды читалась просьба воспользоваться кляпом, но капитан «Ретивой девочки» делал вид, что все так и задумано. Мол, провожу экстремальную проверку вашей профпригодности и стрессоустойчивости, так что, команда, не роптать!

Через полчаса вокального истязания духа за бортом послышалось громкое бульканье. Прервав пение, я внимательно наблюдала за тем, как матросы втащили на палубу двух глубоководных ныряльщиков из магов воды, как господин Отглаженный Костюмчик вынул из мешка амфориск с надписью «НЕ ВСКРЫВАТЬ» на всех языках материка и одной наглядной картинкой для совсем уж идиотов.

- Господа, это великий день в истории! День начала моего правления! - заявил Костюмчик и потянул пробку.

А дальше, словно в плохом спектакле, с криком «ма-ма-а-а-а» на палубу лицом вниз шлепнулся Олаф, а секундой позже бесшумно соскользнули остальные мои ученики.

- Бросай! Бросай оружие!

- Сам бросай!

- Бросай, а не то я его прирежу!

- Оружие на пол!

И мое голодное:

- Кто-нибудь! Бросьте мне бутерброд!

И предательство Киры.

- Великодушно благодарю за помощь. - Капитан «Ретивой девочки» склонил голову в легком поклоне.

- Пустяки, - отмахнулась студентка, проводя обломком весла по прутьям моей клетки. - Шокированы, госпожа Браун?

Я едва заметно поморщилась от металлического грохота, откинула рыжий водопад волос за спину и снисходительно пояснила:

- Чтобы меня шокировать, кому-нибудь из вас придется сказать что-то умное. Вот ему, например. - Взглядом указала на постанывающего Олафа, которого пытались поднять с палубы. - Но вынуждена признать, мотив твоего предательства меня очень интригует.

Девушка покрутила в руках обломок весла (где хоть она его откопала?) и проговорила:

- Как? Разве вы забыли тот урок, госпожа Браун? Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств разумных существ. Не бывает добрых или злых, апатичных или энергичных,

умных или глупых. Каждый из нас несет в себе и то, и другое.

И я действительно вспомнила тот урок.

«Часто мы бываем сами не похожи на себя, но при этом остаемся все той же рекой», – продолжила мысленно и незаметно кивнула.

Значит, все плывет по плану. Тьфу ты! Идет по плану. Точнее, ползет, потому что сидеть в клетке я уже устала до чертиков, а наш джинн так и не объявился.

И вот стоило этой мысли улететь во вселенную, как на горизонте появилась темная точка.

– Корабль! – подтвердил мои опасения юнга.

Глава 11

Теневые короли

Все сказки врут.

Врут в мелочах, но хранят истину в основе.

Никаких трех желаний, если потрешь бока волшебной лампы. Максимум – отполированный металл. Никаких джиннов, заключенных внутри. Максимум – выветрившийся запах масел.

Ни-че-го.

Забавно, но даже сказку о Герое придумал не народ, а воришка из низов.

Началось с того, что один подвыпивший купец неправильно прочел наименование товара и купил партию ламп для масел. Представляю шок мужика и его мигом протрезвевшую физиономию, когда в порт вошел корабль, чьи трюмы доверху были забиты лампами. Зарекшись более не пить перед крупными сделками, купец бросился к главе гильдии в надежде отменить сделку и вернуть партию, но тот отказал.

Не зная, что делать дальше, неудачливый торговец побрел домой и повстречал воришку, и тот очень кстати предложил выкупить груз за гроши. Понимая, что на лампы для масел, не пользующиеся спросом, покупателя не найдет, купец перепродал товар и, счастливый, отправился выпивать.

Воришка же спрятал партию на одном из складов, направился в театр, а после заглянул в библиотеку и оставил там некий старинный свиток.

Через месяц жители Феса впервые увидели постановку «Герой из Аграбы» и узнали о существовании волшебной лампы, в которой заточен могущественный Джинн, способный выполнить любые три желания своего хозяина. И тогда все захотели творить чудеса.

Всего за пару недель ажиотаж, подогреваемый актерами и специально нанятыми очевидцами («Да-да, сам видел, как он потерял лампу, и появился сундук золота»), достиг своего апогея, и вот тогда-то на сцене появился наш воришка, который уверял, что нашел Пещеру Чудес и завладел той самой лампой.

Был проведен тайный аукцион для самых влиятельных и богатых людей. Каждый хотел лампу себе и был готов платить большие деньги. И воришка исполнил желание покупателей, удачно продав... все лампы из партии!

Одураченные и униженные богатеи стыдились признаться, что поверили в сказку, поэтому предпочли скрыть факт своего участия в аукционе, а воришка благополучно скрылся с полученными деньгами.

Постановку «Герой из Аграбы» еще долго крутили на местных подмостках, пока сказка, как грипп, не разлетелась по всему миру. Но мало кто знал, что воришка, придумавший сюжет, взял за основу исторический случай. Историю того, кого капитан «Ретивой девочки» выловил по моей подсказке со дна морского.

Историю Королевы Джиннов.

Нет, я, конечно же, догадывалась, что пиратский атташе будет передавать меня своему покупателю где-то на просторах моря. Более того, изнывала от любопытства, гадая, кто наш враг. Просто не ждала, что покупатель объявится так скоро!

– Сближаемся! – приказал господин Белоснежный Костюмчик, убирая амфориск с Королевой, и обернулся ко мне.

Команда дружно заметалась туда-сюда. Часть команды спустилась в трюм, чтобы защитить охламонов. Переодетые маги занимали места, выгодные для внезапной и сокрушительной атаки. Я сама плюхнулась на пол и попыталась принять позу «умирающий лебедь». Ну, чтоб достоверно!

Я как раз раздумывала о том, чтобы попросить кого-нибудь сбегать вниз и взять у кока чутка крови с кухни для того, чтобы вымазать висок, когда к клетке приблизилась Кира.

– Госпожа Браун, можно я спущусь вниз к ребятам?

Девушка не выглядела испуганной, скорее, подавленной отведенной для нее ролью. Предатель среди охламонов, безусловно, был. Он все это время отирался поблизости и сливал информацию. Кире я доверяла только потому, что девушка пришла в мой класс намного позже, а шпион сидел за партой с первого дня.

В других обстоятельствах я бы, может, даже села и поговорила с ней по душам, но в свете надвигающегося сражения долгие объяснения – непозволительная роскошь.

Поэтому начала работать по укороченной схеме влияния.

Шаг первый: пробудить.

– Кир, как думаешь, у картавых людей мысли тоже картавые?

У студентки глаза на лоб полезли.

Отлично. Разум застигнут врасплах и больше не варится в каше переживаний.

Шаг второй: успокоить.

– Кира, внизу пять студентов. С Жетон вы никогда особо не ладили, поэтому ее мнение для тебя не принципиально. Гамод – зверолод из числа лисов, а те считаются самыми хитрыми и опасными противниками. Поверь, он громче всех посмеется, когда узнает правду. Камаль в принципе не ждет ничего хорошего от жизни, поэтому и к твоему поступку отнесется как к чему-то закономерному. Ронни, как истинный дракон, будет грызть свой хвост, терзаясь мыслью, что ты их предала, но в итоге и он все поймет.

– А... Олаф?

От неожиданности я прикусила язык.

Великие ветра, я-то наивно полагала, что Кира считает Олафа влюбленным дурачком. Грешным делом подозревала романчик с Кьяри-младшеньким, а тут вон оно как...

Вот так, мнишь из себя великую всезнайку, а на деле даже симпатию вычислить не в состоянии!

Чужой корабль стремительно приближался, вырастая из крохотной точки во внушительное судно, поэтому я постаралась сформулировать мысль как можно короче.

Попытаться-то попыталась, да не вышло, потому что Олаф, он такой... Олаф, он...

– Олаф уникален, – наконец сформулировала я, запнулась и махнула рукой. – Кир, вот он-то единственный, о ком можно не волноваться. Крыло даю на отсечение, что сейчас твой воздыхатель с пеной у рта выгораживает тебя перед остальными. А теперь кыш от клетки, мне надо настроиться!

Кира послушно отбежала, а я, плюнув на первоначальную идею притворяться бессознательным мешком мяса, села, скрестив ноги, и с любопытством уставилась на подплывающий корабль.

– Цепляй! – скомандовал капитан «Ретивой девочки», и пространство между кораблями разрезали веревки с привязанными к концам кошками.

Один из матросов чужого корабля перекинул доску, на которую решительно встали трое мужчин.

«Что-то не так», – закралась паническая мыслишка.

– Что-то не так, – поддержал мою паранойю господин Белоснежный Костюмчик, а через мгновение корабль сотрясся от удара, и все полетели на пол.

Надо отметить, подстава была грандиозна.

По той же нехитрой схеме работают карманники: толкают в правое плечо, и пока неудачник концентрирует внимание на боли, тащат из левого кармана наличку.

Мы ждали корабль. Один корабль. И нам подсунули то, что мы так хотели увидеть. Ловко отвлекли и обдурили одним судном, в то время как с другого борта к нам самостоятельно пришвартовался второй, до поры до времени скрытый пологом невидимости.

Я быстро поднялась, опираясь на прутья решетки, и оценила размеры корабля, и позавидовала чужой крутости. Это ж каким должен быть магический уровень их мага, чтобы скрыть такую махину. Да еще в движении!

Максимум, что я сама бы спрятала на этом корабле, так это мачту с поднятыми парусами, парочку конспектов и мечту, что все пойдет по плану.

– В атаку! – зычным голосом скомандовал кто-то, не поймешь, наш или чужой, и на палубу «Ретивой девочки» хлынули пираты. Этих, в отличие от нашего капитана, перепутать с кем-то еще было сложно. Высокие и не очень, мускулистые и откровенные доходяги; пиратов, как братьев, роднили кривые сабли.

Клинки звенели и вкушали кровь нашей команды, но самое досадное – они поглощали магию. Не знаю, кто у них маг и оружейник, но очень хочу познакомиться.

Звякнув о металл прутьев, в меня полетел нож. Хочется верить, пущенный по ошибке, потому что принадлежал кому-то из наших. А свои не слишком-то прониклись моим душераздирающим и мозговыносительным пением.

– Осторожнее! – рявкнула я, сверля взглядом мазила, но в общем гвалте меня, естественно, никто не услышал.

Ненавижу, когда меня игнорируют.

Подняв ножичек, аккуратно поддела петли на решетке и собралась было ворваться в гущу событий, как...

Ладно, посижу еще немного, понаблюдаю за этим цирком. Благо, что места достались в первом ряду.

В прутья моей клетки врезался клубок из дерущихся тел, в центре которого отбивался от врагов капитан «Ретивой девочки».

– Джек, старый пройдоха! Сто лет тебя не видел, – радостно воскликнул он, скрещая длинный узкий клинок с кривой саблей противника. – Как поживаешь?

Судя по чуть желтоватому лицу, напоминающему непропеченный оладушек, пират не поживал, а доживал оставшиеся денечки, но улыбнулся нахально.

– Спасибо, не жалуюсь. А сам как?

– Море любит мою улыбку.

Я тихонько фыркнула и закатила глаза.

Ага, улыбку. То-то он перед отплытием в море корабль три раза перепроверил.

– А поговаривают, ты отошел от дел, – заявил пиратский атташе, легко и грациозно вскакивая на ящик.

– На суше часто врут, – добродушно отмахнулся Джек. – Ты бы помнил об этом, если бы почаще вылезал из гавани.

С диким криком бешеного орангутанга на капитана «Ретивой девочки» прыгнул здоровенный детина. Природа не обделила его силушкой, а вот про интеллект явно позабыла. Легко уклонившись и проскочив под рукой противника, господин все еще Белоснежный Костюмчик чиркнул клинком по веревке. Сверху, угрожающе скрипя механизмом, полетел крюк, благополучно сломанный командой лебедки. Полетел и

опустился точнехонько в центр макушки детины. Тот удивленно замер, поднял руки и потрогал ушибленное место.

Я вам клянусь, даже мох растет шустрее, чем сообщает этот парень!

Пользуясь моментом глубочайшей задумчивости, пиратский атташе сделал подсечку, спихнул детину с ящика и перепрыгнул на другую сторону от клетки, вновь сойдясь клинками с Джеком.

– Кстати, про Роба Безумного что слышно? – тотчас полюбопытствовал тот.

– Ты про нудного старика с «Меткого плевка»? – парируя серию ударов, уточнил собеседник.

– Точно.

Противники затеяли еще одну серию быстрых ударов и разошлись. У Джека на скуле кровоточил длинный порез, капитан «Ретивой девочки» держался за правое плечо, где на белоснежной ткани стремительно разрасталась алая роза.

– Роб помер неделю назад, – ответил последний.

Джек опустил голову.

– Нет почести больше, чем жить свободно, – торжественно изрек он, и клинки вновь сошлись в смертельной схватке.

Я ушам не верила.

Стояла, очумело смотрела по сторонам и охреневала, слыша:

– А вот тетя Люся прихворнула.

– Да ну! Я-то думал, эту старую ведьму ни одна зараза не возьмет...

Или:

– Эй, сухопутный, посоветуй, в какой кабак наведаться?

– Будешь в пятой бухте, топай в «Императорский дом». Еда отвратная, но девочки и пиво – выше всех похвал!

Двое драчунов слева спорили о преимуществах и недостатках стали из Дамоса, а пятерка, дерущаяся у правого борта, так вообще вздохнула обсуждала книгу скандально известного автора.

Не драка, а кружок по интересам какой-то!

Не знаю, сколь долго длилось бы это искрометное общение, но на борт «Ретивой девочки» вскочил невысокий парнишка лет семнадцати.

Ветер трепал его светлые волосы и ткань просторной рубашки, подвязанной широким поясом, за который был заткнут кривой нож. Выцветшие бриджи не скрывали босых, широко расставленных для баланса ног. Ему хватило беглого взгляда внимательных глаз для оценки ситуации, после чего подросток поднял руки, концентрируя на кончиках пальцев серебристо-голубоватые сгустки силы.

О! А вот и маг пожаловал.

Налетевший шквальный ветер загудел в парусах, гулко запел в снастях, так и норвая сдуть всех, кто не додумался схватиться за что-то тяжелое и, желательно, прикрученное к палубе. Теперь всем стало не до драки с великосветскими беседами.

Парочку пиратов все-таки сдуло за борт, туда же улетели моток канатов и неприкрепленные ящики, зловеще заскрипела центральная мачта. Шестеренки невидимого механизма отчетливо щелкнули, переводя ситуацию из «высокое напряжение» в «нам всем кранты».

- Тони, нет! Мне нужен этот корабль! - предостерегающе выкрикнул Джек, отчаянно хватаясь за прутья моей камеры.

Мальчишка моментально опустил руки, пожал плечами, мол, как скажете, и откинул упавшие на лицо волосы.

- Энтони! - поразила я. - Ты-то что тут делаешь?!

- Вас спасаю.

Да что ж такое. И этот в спасатели подался.

Как-то подозрительно много спешащих на выручку героев развелось. Не то чтобы я ворчала, но, согласитесь, настораживает.

- Агр-р-р-р! - прорычали сверху, и все три корабля накрыла огромная тень недовольного мельтешением внизу дракона.

А этот-то куда лезет! Договаривались же: летаешь и не отсвечиваешь, пока не запахнет жареным. Кто-то чувствует дымок свежего шашлычка из проблем и непрухи? Нет. Так чего его ветра принесли?

- Дракон! - совершенно не по-мужски взвизгнул кто-то из пиратов, и все похватались за выпущенные клинки.

Стоящий неподалеку капитан «Ретивой девочки» небрежным жестом поправил некогда белый пиджак. Ага, ему-то волноваться незачем, он с Эргом Гаем Кьяри знаком не понаслышке. От резкого движения ткань перекошило. Подпрыгнул и выпал спрятанный во внутреннем кармане амфориск. Выпал, покатился под ноги здоровенного детины, который паялся на брюхо кружащего Эрга.

- Стой! - рявкнул слаженный хор голосов Тони, Джека и пиратского атташе.

Не знаю, где была в этот момент фортуна, но точно не с нами.

Детина недоуменно обернулся в сторону голосащих (естественно!), огромный сапог встал на горлышко амфориска (нет, ну а как иначе-то!!!), и глиняные бока покрылись трещинами.

Закрыв лицо одной рукой, я тяжело вздохнула:

- Идиоты.

Глава 12

Королева Джиннов

Детина обвел недоуменным взглядом толпу, затаившую дыхание, и медленно отступил, давая возможность публике оценить нанесенные «лампе джинна» повреждения.

В принципе... ну... Могло быть значительно хуже!

На первый взгляд трещина на боку амфориска выглядела незначительной. В самом деле, лежала же эта посуда на дне морском вон сколько веков, что с ней станется.

– А может, того... клеем облить? – предложил какой-то умник из числа нападавших.

– Лаком надежнее, – заметил кто-то.

– И лучше смешать с серебряным порошком. Нечисть же, – встрял некто третий.

Нет, вы только послушайте их. Не корабль, а сборище знатоков.

Пока пираты обсуждали технологии искусства «золотого ремонта», к моей клетке протиснулся взволнованный и чуток раскрасневшийся Энтони.

– Почему ты в компании этих отбросов? Куда только эрешкиль смотрит! – рычу я.

– Почему Память в пленницах у этих отбросов? И куда только эрешкиль смотрит! – парирует подросток, доставая из кармана отмычки.

Он ухмылялся с характерным для юности нахальством, я хмурилась с характерным для взрослых неодобрением. Под мерное хлопанье кожистых крыльев на палубу спустился полуголый Кьяри с полотенцем вокруг бедер.

Вы бы ЭТО видели...

Клянусь, махровое чудо Эрга Гая Кьяри переплюнуло все, что я видела до этого. А видела я аж пять креативных полотнищ: розовое в цветочек, желтое с уточками, нежно-голубое с улыбающимися облачками, бледно-зеленое с подмигивающими пирожными, ярко-оранжевое с черными летучими мышами. Причем видела не на показе мод, а на делегации драконов, вломившихся в замок ледяного демона. Но они не шли ни в какое сравнение с боевым полотенцем декана кафедры Темных искусств.

Белое. Ласкающе-мягкое даже на вид. С пушистыми серыми котятами, имитирующими позы из йоги. Мило и сексуально.

У Энтони при виде такой красоты упала челюсть и отмычки. Я же расплылась в широкой улыбке и ехидно протянула:

– О-о да...

– Потом поглумишься, – решительно оборвал Эрг, одним небрежным движением руки выламывая заднюю часть моей тюрьмы.

Глухой звук, будто кто-то хлопнул в ладони, подтвердил, что сделано это было очень вовремя.

– Господа, это великий день в истории! – У пиратского атташе, по всей видимости, заела эта фраза. – День начала моего э-э-э... – пауза и вопль на грани истерики: – Марсия!

Позвать-то меня позвали, а вот расступиться не удосужились. Махнула красна гарпия крылом, махнула другим, а дальше, как в сказке, народ разошелся в стороны, как воды перед пророком.

– Что тут у вас? – с этими словами я подошла и уставилась на кучу черепков со змейкой в самой гуще.

Не знаю, чего переполошились окружающие. Джинны могли принимать любые формы,

поэтому нахождение в лампе змеи сенсацией для меня не стало. Змейка оказалась крохотной, не толще мизинца и не больше ладони. Черные чешуйки играли на солнце загадочными бликами, маленькая головка сонно оглядывалась, быстрый язычок исследовал пространство.

– А это так и должно быть? – уточнил Эрг, подходя и вставая рядом.

Змейка вполне себе натурально поперхнулась, резко дернулась и с укором глянула на нас.

– Дорогуша, не обижайся на его слова. Он же... дракон! – миролюбиво улыбнулась я.

Вероятно, в голове декана это прозвучало как «он же придурок, и тут ничего не попишешь».

– Ну спасибо, – обиженно проворчал тот, скрещивая на груди руки, а я присела на корточки и протянула руку.

– Пойдем, тебе надо восстановиться и принять человеческий облик.

Змейка окинула меня благосклонным взглядом, медленно, с явным трудом выбралась из горы черепков и забралась на ладонь. Я прижала руку к груди и оглянулась на Кьяри.

Давай, организатор. Действуй.

Драконище улыбнулся и развил бурную активность.

Меньше чем за две минуты напавшие на нас смельчаки оказались с пристрастием допрошены, раненные унесены в трюмы кораблей, выпавшие за борт люди и вещи выловлены. Установив, что напавшие на нас не враги, а морские сорвиголовы, решившие спасти ар-теро из лап работорговцев, Эрг носился по палубам трех пришвартованных друг к другу кораблей, совал нос во все щели и пугал окружающих маниакальным блеском глаз. На беднягу Энтони, прислонившегося к мачте и фальшиво насмывающегося песенку, Кьяри косился дольше всего и даже мой довод «он нам не враг» близко к сердцу не принял.

Пришлось переключить внимание подозрительного дракона на куда более важные вещи – на заказчика моего похищения с целью перепродажи.

После этого Эрг Гай Кьяри вообще словно с цепи сорвался.

Корабли расцепили, после чего меня со змейкой на руках и Киру переправили на палубу «Звездного странника», вновь скрывшегося под пологом невидимости.

– Ох и грозный он у вас, – прошептал Джек, воровато оглядываясь и опасливо втягивая голову в плечи.

Я оглянулась на исполинскую фигуру дракона с забавным полотенцем вокруг бедер и с трудом сдержала улыбку.

– О да. Очень.

Джек проводил нас к себе в каюту и удалился, оставив в качестве охраны и помощника детину, что наступил на амфориск. Даже не знаю, для кого это стало большим наказанием: для него, исполнявшего роль мальчика «принеси-подай», или для нас, по сто раз объяснявших очевидные просьбы.

«Звездный странник» отплыл на расстояние, которое Эрг в ипостаси дракона покрывал за три взмаха крыла, и бросил якоря. Оклемавшаяся после долгих лет заточения джинна начала потихоньку пробовать превращаться, но сказывалось долгое отсутствие практики. Нам удалось полюбоваться обезьяной с хвостом акулы, пчелой с лицом грустного бухгалтера и щенком с щупальцами осьминога.

– Да что ж такое! – ругалась джинна, вспоминая прежний облик.

На попугае с хвостом скорпиона Кира внезапно позеленела и выскочила прочь из каюты. Детина, притащивший подушки и поднос с едой, при виде очередной метаморфозы в «то-

ли-девушку-а-то-ли-видение» озадаченно пожевал нижнюю губу, пожал плечами и плюхнулся на бочку, стоявшую в уголке.

– Нет, ты подумай, забыла! – прокудахтала курица с телом ослика, вздохнула и предприняла еще одну попытку.

– Вот! Оставь пока так! – решительно крикнула я, а детина поддакнул из своего уголка.

Джинна придирчиво оглядела новый облик, сочла, что темнокожая дева с золотыми рогами и тонким хвостом лучше, чем все варианты до этого, и потянулась к виноградинке.

– Ну, рассказывайте, что я пропустила?

– М-м-м... – замялась я. – А тебе начиная с какого века?

Джинна поперхнулась и потребовала перечислить ей все, благо на плохую память я никогда не жаловалась. Спустя полчаса и три опустевшие чашки с элем, призванные запить стресс и подлечить мои чутки охрипшие от долгой беседы связки, захмелевшая Королева подытожила:

– Грустно. Я до невозможности долго просидела в лампе, очнулась и узнала, что мир все так же стар и полон дряни. Сосед продолжает уничтожать соседа, брат завидует брату, власть кочует из одних рук в другие, а бабы все такие же наивные дуры, как и я хрен знает столько веков назад.

– Кстати, об этом... Расскажешь, как ты оказалась в заточении?

Джинна вздохнула и взялась за рассказ.

– Поверь, Марси, я была умной женщиной, пока не влюбилась...

История джинны оказалась банальной. Жила себе в свое удовольствие, правила джиннами, людей не трогала, а тут бац! – на горизонте нарисовался весь из себя такой распрекрасный король Соломен. Нарисовался, разнюхал, что да как, и начал активные подкаты к правительнице. В отличие от неспешных джиннов, у которых вся вечность была впереди, король был нетерпелив, горяч и настойчив. Это и подкупило Шахру.

Смертный дал ей то, чего не могли дать джинны, – веру, что она прекрасна. У пары не могло быть детей, но царство Соломена нуждалось в наследнике, поэтому король взял на ложе одну из принцесс, и вскоре та понесла.

– Знаете, что самое возмутительное в этой истории? – вздохнула Шахра. – Я до сих пор не могу найти в себе сил, чтобы возненавидеть его за измену.

– Дура, – беззлобно отозвалась я.

– Еще какая, – вздохнула собеседница.

К этому времени послушать Королеву Джиннов уже собралась целая компания: Джек, зашедший в каюту за чем-то важным, да так и оставшийся за нашим столом, вернувшаяся после прогулки на свежем воздухе Кира, сопровождавший ее Энтони, ну и мы с детиной.

– Наследник был красив, смел и бесстрашен, как отец, но упрям, как мать, – продолжила делиться воспоминаниями джинна. – В возрасте шестнадцати лет он бросил все и сбежал.

– Идеалист? – уточнил Энтони.

– Романтик? – это уже Джек.

– Революционер? – Кира.

– Идиот? – предположила я.

Шахра качнула головой.

– Всего понемногу.

Наследник пропал без вести, и Соломену пришлось зачать второго. Получилась девочка, потом еще одна, потом родилось еще двое детей. На седьмом младенце Королева Джиннов смирилась и даже не устроила традиционного скандала Соломену. Не в силах смотреть на то, как счастлив ее любимый в кругу семьи, многочисленных жен и детей, Шахра решила уединиться для медитации.

– Соломен попросил не оставлять его без защиты и помощи джиннов, и тогда я дала ему посох, дарующий власть над моим народом, а сама превратилась в змейку и скользнула в амфориск.

– Амфориск замуровали в пол под трон Соломена, а после, для пущей безопасности, выбросили в море, – продолжила уже я. – Джинны, послушные наказу своей королевы, продолжили служить королю. Он заставлял их возделывать поля, охотиться, добывать руду и защищать границы от врагов. И жестко наказывал за неповиновение.

Чувствуя скорую смерть, Соломен велел усадить его на трон и замуровать тронный зал. Король умер, опираясь головой на подаренный посох, но прилетавшие джинны думали, что Соломен продолжает строго следить за ними. Обман раскрылся, лишь когда древоточек источил древко и тело упало к подножию трона. Джинны осознали, что все это время пребывали в унижительных мучениях, и вырвались на свободу.

– Ах он...

Шахра зашипела и несколько раз преобразилась, имитируя черепаху-свина, рыбо-клюва и психованную львицу. Джек грязно выругался, пораженный не то обманом, не то метаморфозами собеседницы. Позеленевшая Кира отвернулась, Тони заинтересованно подался вперед, а вот детина продолжил равнодушно точить лезвие кривой сабли.

Именно в этот не самый удачный момент деятельному драконищу приспичило навестить наше общество.

– Что я пропустил?

Шахра вскочила на лапы и грозно рыкнула.

– Чудесно! – оптимистично улыбнулся Кьяри, приподнял меня со стула, сел сам и устроил у себя на коленях мою отчаянно брыкающуюся тушку.

– Дрраконище! – Моему рыку могла бы позавидовать даже взбешенная львица, что, собственно, она и сделала, сев и вернув себе прежний облик темнокожей женщины с элегантными рогами и гибким хвостом.

Пока я, ворча, пиналась, а Королева Джиннов разглядывала дракона, тот быстро рассказал последние новости.

«Жуткий краб» – корабль, что напал первым, – забрал охламонов и на всех парусах помчался к суше. Ради студентов Белый Костюмчик даже разыграл представление «сделка века». По сценарию, написанному на коленке, горе-спасателям внушили мысль, что меня уже продали, а их спас подоспевший Кьяри-старший.

– Я дал весточку Григоровичу. Он встретит ребят в порту и приобщит к делу.

Ох, чую подвох.

Зная начальника агентства безопасности и его тягу подсовывать всякие сомнительные документы неразумным детям, приобщение к делу могло носить характер переворота в отдельно взятом королевстве.

С другой стороны, Эрг не идиот, о чем постоянно мне и напоминает. Он давно знаком с Григоровичем и должен соображать, в какие передраги тот может втянуть Ронни и остальных. Хотя... Охламоны и без посторонних прекрасно втянут себя куда не просят.

– Не хмурься, все будет хорошо, – прошептал Кьяри, целуя меня в лоб, и обернулся к Королеве Джиннов. – Что вы намерены предпринять?

Та пожала точеными плечами.

– Соберу джиннов, вернусь к себе и продолжу править.

– Шахра, тут вот какое дело... – издалека начала я, но этот неугомонный драконище перебил:

– Мы думаем, что кто-то узурпировал вашу власть над джиннами и не заинтересован уступать нагретое за века местечко.

Гибкий хвост изогнулся и рассерженно хлестнул воздух. Посуда на столе тихонько задрожала.

– В смысле?!

Я чуть замешкалась, но призналась:

– У нас был схрон с информацией о вашем местоположении, потому что один из наших собратьев присутствовал при этом исторически значимом событии, – созналась я. – Ар-теро хотели обратиться к Королеве Джиннов с просьбой помочь восстановить свои права, но кто-то активно не желал вашего освобождения. Сперва на долину напали, потом начались покушения на Память, после убили посредника, согласившегося передать схрон, а напоследок кто-то попытался убить меня. – Я призадумалась, пересчитывая. – Дважды.

Шахра захлопала ресницами и с недоумением глянула, мол, не пойму, к чему вы ведете.

– Пока вы медитировали на дне морском, – в своей отвратительной манере подхватил Къяри, – джинны начали занимать человеческие тела.

Надо отдать должное, провоцировать он умел отлично.

– Бред! Мы способны принимать любую форму! – запальчиво крикнула Шахра и замерла. – Если только...

– Если только? – тотчас подобрался Къяри.

– Если только кто-то слишком честолюбивый и охочий до власти не заставил джиннов вселяться в тела.

Мне показалось, или корабль стало раскачивать чуть сильнее?

– А смысл? – удивилась Кира.

– Свободного духа невозможно контролировать, – пояснила я. – Зато можно обманом или силой принудить вселиться в чью-то оболочку. Маг посильнее сможет провести ритуал полного подчинения, в крайнем случае, наденет ошейник, блокирующий сущность, и джинн окажется в западне.

Шахра вскочила и принялась нервно расхаживать, задевая кончиками рогов доски потолка, а хвостом стегая воздух.

– Полагаете, что кто-то подчинил мой народ? Сделал нас рабами?

– А чему вы удивляетесь, – фыркнул Энтони, скрещая руки на груди. – Ар-теро лишили статуса разумной расы, прогнали с исконных земель, а теперь свободно торгуют ими, как говорящими попугайчиками. В этом мире случается всякое.

Словно в подтверждение последней мысли в каюту ворвался юнга.

– Капитан... Сэр... – его взгляд заметался между Джеком и Къяри, пытаясь понять, кому докладывать о новостях.

Хвост Шахры вновь обо что-то стукнул, привлекая внимание юнги, и тот окончательно потерялся.

– Королева?..

– Да-да, как видишь, все в сборе. Так что случилось? – поторопила я, нетерпеливо ерзая на коленях Эрга.

Парень поднял руку, взлохматил нечесанные вихры и ткнул куда-то за спину.

– На нас движется остров!

Остров?! Что, серьезно?

Мы с драконом уставились друг на друга, а потом вскочили и первыми бросились на палубу.

Глава 13

План спасения

Да, это действительно был остров.

И да, он плыл.

На нас.

Я вглядывалась в темную зелень, золотую полоску песчаного пляжа и высоченную гору в самом сердце стремительно приближающегося острова, мысленно гадая, как такое вообще может быть. На моей памяти, а она у меня будь здоров, куски суши еще ни разу не бороздили океаны.

– Слетаем на разведку? – предложила стоящему рядом Эргу, тот кивнул и потянулся к полотенцу.

Невольно проследив за его движением, наткнулась на забавную моську котика в позе хвостик кверху и зависла. Должна сознаться, что в данную минуту даже тайна плавающего острова отошла на второй план, уступив место загадке драконьей боевой экипировки.

В голове роились сотни вопросов. Куда они прячут эти полотенца? Почему такая забавная расцветка? Она у каждого своя? Медитирующие котята что-то значат? Почему полотенца, а не, ну скажем, шорты?

Вопросы остались без ответа. Подлый и весь из себя такой загадочный дракон заметил мой взгляд и убрал руку. А после так вообще подпрыгнул и, моментально трансформировавшись, помчался к острову в образе огромного белого дракона.

Гад чешуйчатый. Как есть гад!

Пришлось нагонять, но, несмотря на все усилия меня и призванных ветров, над островом хвостатый оказался раньше. Сделал круг почета, замер, дожидаясь, пока я долечу, и глухо заворчал, мол, что ж ты, гарпия, такая тормознутая.

Очень захотелось пнуть ящера, но побоялась отбить ногу.

Вместо этого позволила ветерку корректировать движение, чтобы держать одинаковую с островом скорость, и осмотрелась.

Остров имел форму знака бесконечности и напоминал один из спидромов, геометрических фигур, созданных известным художником-имперцем. Два «рукава», закрученные в разные стороны, делились с помощью рельефа на треугольники различных размеров. Центральная часть острова оказалась «сложена» из двух таких треугольников и образовывала параллелограмм. Нет, с линейкой я не мерила, но на глаз да с высоты казалось именно так.

Плюсуем к этому необычному ландшафту возмущенную полосу воды, остающуюся по ходу движения острова, и приходим к очевидному выводу.

– Слышал что-нибудь о подобных технологиях?

Не менее шокированный дракон махнул огромной башкой и начал снижаться. Я бы предпочла вернуться на корабль и устроить мозговой шторм, но бросать декана, когда тот нарывается на неприятности, показалось неправильным.

Центральный параллелограмм оказался застроен причудливыми домами из странного пористого материала и густонаселен. На наше счастье, дикими обезьянками. При виде спускающегося с неба дракона те дали деру в джунгли, оставив нас наедине с руинами древнего и некогда процветающего города.

Стоило подошвам ног коснуться вздыбленной от корней дороги, как на меня накатила волна нехорошего предчувствия. И тревога нарастала с каждой секундой, проведенной на этом загадочном острове. Настораживала тишина, легкая вибрация почвы и давящая

атмосфера. Внутренности сковал мерзкий страх, что это место присматривается к нам, решая – сожрать сразу или сперва поиграть. Я откровенно дрожала, стараясь держаться поблизости к великанской фигуре Эрга. А тот демонстрировал чудеса смелости. Заходил в дома, обследовал улицы и даже поковырял пальцем стену, а после сунул тот в рот и продегустировал налипшую крошку.

Короче, больше я с ящером не целуюсь.

– Фу-фу-фу! – не выдержала я.

Но дракон проигнорировал комментарий.

– Марси, нет, ты только глянь! – Эрг был переполнен энтузиазмом первооткрывателя. – Вон те четыре башни по углам похожи на генераторы магии, а гул? Ты чувствуешь гул под ногами?

Для наглядности он лег на землю и прислонился ухом.

– Предполагаю, что под островом располагаются мощные моторы, способные двигать эту тушу. – Драконище стремительно поднялся и отряхнул пыль с полотенца. – Еще бы понять, как эта махина остается на плаву и почему у нее такой странный вид!

На меня странный город навевал жуть. Волоски на руках встали дыбом, а во рту появился прогорклый вкус опасности.

– Эрг, – нервное напряжение вырвалось на свободу в виде грозной тирады, – мы на странном острове, который никто и никогда не видел. И этот остров движется к нашим кораблям, а тебя смущает только местный ландшафт?!

Дракон обернулся и нахмурился. Хотелось верить, что вот теперь-то он точно заразится моей паранойей, но не тут-то было.

– Ты права, – заявил декан кафедры Темных искусств и, подтверждая тот факт, что ни фига меня не слушал, приставил руки ко рту и гаркнул во всю мощь своих немаленьких легких: – Эге-гей!

Вот и гадай теперь: то ли у меня проблемы с дикцией, то ли межвидовая проблема с коммуникацией, то ли извечное гендерное недопонимание.

– Здесь есть кто-нибудь разумный?! – продолжал напрягать связки Эрг Гай Кьяри, потеряв в моих глазах статус адекватной особи.

Подлетев, я заколотила Эрга по мускулистому плечу.

– Замолчи! Ты же не хочешь, чтобы неприятности сами к нам вышли...

Со всех сторон, точно бесконечная каша из чудо-горшочка, на улицу повалили странные существа. Кого тут только не было: женщины с головами ослов и ослы с головами женщин. Темнокожие мужчины, объятые пламенем, и ослепительное пламя, объятые мужским гневом. Существа словно сошли со страниц альманаха «Творчество психов» и вперили в нас взгляды.

Не скажу, что дружелюбные. Скорее уж гастрономические.

– Мы пришли с миром!

Мог бы и не стараться. Его все равно никто не слушал, сконцентрировав внимание в районе ширинки, точнее, на боевом полотенце. Да, котята произвели впечатление не только на меня. Вот только ближе от этого аборигены не стали.

Откуда-то слева раздался громкий вой рожка, навевая мысли об охоте. Толпа расступилась, давая пройти высокому мужчине, объятую сине-белым пламенем. Казалось, он возвышается над всеми, включая великанскую тушу Эрга, хотя ростом доставал лишь мне по плечо. На нас мужчина смотрел с таким холодным величием, словно мысленно решал, прибить незваных гостей тапкой или накрыть стаканом и вытряхнуть в окно.

– Кто вы? – сказал он с улыбкой, от которой плачут дети, вянут маргаритки и скисает молоко.

Эрг гулко ударил себя кулаком по груди.

– Мы те, кто спасет вас.

Немного самоуверенно, не находите? Вот и незнакомец сошелся со мной во мнении. Запрокинув голову, мужчина расхохотался. Моя память хранила кучу жутких, леденящих кровь звуков: крик гиены, потрошащей добычу; вопли человека с оторванными ногами; визг женского вокального коллектива, столкнувшегося с привидением...

Но этот смех перечеркнул все.

Опасливо кося по сторонам, я теснее прижалась к дракону, чем тот немедленно воспользовался. Широкая ладонь легла мне на талию и по-хозяйски скользнула вниз, обосновавшись на нижних девяносто.

Нашел, блин, время.

Рука сжалась, заставив меня подпрыгнуть и с возмущением отпрянуть.

Ну все! Если будут нападать, то воспользуюсь чугунной башкой этого гада в качестве щита и дам деру. Он нас в это втравил, вот он пусть и разбирается с воинственными аборигенами.

Отсмеявшийся мужчина в ореоле голубенького пламени резко умолк и скомандовал:

– Взять!

Выжидающая свора охотно кинулась в нашу сторону. Я взвизгнула, Кьяри радостно улыбнулся. Больной, ну точно больной!

Высказаться насчет умственных способностей этого хвостатого натуралиста не успела. Меня перебросили на спину, а через миг я уже сидела на грозном ящере. Дракон поднял морду, и воздух содрогнулся от мощного рыка. Я зло зашипела и попыталась сесть так, чтобы острые шипы не впивались в мягкое место.

Со стороны мы смотрелись как герои картины «Дракон и наездница», но аборигены, видать, не увлекались живописью, потому и не прониклись зрелищем. Зато пущенная Эргом струя слегка поубавила их пыл и сократила число желающих прибить нас. Ветерок притащил мне копье, и я размахивала им во все стороны, отгоняя чересчур смелых особей.

Обстановочка накалялась и грозила перейти в разряд «запахло жареным», но в потасовку вмешалась невеста как оказавшаяся на площади Шахра.

Джинна замерла в соблазнительно-прекрасной позе, словно ожидала, что из-за угла развалившегося дома выпрыгнет чумазый живописец и начнет писать ее портрет, но поняла, что занятые атакой аборигены не замечают ее торжественного явления на остров. Как истинная женщина, Шахра психанула и закатила истерику.

Возмущалась она на незнакомом языке, поэтому слов разобрать не вышло, но посыл уловили все. Неприятный малый, что встретил нас командой «взять», бросился на колени и пополз целовать ручки своей госпоже. Остальные, напрочь позабыв о приказе, пали ниц.

– Нет, так даже не интересно, – огорчился Кьяри, спускаясь на землю. – Мы же даже толком и не подрались.

Я его прибью. Точно прибью.

Через час, разобравшись с формальностями, все главные действующие лица собрались в просторном зале. Джек руководил процессом, а достопамятный детина и парочка джиннов обустраивали место для совета: таскали кресла с порванной обшивкой,

сдвигали столы вместе, носили подносы с фруктами и кувшины с вином. Энтони стоял на перилах балкона и любовался видом на город. Шахра громко отчитывала кого-то, и звук ее голоса долетал даже через плотно запертые двери примыкавшего к залу кабинета. Кира общалась с темнокожим мальчиком, объатым розовым пламенем. Больше жестами, чем на всеобщем, но пониманию это не мешало. Я же развалилась в кресле, прикрыв глаза.

Кьяри, раздобывший у кого-то из пиратов бриджи, трещащие швами при каждом резком движении, изучал карту острова.

– Никак не пойму, как им удалось построить это место, – поделился он переживаниями.

– Все просто, – пожала я плечами. – Они его не строили.

– Тогда как? – продолжал недоумевать сбитый с толку дракон.

– Вспомни, джинны могут принимать любую известную им форму.

Кьяри еще раз окинул карту взглядом, а потом посмотрел на меня.

– Предполагаешь, что кто-то из них отдал себя в добровольную жертву и превратился в остров?

– Марсия права, – подтвердила входящая в зал Шахра. – Потеряв связь со своей Королевой, многие джинны сплотились вместе и начали искать место, где они оказались бы в безопасности. На материке таких не нашлось: снежные пики были заняты ледяными демонами, долины – оборотнями, леса – зверолюдами, города – людьми. Хариф, джинн, что так радушно встретил вас, предложил создать для себя собственный островок спокойствия в океане волнений. Договорившись сменяться каждое столетие, он первым обратился в остров. С тех пор все они выживают здесь.

Кьяри кивнул в знак благодарности за разъяснения и обвел присутствующих взглядом.

– Раз все заинтересованные в решении проблемы здесь, предлагаю не откладывать и обсудить наши планы.

Шахра величественно опустилась на диван. Вспомнить человеческий облик ей так и не удалось, поэтому сейчас она продолжала удерживать рогато-хвостатую форму, разве что рога стали более замысловато извиваться. Энтони придвинул кресло и устроился рядом, Кьяри по другую руку от меня. Кира тоже присоединилась к нашей компании, а вот молодой джинн поспешил отойти в сторону. Так же поступили еще двое джиннов, что помогали накрывать на стол. Зато детине чувство такта оказалось незнакомо. Он плюхнулся во главе стола для совещаний, схватил с подноса персик и громко зачавкал. Джек тоже сел, но вид у него был немного потерянным.

– Начнем? – предложил Эрг, вновь занимая лидирующую позицию. – Марсия, можешь кратко резюмировать всю доступную нам информацию?

– Легко! – Я кивнула и начала загибать пальцы. – Даже после собственной смерти Соломен еще век использовал джиннов в качестве бесплатной рабочей силы, а как только те обрели свободу, некто начал ловить и заключать свободных духов в биологические тела. Это первое.

– Я все еще не верю, что мой... – Шахра запнулась. – Не могу понять, как Соломену пришла эта дикая мысль заточить и бросить меня в море. Ведь мы так любили друг друга.

– Вообще-то я не склонен к этой вашей бабской чепушне, вроде «мой милый не такой», но присоединяюсь к дамочке, – неожиданно поддержал Джек. – Мужичу явно помогли дойти до этой варварской мыслишки утопить бывшую подружку.

– Возможно. – Я не стала затевать спор и загнула палец. – Второе, на материк падают драконы. Не самые слабые ребята.

Дракониче хмыкнул.

– Это ты так завуалировала восторженную фразу: «Божественно прекрасные и всемогущие существа»?

– Не перебивай, – поморщилась я и продолжила: – Совпадение или нет, но с появлением на материке драконов происходит их стычка с ар-теро. Мы уходим в долину, отгораживаемся от мира, а через энное количество лет кто-то подстраивает смерть молодого дракончика. Пока драконы смерти крушат долину, некто уничтожает нашу Память и хранилища схронов.

– Третье, кто-то очень настойчивый не оставляет попыток убрать из игры за власть Марсию Браун, – закончил Энтони и с прищуром посмотрел на меня. – Только мне кажется, что тут замешано что-то личное?

Я пожала плечами, но призадумалась. Надо бы сдуть пыль со списка врагов и освежить фамилии. Мне не свойственен эгоцентризм, но определенный смысл в предположении Тони имелся. Кем бы ни был наш загадочный «некто», я его явно подбешиваю.

– Не знаю, как вам, господа и дамы, а мне концепция господства неизвестной сволочи над всем материком кажется чересчур мрачноватой перспективой, – заявил дракон. – Кто за то, чтобы остановить это безумие, поднимите руки.

Единению в наших рядах могли бы позавидовать члены религиозной секты Всеединоного.

– Раз все началось еще с Соломена, то это должно быть или очень старое, или бессмертное существо, – заметила я. – С ходу могу назвать пять видов долгожителей, но лучше покопаться в схронах и разузнать больше.

– В настоящий момент эрешкиль и владыка налаживают отношения между драконами и ар-теро, но что-то подсказывает, что в этой истории замешаны не только джинны, ар-теро и драконы, – заметил Эрг. – Зверолюды, ледяные демоны, имперцы... Я могу слетать и пообщаться с главами других разумных рас. Надеюсь, получится объединиться. Джек, ты поможешь?

– О чем речь! – усмехнулся тот. – Но будь готов раскошелиться.

– Можешь забрать мой миллион, вырученный за продажу, – усмехнулся дракон. – Еще предложения есть?

– Есть! – Кира села ровнее и расправила плечи. – Для всех я предательница. Думаю, будет лучше, если из Феса до Академии я буду добираться самостоятельно. Это не вызовет подозрений и поможет приблизиться к разгадке личности заказчика покушения на госпожу Браун. Если ваше изначальное предположение, что среди студентов есть кто-то, кто делится информацией с врагами, верно, то есть шанс, что и меня захотят завербовать в помощники.

Посомневавшись немного, я кивнула, а в разговор вступила Шахра:

– Мне потребуется какое-то время на то, чтобы разыскать свободных джинов и хотя бы частично восстановить город, а после я буду готова вступить в сражение вместе с вами, – сообщила она.

– Информация. Коллаборация. Конспирация. Реанимация, – неожиданно подытожил детина, поднял на нас ясный взгляд и добил: – Все хорошие планы рифмуются.

Хотелось бы верить.

Эпилог

Возвращение было долгим.

Практически двое суток «Звездный странник» и «Ретивая девочка» шли параллельным курсом. Все это время нас травил морскими изысками местный кок. Кстати, он меня впечатлил. После близкого знакомства с блюдами поваров Академии уже и не рассчитывала встретить кого-то, способного убить весь вкус продуктов. Может, кок и главный повар Академии родственники? Духовные братья? Члены подпольного кружка «Заморим голодом»?

Кстати, на корабле выяснилась одна забавная подробность – Эрг страдал морской болезнью. Бедненький дракон не мог находиться на движущемся корабле и получаса. Зеленел, хватался за живот, кривился и улета, предпочитая высматривать врагов в небе.

В отсутствие Кьяри компанию в пути мне составляли Энтони и детина. Последний добродушно улыбался и подарил мне собственноручно сплетенный браслет из ниток. Правда, его улыбка несколько поблекла, когда здоровяк узнал, что в моей родословной не было никого из настоящих грачей, но подарок вернуть не потребовал, хотя отношения и стали прохладней.

Перед прибытием в порт я поймала Энтони, одиноко смотрящего вдаль, и дружески обняла. Я не была его учителем, членом семьи или другом. По правде говоря, даже не знала о существовании этого подростка до того дня на совете старейшин, но оставить все как есть не могла. Причина была даже не в том, что в сложившихся обстоятельствах ар-теро должны поддерживать друг друга. Просто...

Подростков нельзя оставлять без внимания.

Да, им нужно давать свободу набить шишек, получить как положительный, так и отрицательный опыт, со смехом хлебнуть жизни и выплыть из передрыг. Им нужно дать возможность реализовать себя, проверить, насколько они хороши в одном и совершенно бездарны в другом. Дать время насладиться собственной кипучей энергией, познать любовь и дружбу, а также почувствовать цену выбора.

А вот бросать нельзя.

– Энтони, хочешь откровение от старой мудрой черепахи?

– Не такая уж вы и... черепаха, – заявил этот нахаленок, за что и получил по шее.

– Так вот, мудрость, – игнорируя его смех, повторила я с серьезным видом. – Каждый из нас находится в плену истории о том, кто мы такие. Есть истории, которые о нас рассказывают другие. Это легенды, которыми мы обрастаем всю жизнь. А есть истории, которые мы рассказываем самим себе о себе.

Тони прикусил нижнюю губу и отвернулся.

– Слушай. – Я положила ему руку между лопаток. Туда, где раньше росли ярко-алые крылья истинного воина. – Прекрати внушать себе, что ты изгнанник и неудачник, и все мгновенно наладится.

Паренек вскинулся и ошетинился иголками.

– А что, если меня все устраивает? Если мне нравится такая жизнь? – упрямо бросил он мне в лицо.

– А что, если ты можешь больше?

Я отошла, дав ему переварить последнюю мысль, и больше не возвращалась к этому разговору.

Шахра дала нам двух своих помощников. Внешне парни напоминали пару крупных камней с криво нарисованными лицами. И если мысленно натянуть на мачту костюм и вырезать на дереве кривую рожу, то собеседник выйдет куда как посимпатичнее,

разговорчивее, а главное, умнее, чем эта пара. К счастью для моей хрупкой девичьей психики, необщительная пара сошла на большую землю и затерялась в толпе, оставив после себя щемящее чувство собственной неполноценности у команды сорвиголов «Звездного странника».

– Вот бы нам парочку таких ребят, – мечтательно протянул Джек.

Эрг, плывший на «Ретивой девочке», умчался по делам и пропадал аж до обеда. А по возвращении загулявшего дракона мы полетели обратно в Академию. Правда, пришлось сделать остановку в столице, где Кьяри забежал к паре друзей и переоделся в скучный преподавательский костюм.

Портал выкинул нас на крыльцо перед зданием Академии с ее причудливыми башнями имени предыдущего ректора, и вот тут-то я не выдержала и схватила дракона за руку.

– Слушай, Эрг, пока мы не пересекли порог этой богадельни и ты не стал официально занудным деканом, ответь мне на один вопрос... Откуда вы берете эти чудесные полотенца?

Собеседник замялся. Я развеселилась.

– Эрг! Ты покраснел?

– Нет, тебе показалось.

– Ну точно! Красный как рак!

– Перестань.

Ага, как же.

– Это что, так интимно и бесстыдно? – понизила я голос до заговорщического шепота. – Признавайся, вам их шьют под заказ или где-то есть лавка боевых полотенцев?

– Глупости не говори, – рыкнул вконец засмущавшийся декан и закрутил головой. – А?! Что?! Профессор, вы меня звали?

Это был первый случай панического бегства дракона с поля боя.

Я мысленно хохотала, наблюдая за удаляющейся спиной Кьяри.

– Марсия! – окликнул вышедший на крыльцо профессор Хельмерг, раскрыл руки и пошел навстречу. – Боги, как же я рад вас видеть живой и здоровой!

Меня обняли с удивительной для такого дряхлого старичка силой и начали делиться новостями:

– Нет, вы только представьте, эти недалекие девы-проверяльщицы так до сих пор не уехали в свое министерство. – И без всякого перехода или паузы: – Ректор Белозерский узнал о свадьбе Лица – это внук его, если что, – с какой-то подозрительной девушкой и теперь готов убить всех, кто попадется под руку. А что творит, точнее, вытворяет наша Сминт!

– И что же? – заинтересовалась я.

Профессор вскинул сухонькие руки в старческих пятнах и оглянулся на Академию.

– На словах не передашь, – заявил Хельмерг и потянул меня ко входу. – Это надо видеть! Поверьте, новый преподавательский подход Анны даже вас повергнет в шок.

Ой, что-то сомневаюсь. Но любопытно.

Переступив порог Академии и окунувшись в атмосферу студенческого гула, смеха и учебного ажиотажа, я улыбнулась и облегченно выдохнула.

Великие ветра, как же хорошо вернуться... домой.

Пролог

У кого-нибудь возникало ощущение величия и принадлежности к королевской семье при одном взгляде на хрустальную люстру?

А я вот, знаете ли, прониклась. Да еще конкретно так.

Стояла, глядела на этого хрустального монстра и не могла прийти в себя.

Трехуровневая, богато украшенная множеством подвесок сложной формы и дизайна. Шедевр свисал с потолка на позолоченной цепи, перевитой гибкими стеблями лозы. Немногочисленные магические огоньки, спрятанные где-то во внутренностях гиганта, терялись в отражениях хрустальных граней, бликовали на поверхностях из муранского стекла и поражали воображение игрой света в кристаллах Поповски.

Окажись на моем месте коллекционер, к вещице бы уже приценивались. Историк бы давно лез по стремянке, чтобы определить эпоху создания и перерисовать клеймо мастера. Вор прикидывал бы, как эту махину вынести из здания. Охламоны озадаченно пересчитывали длинные подвески, Олаф плевался из трубочки жеваной бумагой, заставляя люстру истерично петь.

О чем в эту секунду думала скромная преподавательница Марсия Браун?

Я с нажимом массировала виски и мысленно, но очень проникновенно материла эрешкиль. Чтоб ей там икалось!

Чем вообще Дилейра думала, давая в аренду этого хрустального монстра? А в вырез чьего декольте таращился Корсак, ревностный хранитель стремительно скудеющей казны ар-теро, раз позволил такому случиться?

- Ты не посмеешь! - вывел меня из созерцания гневный вопль.

Пришлось опустить взгляд и сконцентрироваться на потасовке. А та стремительно набирала обороты и повышала градус кипения.

- Ты мало знаешь обо мне! - рявкнул в ответ Ронни, вынимая меч из ножен.

Замах, стремительный полет клинка и отчаянный женский крик «Нет!». Перепачканный в саже Эрг бросается наперерез племяннику, но опаздывает. Лезвие обрушивается на шею осужденной, слышится смачное чавканье, и голова с двумя тугими рыжими косами падает на пол.

Декан в панике посмотрел на меня.

- Зачем... - произнесла одними губами.

- Зачем ты сделал это, - подхватил фразу драконище и упал на колени. - Теперь же все пропало.

В потрясенной тишине Ронни самодовольно улыбнулся, выпрямился и победно вскинул клинок над головой. Несколько алых капель упали ему на лоб и заскользили вниз, навеки делая из невинного юноши беспощадного убийцу.

Дракошка дернул крыльями носа, прогоняя чересчур наглую каплю, но та продолжила маршрут и опустилась в уголок губ. Ронни быстро слизал сироп, остался крайне доволен дегустацией, после чего вытер с клинка бутафорскую кровь и сунул испачканный палец в рот.

- Стоп, стоп, стоп! - не выдержала я.

Репетиция шла уже второй час, а мы так ни разу и не доиграли до конца свое выступление. Время поджимало, группа Юлаи уже подпирала двери зала, периодически заглядывая с вопросом: «Вы всё?»

А мы не всё. Даже близко.

Я сидела в центральном проходе зрительного зала в окружении пустых бархатных кресел, усаженная на трехногий табурет, который невесть откуда приволок Олаф.

Голова гудела от обилия мыслей, желудок настойчиво просился в столовую, намекая, что с удовольствием слопаёт даже кашу-малашу-суп, что плюхнут в тарелку повара на раздаче. Голос сел от многочасовой ругани на повышенных тонах в адрес недоактеров.

– Так, друзья мои...

Я встала и подлетела на пару метров, чтобы стоящие на сцене и за кулисами могли разглядеть своего недовольного режиссера.

– Это никуда не годится. Худшей генеральной репетиции и придумать нельзя! Олаф, почему люстра до сих пор не убрана? У нас лесная опушка, а не праздничный зал. Следи за сценарием, ты должен подтянуть эту хрень хрустальную еще в конце третьей сцены!

Бархатный фальшпортал заколыхался, являя всклокоченно-пыльную голову Яна.

– Госпожа Браун, – торопливо начал он, нервно оглядываясь назад, – там это... Короче, трос перекрутился, а Олаф полез поправлять, зацепился за софит и повис. Но вы не волнуйтесь. Мы с парнями уже придумали, как снять его оттуда.

Я прикрыла глаза и попыталась подумать о чем-то жизнеутверждающем. Например, о том, что завтра вечером этот кошмар окончится, и я смогу выдохнуть. А пока собралась, и за работу!

– Ладно, – имитируя бодрость, продолжила я и уставилась на Ронни. – Кьяри, еще раз слизнешь варенье с клинка, и мир недосчитается одного дракона.

– Так вишневое! – попытался оправдаться тот.

– Так, понятно! – махнула я рукой. – Ответственные за реквизит, вам задание. Сгоняйте на кухню и попросите красного перца. Добавим перчинку нашей злобной ведьме. Кстати, выберите голову, пока на нее никто не наступил.

Из левой кулисы выбежал взмыленный Минька и поднял «отрубленную» голову, собственноручно позаимствованную из музея некромантов. Любовно поправив искусственные косы, парнишка умчался со сцены, остальные актеры передвинулись в правый угол.

– Продолжаем! – хлопнув в ладони, скомандовала я, оставаясь на занятой высоте. Садиться уже не имело смысла, да и не усую я больше на этой колченогой рухляди.

Сцена прокрутилась, являя зрителю новые декорации. Тревожно пропели свирели. Из кулисы рванулась Галочка с огромным колоколом в руках, но споткнулась о подол длинного балахона. Девушка пискнула испуганной мышкой, взмахнула руками, и... колокол полетел вверх.

Люстра! – екнуло мое сердечко.

А набатный колокол летел по изящной дуге, метя прямым в варварски дорогое великолепие. Повинуясь приказу, ветерок кинулся отклонить полет. Никакой, назначенный на роль Древа Судьбы, тоже взмахнул руками-веточками. Два заклинания столкнулись, срикошетили и унеслись кто куда, так и не достигнув цели. Ронни попытался сбить колокол, но тоже промазал.

Чертов колокол продолжал полет. Невольные свидетели затаили дыхание и ждали неминуемого «брямц», когда декан кафедры Темных искусств лениво повернулся и выбросил вперед левую руку. Его скорости позавидовал бы любой гепард, а точности броска – кобра. Да что там, движение было настолько смазанным, что я заподозрила мгновенную телепортацию.

Набатный колокол, пойманный в паре сантиметров от цели, в тщетной попытке дотянуться мазнул по воздуху медным язычком, но не преуспел. Потревоженные порывом воздуха подвески возмущенно заколыхались, а я наконец вспомнила, как дышать.

Ветра, если после генеральной репетиции и спектакля все останется целым, то, клянусь, я вот прям с утра пораньше схожу в храм и сделаю подношение.

Пока я давала обещания невидимым богам, спаситель хрустального монстра и моей нервной системы передал Галочке колокол. Та подбоченилась и, помня главное правило спектакля – доигрывай при любом раскладе, – пропела лирико-драматическим сопрано:

– Погиб! Погиб геро-о-ой. Не вынес смерти он любимо-о-ой...

Галочка бойко притопывала ножкой в такт песни, напрочь позабыв о длине грязного балахона, зато подол не пожелал быть забытым. В очередной притоп раздалось неминуемое «кхр», и ткань порвалась.

И ладно бы клятый балахон разошелся где-то по шву. Нет! Вопреки всякой логике и законам мироздания ткань поехала снизу вверх, перечеркнув змеящейся линией юбку аж до самого бедра.

– О горе нам! О горе! – допела невозмутимая Галочка и, щеголяя голыми ножками в новообразовавшемся вырезе, степенным шагом полуголой монашки удалилась за кулисы.

У меня задергался глаз.

Почему? Ну почему все так хреново?

Грохоча сапогами, на сцену хлынула переодетая стражей массовка. Впереди, перепрыгивая через тела врагов, под аккомпанемент тревожной музыки бодро скакал Эрг Гай Кьяри. Он уже успел нацепить бумажную корону и накинуть на плечи мантию. Последняя была откровенно коротка и едва прикрывала плотно обтянутые штанами накачанные ягодички, но иной для такой высоченной туши в гримерке попросту не нашлось.

Обезумевший король весело хохотал, парируя удары, и нарезал круги. Один. Второй. Третий. На четвертый круг этой свистопляски до меня дошло, что некто, не будем называть декана по имени, или чересчур увлекся игрой, или забыл начало реплики. Причем второе вероятнее.

Я уже сама собиралась остановить это безумие, но со стороны черного хода что-то рвануло.

– Олаф! – рявкнула зло.

– Это не я! – раздалось откуда-то с потолка. – Я все еще висю. Вишу... Подвешен.

В доказательство его слов запасные двери, ведущие на улицу, а не в просторный коридор и фойе, полыхнули и вылетели. Пригнувшись, чтобы пропустить над головой горящую створку, я разогнала рукой дым и уставилась на пятерку подозрительных типов.

Ну-с. И кого там нелегкая принесла?!

Первоначальная мысль, что это боевики вновь решили наплевать на расписание репетиций и прорываются в репетиционный зал с боем, развеялась вместе с дымом, едва я присмотрелась к одежде типов. Прокопченная, покрытая пылью и ошметками паутины (и где они только лазали?) черная форма отряда личной сотни короля выдавала мужчин с головой, а надменные взгляды мордovorотов подтверждали причастность к боевой элите не хуже официальных грамот и печатей.

Сребробородый мужчина с нашивкой старшего откашлялся и, видать, проникся великим театральным духом, потому что выпятил грудь и патетично проорал:

– Пришел твой час последний!

А как все хорошо начиналось. Жила себе, не тужила, лекции вела, мировое зло пыталась вычислить, с драконом ругалась... Ой, да кого я обманываю!

Начинался этот бардак тоже не шибко жизнеутверждающе.

Глава 1

Новые методики преподавания

– Ну как? – полюбопытствовала Анна Сминт, королевским жестом руки демонстрируя сцену аудитории.

– К... к... креативно, – не скрывая замешательства, ответила я и еще разок оглядела настенную живопись. – А... что это?

– Ваше влияние, милая Марсия!

Судя по расписанным стенам, тлетворное, но старушка лучилась таким неподдельным воодушевлением, что я не рискнула комментировать.

Тут надо пояснить, что у всех преподавателей Академии имелась своя аудитория. За исключением меня, конечно же. Цитирую одного очень вежливого дракона: «Гарпиям кабинеты не положены». Так вот, профессор Хельмерг проводил практику в просторном кабинете, расположенном в главной башне, застенчивая Юлая ютилась в комнатке на чердаке башни имени какого-то очередного ректора прошлого, умудряясь разместить на десяти квадратных метрах целую группу студентов. Эмиль Фаркас, как истинный оборотень, зверствовал в огромном зале с куполообразным прозрачным потолком, а Дори Мильграм – в теплицах, расположенных на заднем дворе Академии.

До этого дня мне посчастливилось лишь однажды побывать в аудитории, закрепленной за Анной Сминт. Привлек меня шум и легкий дымок, вырывающийся из-под двери. Оказалось, студенты что-то напутали и разнесли на молекулы несколько парт.

Кто бы сомневался...

– Брысь отсюда, вредители! – орала разгневанная старушка в спины поспешно эвакуирующихся великовозрастных оболтусов. – Загубили все мои плакаты с формулами!

Помнится, я тогда еще оглядела стены кабинета, увешанные закоптившимися плакатами, позавидовала шестиметровой высоте потолков и пошутила:

– А зачем вам плакаты с такими красивыми стенами?

Кто ж знал, что шутка старушке не зайдет.

– Знаете, проверка на многое открыла глаза, – рассказывала профессор Сминт. – А ведь я посвятила преподаванию всю свою жизнь!

Я заломила бровь и насмешливо улынулась.

Всю жизнь, говорите? Ну-ну.

– Ладно, – поправилась старушка, – мужчинам и приключениям я посвятила ее основную часть, но остаток – обучению студентов. И знаете, госпожа Браун, мне всегда импонировали учителя, которые, кроме домашнего задания, давали домой что-то еще, о чем можно подумать. Такие, как вы.

– Э... Спасибо.

– Это не комплимент, – отмахнулась Сминт и ворчливо добавила: – Честно говоря, твой подход к делу меня откровенно бесит, но сейчас не о твоих ошибках...

Какая милая старушка. Так и тянет предложить яду.

– Взгляни. – Анна Сминт прошла в центр класса и мечтательно-задумчивым взглядом оглядела преображающееся пространство. – Что видишь?

Я видела изрыгающего пламя волка, точнее, его набросок. А вот то, что находилось на противоположной стене, осмыслению не поддавалось. Больше всего цветные линии походили на каляки-маляки человека с нарушением цветоощущения. Другой вариант: кто-то расписывал ручку.

Но ведь все не может быть так просто. Анна Сминт не кажется выжившей из ума старухой, значит, настенной живописи есть какое-то оправдание. Понять бы какое.

Оттягивая свой ответ, я подошла ближе и чуть пристальнее посмотрела на огнедышащего волка. Кто хоть этот бред придумал?!

И вот тут меня озарило вспышкой понимания. Каннис. Эрн Хайнтаун.

– Закон обратного преломления заклатья, – пораженно прошептала я.

Выдающийся маг огня, разгадавший одну из самых главных загадок магии – почему некоторые заклинания рикошетят и возвращаются обратно, – а также рассчитавший формулу, стабилизирующую силу мага. Собственно, доказательство закона обратного преломления заклатья и вырывалось из глотки нарисованного волка. Не пламя. Огненные буквы.

Я присела на корточки и всмотрелась в шерсть. Точно, по тому же принципу здесь были изображены открытые Хайнтауном побочные силовые линии и исключения из общей практики, так называемые маголисты, маги с исключительными способностями.

Красиво.

За спиной встала Анна Сминт.

– После появления в наших стенах этих дамочек из комиссии я уже собирала пожитки, когда обнаружила коробку со старыми конспектами, – ее голос, ровный, без старческого дребезжания, звучал проникновенно. – Я сравнила тетради, по которым занималась сама, и свежие конспекты лекций. И знаешь, меня поразил очевидный факт нашей профессии – учителя продолжают пользоваться старыми приемами, учить так, как учили их. Никакой изюминки, ничего нового. А ведь высшее искусство, которым должны обладать все учителя, – это умение пробудить творческую радость от получения знаний.

Я медленно встала и кивнула.

Покидая кабинет, еще раз оглядела заваленные учебниками, набросками будущих рисунков и кистями столы. Ведро краски, палитры, сваленные в кучу. Тряпки, растворы с закрепителями, фосфоресцирующие краски.

А неплохо я влияю на местное болото.

– Профессор Сминт!

Мимо промчались трое взъерошенных парней в наспех натянутых свитерах. В победно поднятой руке первого я успела разглядеть девицу. Такую впечатляюще аппетитную и столь же впечатляюще голую.

Чую, пора тикать, пока старушка не опомнилась.

Гневный вопль «Сдурели!» только подстегнул первоначальное желание, и ноги сами собой понесли меня по знакомым коридорам. Я никогда не привязывалась к стенам, только к атмосфере, царившей в них. Академия могла похвастаться бешеной энергетикой своих студентов, запахом паленого, долетающего не столько из аудиторий, сколько из столовой, да шумными обсуждениями.

По дороге столкнулась с ребятами из группы, те радостно загалдели, но подходить ближе не рискнули. Невольно вспомнила о пятерке отличница – демон – зверолод – дракончик – Олаф, помянула Григоровича, который задерживал ребят из-за важного поручения.

Кафедра Темных искусств радовала полным отсутствием сюрпризов. В центре просторного помещения буквой «Т» громоздились разношерстные столы, за импровизированной перегородкой в виде шкафа с документацией зона отдыха – просевший диванчик, кресло и стол, заставленный разномастными чашками.

Меня встретили Юлая и профессор Хельмерг, предложили чай и засыпали вопросами. Мутная жидкость наталкивала на мысль, что одинокий пакетик заваривали не впервые,

поэтому я ограничилась пряником, по твердости сравнявшимся с камнями из кладки, и крайне уклончивыми ответами на вопросы.

Да, летали, на Фесе свадьбу видела. И Белозерского тоже. Да, ректор был жутко зол. Нет, в процессе свадьбы обошлось без жертв. Если, конечно, не брать в расчет разгромленное здание росписи молодоженов и вытопанную клумбу под окнами, но здание обещали быстренько восстановить для всех страждущих соединиться без проволочек и лишней родни.

– А у нас какие новости?

Преподаватели переглянулись. Юлая подняла брови и выразительно уставилась на профессора. Старичок округлил глаза и едва заметно мотнул головой, мол, а почему я. Преподавательница грез поджала губы и усилила нажим, профессор заерзал.

Обе стороны не собирались сдаваться. Обычно скромная и тихая Юлая напирала, но Хельмерг ушел в глубокую оборону. Судя по хитрому взгляду, он уже планировал воспользоваться контраргументом, то бишь смежить веки и захрапеть. Дескать, ничего не знаю, я старый усталый человек, могу отключиться в любую секунду.

На их счастье на кафедру заглянул Эмиль Фаркас. Да не один, а в компании хорошо известной мне дамы.

– Эмиль, вы так галантны, – пропела Крутизадка. – Но я переживаю, как бы Эрг не воспринял эту самую галантность как угрозу нашему семейному счастью.

Чего-чего?

– Розмари, – интимным полупшепотом прорычал оборотень ее имя, – избранникам полезно немного поволноваться.

Мне показалось или эта пышка действительно употребила в одном предложении дракона и семейное счастье?

– Эмиль, не мне вам рассказывать, как Эрг горяч и скор на расправу.

Нет, ну точно слышалось. У дамочки такой скверный акцент.

Юлая и профессор Хельмерг украдкой выдохнули и принялись нарочито шумно собирать посуду, шутить и обсуждать общего студента. Я не слушала. Я все еще пребывала в легком шоке.

– Добрый день, коллеги, – поздоровалась заглянувшая в чайный закуток Розмари.

Бывшая свиноматка Кьяри изменила привычному имиджу и сегодня блистала в элегантном деловом костюме графитового цвета. Пиджак и узкая юбка не скрывали полных бедер, а огромной груди, не берусь даже представить, какого размера, было откровенно тесно под полупрозрачной рубашкой. Пуговицы с трудом удерживали края расходящейся ткани. Того и гляди, полетят во все стороны.

На правом отвороте пиджака брюнетки скромно примостилась хорошо знакомая брошь в виде бабочки.

И чего она ее постоянно таскает?

– Госпожа Харрис, – подчеркнуто холодно улыбнулся профессор Хельмерг. Юлая же просто кивнула, делая вид, что безумно занята уборкой со стола.

Я все еще молчала, не зная, как выразить счастье от встречи с мадам.

Эмиль Фаркас, не удостоив нас вниманием, взял внушительную стопку тетрадей со стола и покинул деканат с улыбкой злодея, устроившего пакость.

Минуточку! А ведь Фаркас – оборотень. Он обязан был унюхать, что в помещении кто-то есть, еще в коридоре. А раз унюхал, то к чему весь этот спектакль?

Меня позлить?

Что ж, мохнатый подданный царства мочи, у тебя все получилось. Ибо гарпия зла.

– Госпожа Гаррис! Вот так встреча!

Моей ослепительной улыбке могли позавидовать все модели глянцевого журнала.

Я подскочила со своего места и уставилась на пышнотелую даму.

– Декан сообщил, что комиссия закончила проверку. Не ожидала увидеть вас вновь.

Розмари не была душой, поэтому услышала плохо завуалированное «Что ты тут забыла?» и с вежливостью кобры перед броском ответила:

– Да, я тоже не планировала...

«Встречаться с тобой, выскочка».

– ...оставаться в Академии. Но ректор Белозерский предложил мне место...

«Не смог устоять перед моим напором».

– ...и теперь я тоже преподаватель.

«Выкуси, крошка!»

Какая прелесть!

– Любопытно. – Я скрестила руки на груди и окинула «коллегу» оценивающим взглядом. – И какой же предмет вам предложили вести?

«Чему учить будешь? Как трескать пирожные и безвкусно одеваться?»

Розмари Гаррис облизнула пухлые губки, отчего профессор Хельмерг икнул и опасно попятился, а Юлая поспешила незаметно выскочить из закутка.

– Я заменю ныне покойного профессора Риттера, – ответила дамочка.

«Тебя я тоже заменю, гарпия».

Очевидно, что Розмари скрывала что-то под толстым слоем туши на редких ресничках. Понять бы что.

– Представляю восторг студентов, когда им объявят эту новость, – не сдержала я ехидства.

Атмосфера накалялась.

Розмари величественно склонила голову, всматриваясь в меня с таким непередаваемым презрением, словно узрела моль на любимом свитере. Забывшийся в уголок Хельмерг бормотал что-то очень похожее на молитву Всеединному. Ветерок воинственно кружил над головой брюнетки, периодически хватая то горшок с фикусом, то глобус, забытый на антресоли, то старинные часы с кукушкой, предлагая приложить Розмари по темечку, но я отрицательно качала головой.

– Как насчет того, чтобы пообедать вместе? – неожиданно предложила госпожа Гаррис, даже не подозревая, что в эту минуту над ее головой навис огромный булыжник, зачем-то подаренный студентами в качестве извинений. – Я пока плохо ориентируюсь в хитросплетениях здешних коридоров. А вы столько могли бы рассказать мне о нюансах работы.

Я мысленно попросила ветерка не вмешиваться, представила компанию Крутизадки и очередного несъедобного изыска поваров, все так же мысленно скривилась. Да проще сразу сходить к Бьянке Барис и попросить яду. Кстати, ручаюсь, что эти две змеюки поладят, а пока...

– С превеликим удовольствием! – заявила сопернице и первой направилась к двери. – Судя по запаху, повара приготовили нечто сногшибательное.

Ага, и в-туалет-загонятельное.

Около 70 % всех живых существ на планете – это бактерии.

Часть этих микроорганизмов устроилась педагогами на кафедру Светлых, а вторая – на работу в министерство образования.

Глава 2

О том, как правильно устраивать сцены

До столовой мы не дошли.

Розмари вскипела, задетая совершенно невинным вопросом с моей стороны, и решила выяснить отношения в узком коридорчике, ведущем в общий зал главной башни.

Нет, может, оно и к лучшему.

Сомневаюсь, что дамочке пришлось бы по вкусу стряпня, поданная на обед. Наши повара так и не научились готовить то, что не прожигает кастрюли или не прилипает к потолку.

– Слушай, ты, маленькая крылатая дрянь, – прошипела госпожа Гаррис, фактически припечатав меня своим огромным бюстом к стене.

Я скосила глаза на вырез, угрожающе зависший у лица, и впервые испугалась женской груди. Что бы ни думали по этому поводу мужчины, но женские прелести – это оружие. Оружие устрашения соперниц и только в некоторых, самых незначительных случаях – соблазнения.

– Я скажу раз и больше повторять не стану, – булькая от ярости, продолжила мысль новая преподавательница. – Оставь Эрга в покое. Он мой. Точка.

– Может, у него спросим? – миролюбиво поинтересовалась я, стараясь по стеночке проскользнуть мимо бюста.

Розмари уперла пухленькую ручку в стену, пресекая попытку к бегству, и начала сыпать угрозами:

– Ты не с тем соперником связалась, гарпия. Знаешь, в какие круги я вхожу? Знаешь, какие у меня связи? Да я сожру тебя вместе с крыльями и мерзким характером.

В чем, в чем, а в последнем даже не сомневаюсь.

– Вскочка, которой давно пора указать на ее место и запереть в клетку зоопарка! Убожество, по которому плачет цирк уродцев!

Вполуха слушая угрозы и оскорбления в свой адрес, я медленно сдвинулась в другую сторону и позвала ветерок, который кружил под потолком, но тот не ответил.

И пусть учебники и светлые головы профессоров утверждают, что союзники не способны испытывать эмоции в понятном для человеческого восприятия смысле, но перышко даю, что мой ветерок сейчас предвкушающе потирал невидимые ручки и ухмылялся.

– Думаешь, мне не сообщили о том, как ты крутишь хвостом перед моим драконом? – продолжала гнаться грудь, в смысле госпожа Гаррис. – Провоцируешь, подогреваешь его интерес, соблазняешь.

Это я-то соблазняю? Да я образец приличия!

– ...пыль под моими каблуками, – продолжала разглагольствовать брюнетка. – Уродливая пародия на женщину!

Я сделала еще одну попытку обойти дамочку. Не преуспела и задумалась. Нет, ну в самом деле, не бить же мне ее? А если и бить, то куда?

– День, когда драконы смерти разгромили вашу убогую долину, можно считать праздником для всех разумных рас. Жаль, что уничтожили не всех гарпий. Таких, как вы, надо душить в младенчестве. Вырезать из тел матерей. Резать крылья и смотреть, как вы подыхаете...

Я легко могла выносить оскорбления в свой адрес, потому что понимала – это всего лишь провокация. Но последняя фраза напомнила мне об Энтони, о том, чего лишили

подростка, и все внутри взорвалось от ярости.

Воздушная сфера толкнула Розмари в грудь, швырнула в противоположную стену коридора, поглумилась над прической. Две центральные пуговицы рубашки, не ждавшие подвоха, с треньканьем полетели в стороны, демонстрируя кружевной корсетный лифчик.

– Да как ты посмела напасть на меня! Дрянь!

Лицо соперницы исказилось в гримасе отвращения, что вкупе с взлохмаченными темными лохмами сделало ее как никогда похожей на бешеного вепря.

И мне бы не усугублять конфликт, но и смолчать не вышло:

– Простите, у меня аллергия на глупых людей.

И вот тут-то остатки тормозов покинули пышечку. Глаза налились кровью, блеснули жадной убийства, рот раскрылся в боевом крике атакующей свиноматки. Дамочка вскочила на ноги, что с такой-то комплекцией считалось весьма опасным трюком, и понеслась на меня. Опасаясь, что меня элементарно размажут по стенке, я вылетела из узкого коридора в просторный зал.

Небеса! Удача, что здесь нет никого.

Спину обожгло. Хорошо, что ветерок прикрыл, и до меня долетел лишь отголосок пущенной волны огня. Плохо другое, Розмари Гаррис – маг огня. Слабый, но взбешенный. А это чревато неожиданностями.

– Ненавижу тебя! – взвизгнула дамочка, вбегая следом.

– Добро пожаловать в клуб завистников Марсии Браун, – насмешливо сообщила я. – Членские билеты и значки с моим портретом выдают в подсобке рядом с уборной, заседают там же. Настоятельно прошу прочитать листовку с правилами, а то вы, знаете ли, нарушили очередь жаждущих со мной поквитаться.

Растеряв все свое самообладание, брюнетка заорала и бросила стукотом голубого пламени. Прицел у дамочки был так себе, но раз в год и дура попадает.

Я частенько встречала в самых различных городах материка замысловато-петляющие дорожные артерии, которые местные любовно называли «пьяная дорога». Так вот, заклинание, брошенное соперницей, промчалось по невероятно кривой траектории, которую нельзя назвать иначе, как «пьяной».

Заметавшись из стороны в сторону, я таки прошляпила момент, когда голубое пламя мазнуло по крылу. Зашипев от боли, обрушила на новую преподавательницу серию из пяти атак и закрылась глухим щитом. Крыло пульсировало болью, но беглый осмотр показал, что пострадало не сильно.

Ничего. Главное – измотать соперницу, а там случится одно из двух: или госпожа Гаррис вспомнит о приличиях, или примчится помощь.

Надеюсь, что ко мне, а не добить.

Розмари успела метнуть в меня еще три стукотки огненной магии, когда в зале появился Белозерский с источником конфликта.

– Госпожа Браун! Немедленно прекратите! – заорал ректор прямо с порога.

Нашел крайнюю.

– Вы это ей скажите! – рявкнула в ответ, подпытывая выставленный щит. И снова, и снова, потому как Розмари себя не контролировала, а ответить я побаивалась. В моем положении политической преступницы на исправительных работах даже самозащиту могли счесть нападением.

Сам же источник конфликта замер в сторонке и с интересом наблюдал за творящейся в зале вакханалией.

- Драконище! Убери от меня эту психованную!

Эрг Гай Кьяри сложил руки на груди и остался стоять с невозмутимым видом. А вот Розмари тормозить не собиралась. Она вообще, по всей видимости, не замечала ничего вокруг.

- Ты не понимаешь, во что вмешиваешься! - кипятилась запыхавшаяся соперница. - Я люблю его! У нас будут дети, дом, счастливая семья. А что ты, гарпия, можешь дать Эргу?

Если тот не перестанет изображать мраморное изваяние, могу дать по башке.

- Их надо разнять! - суетился Белозерский, не зная, как подступиться.

- Нет-нет, - придержал его за рукав Кьяри. - Давайте сперва послушаем ответ.

Я злобно глянула на Кьяри. Вот и кто он после этого?

В зал просочилась привлеченная шумом группа студентов. Ребята зашептались, захихикали, показывая на нас пальцами, кое-кто даже начал делать ставки. Декан кафедры Темных искусств мельком взглянул на группу и расплылся в нехорошей ухмылке.

- Господа студенты, - голосом профессионального лектора позвал он, - кто знает, как называется щит, выставленный госпожой Браун?

Студенты заскрипели извилинами, потом плюнули и, не скрываясь, полезли за конспектами. Я успела выдержать еще три-четыре атаки, прежде чем нашелся правильный ответ.

- Всевидящее око! - выкрикнул кто-то из задних рядов.

- Условно-неуязвимая защита против магов огня, - добавил другой голос, по ощущениям девчоночий.

- Верно, - похвалил дракон. - Условно-неуязвимая защита предполагает только один вид атаки, который пробьет щит. Кто первым ответит, каким заклинанием должна атаковать госпожа Гаррис, получит на моем экзамене «три» автоматом.

Не поняла. Это он сейчас мне так тонко припомнил зеркалицу из библиотеки и свой собственный позор?

Трояк желали практически все собравшиеся, поэтому зашуршали конспектами еще сильнее. Розмари продолжала нападать с упрямством барана, таранящего новые ворота. Тут и там на стенах, потолке и витражах зала вспыхивала защита, наложенная на здание. Ветерок кружил рядом, не зная, чем помочь. Ректор Белозерский хмурил брови и задумчиво кусал губы. Кьяри...

Драконище выглядел обманчиво расслабленным.

И стоило мне после очередного удара взбесившейся свиноматки со стоном прикрыть глаза, Эрг тотчас вскинул руки. Преграждая путь, перед Розмари вспыхнула стена огня, а следом отмер Белозерский. Щелчок пальцами, и брюнетку ударило блокирующим магию заклятием. Она покачнулась и грузно осела, схватившись руками за голову.

- Ну! - разочарованно прогудели студенты, лишившиеся шанса заработать трояк, а я тяжело опустилась на пол и развеяла щит.

Крыло онемело от боли и плохо слушалось. Я так и не смогла сложить его, и оно висело за спиной, подметая пол оперением.

- Расходимся, тут нечего смотреть! - выгонял Белозерский студентов из зала. - Лекции никто не отменял, господа студенты.

Кьяри встал рядом, взял за подбородок, заставив запрокинуть голову и посмотреть на него.

– Ты как?

Но вместо меня ответила Розмари.

– Кажется, я заработала растяжение! – прохныкала соперница, прижимая руку к груди.

– Может, растяжение мозга?! – рывкнула я в ответ.

Безумно хотелось вцепиться гадине в патлы, но почему я должна улучшать ее внешний вид?

Эрг поддержал меня за талию и склонился к уху.

– Она под проклятием диатрибы, – жарко шепнул он, не удержался и быстро поцеловал в шею.

Драconiще помог лекарю усадить меня на скамью, а сам вместе с ректором направился к сидящей на полу госпоже Гаррис. Стоило Розмари сконцентрировать взгляд на Белозерском, как ее уста разомкнулись в очередной тираде:

– Жалкий недотепа, который не сумел обуздать свою гордость! Ты мог добиться всего: славы, положения, состояния, о котором можно только мечтать, но не смог промолчать и лишился всего. Каково это, Галактион? Расскажи нам, каково это – падать с небес в просиженное кресло ректора замшелой академки?

Захотелось встать и пнуть гадину, но лекарь шлепнул на обожженное заклинанием крыло холодный сгусток мази, я отвлеклась, и момент оказался упущен.

Эрг наложил на бывшую пассию заклятие немоты, и теперь та просто беззвучно разевала рот, пока двое магов пытались найти и снять с нее навешенное проклятие.

Диатриба.

На заре нашего мира так называли философскую проповедь, обращенную к простому народу. Для нее были характерны пафос (обязательно обличительный), поднятие моральных тем, сочетание насмешки и серьезных аргументов. Также ораторы не брезговали использовать притчи, мифы, сентенции. А уж как они вертели на языке сравнениями!

Чуть позже, когда повседневная речь перестала быть такой насыщенно-замысловатой, одна из ведьм изобрела особый вид проклятия. Дама так и не призналась, что это было – долгий подбор компонентов, или она просто психанула и кинула в ступу все, что под руку пришлось, но в итоге появилось нечто совершенно невероятное. Проклятие, получившее название «гневная диатриба».

Одно время его было модно использовать для устранения соперников. Состав наносился на предмет, к примеру, украшение или оружие. Стоило врагу дотронуться до предмета голыми руками, и дело сделано. Конкурент слетал с катушек. Его буквально прорывало резкой, придиричливой критикой, соединенной с нападками на личность. Находящийся под проклятием не мог контролировать себя, браня и атакуя любого, кто попадется на глаза, а проклятый предмет все продолжал и продолжал черпать силу из резерва мага.

Вот почему декан с ректором медлили – чтобы «обезвредить» Розмари, ее было необходимо измотать атаками. Я почему-то подумала, а что было бы, не окажись мужчин здесь.

Воображение живо нарисовало картинку умирающей от истощения Розмари. Несложно угадать, кого обвинили бы в этом случае. Меня. И еще раз меня. Нет, был еще один вариант, где уже я истекала кровью и предсмертными всхлипами на полу этого зала, но он не вызывал у меня восторга, поэтому был немедленно отброшен и забыт.

Предстояло подумать совершенно о другом. Некто вновь попытался избавиться от меня чужими руками.

Розмари обезумела во время перехода от учительской в столовую, следовательно, получила проклятие менее получаса назад, и значит...

- Он в Академии, - пораженно прошептала я.

Словно в подтверждение этой глубокой мысли каменная кладка центральной башни содрогнулась, изысканные витражи вылетели от мощного удара, а воздух сотряс жуткий вой сирены безопасности.

Началось.

Глава 3

О бедном поваре замолвите слово

– Займись ею, – перепоручил ректор заботу о Розмари помощнице лекаря, прибежавшей на звук драки, и бросился к выходу. – Эрг, что с защитой?!

– Взрыв случился под куполом, главная башня, – крикнул тот, отталкиваясь и легко взмывая на кожистых крыльях вверх.

Правильно, по воздуху быстрее будет, чем по лестнице.

Жаль, крыло атакой задело. Ну да ничего, прорвемся к месту вместе с сухопутными.

Я тотчас вскочила, готовая бежать в объятья новых неприятностей, и даже сделала пару шагов, когда меня настиг вопль лекаря «Стоять!» и поразило брошенное в спину заклинание. Подошвы приросли к полу, не давая мне и шагу ступить, хотя я очень хотела.

– Присаживайтесь, госпожа Браун, – лекарь откровенно веселился.

За спиной скрипнула ножками по камню придвинутая лавочка.

– От меня еще никто не уходил...

А вот последнее прозвучало чуточку жутко. Не то чтобы я боялась врачей, но на замершего за спиной эскулапа покосилась с долей уважения.

– И часто пытались?

Невысокий, крепкий мужичок в обычных черных штанах и сером тонком свитере не казался серьезным соперником. Однако нечто во взгляде чуточку усталых и все понимающих глаз отбивало охоту перечить даже у меня.

– Чаше, чем хотелось бы, – вздохнул лекарь, зачерпывая удивительно подвижными пальцами зеленоватую мазь от ожогов. – Сегодня утром ловил третьекурсника. Казалось бы, не маленький, должен соображать, что такую запущенную ангину одними мазями и компрессами не вылечишь, но нет. Как услышал, что медсестра за шприцем пошла, так сразу тикать из палаты. Персонал привычный, везде ловушки от чересчур притких пациентов. Так эта дурья башка, знаете, что удумала? Мы-то охранку на форточку не ставим, чтобы проветривать палаты можно было, вот этот жук и полез через нее.

– Погодите-ка! Крыло лекарей же на четвертом этаже.

Лекарь стер излишки мази с ладоней специальной тряпочкой и вскинул указательный палец.

– Вот то-то и оно! – усмехнулся собеседник, осторожно поднимая мое пострадавшее крыло и помогая сложить за спиной. – Еще хорошо, что все обошлось, и этот дурень не разбился.

Я вопросительно изогнула брови.

– Так застрял, – добродушно улыбнулся лекарь, накладывая повязку. – Форточка крохотная, а он в нее рыбкой прыгнул. Руки, голова и плечи еще как-то прошли, а вот то место, на которое студенты ищут неприятности, застряло. Собственно, мы сперва уколы поставили и только потом вызволили, но не дело это. Не дело... Госпожа Браун, вы ж маг воздуха, может, подсобите чем?

Усмехнулась.

– Могу подарить лекарскому крылу свой портрет. Будете пугать до глубокого обморока чересчур впечатлительных.

Лекарь сунул разложенные на скамейке баночки и бинты в холщовую сумку с пространственным карманом, вшитым в подкладку, и отмахнулся.

- У нас уже есть плакат декана Темных искусств в гневе.

Лекаря едва уловимо передернуло от воспоминаний о портрете.

Интересно, что ж там за плакат такой? Надо бы наведаться и посмотреть. Может, даже снять копию для личного архива.

- Так что нет, госпожа Браун, - качнул головой лекарь. - Нам бы ветерок какой приручить, чтоб под окнами летал и самоубийц отлавливал. Сможете?

Я со вздохом встала и поправила растрепавшиеся после схватки рыжие локоны.

- Зайду завтра после лекции. Посмотрим, что можно сделать, - пообещала и выразительно покосилась на приклеенные к полу подошвы.

- Ах да, - спохватился лекарь, кашлянул и строгим тоном продолжил: - Повязку не мочить, не чесать, не снимать. Крылом не пользоваться, пить как можно больше... Госпожа Браун! Я кому все это рассказываю!

Но я уже пересекла зал и скрылась в коридоре.

Если верить дракону, взрыв случился под куполом защиты в главной башне, а там может рвануть только одно - магические печи.

- Уволю! - доносилось из недр задымленной столовой.

- Так их, господин ректор. Так! Будут знать, как варить бурду.

- А вас - исключу без права восстановления!

- Но, господин ректор... - занyli в голос дежурившие по кухне студенты.

Я сунулась было в столовую, но чуйка подсказала, что лучше не попадаться Белозерскому на глаза. Во избежание, так сказать. А то еще вспомнит про «полставочки секса».

Развернувшись, покинула поле действий и решительным шагом заспешила к себе в комнату.

На преподавательском этаже царила тишина, но я знала - это ненадолго. Через полчаса закончится последняя пара, и на этаже начнется веселье. Бьянка Барис заявится, как всегда, в обществе Дори Мильграм и Стеллы Круз. Сплетницы встанут в коридоре и еще минут десять будут промывать косточки студентам, преподавателям и персоналу Академии. Вернувшись с занятий Анна Сминт пройдет по коридору, производя столько шума, сколько не всегда производят студенты на переменах. Скромница Юлая, наоборот, проскочит к своей двери бесшумно, зато будет еще три-четыре минуты выискивать ключ в сумочке. За стареньким профессором Хельмергом непременно увяжется кто-то из студентов, слезно умоляя поставить зачет (простить пропуски, закрыть глаза на отсутствие работы). Профессор повздыхает, но в дверях комнаты сдастся. Эмиль Фаркас, как истинный оборотень, явится в компании молоденькой аспирантки, чье жеманное хихиканье будет слышаться весь этаж.

Декан кафедры Темных искусств был редким исключением.

Я практически никогда не слышала его шагов, но всегда чувствовала приближение. Вот и теперь открыла дверь и шустро втащила в комнату высоченного мужчину до того, как тот успел постучать.

- Ух ты! Вот это страсть, - удивился тот. - Честно, хотел побережь твое крыло и ограничиться поцелуями, но раз пошла такая пляска... Только давай я сперва в душ заскочу, а то одежда провоняла гарью.

- Ты мне зубы не заговаривай, - возмутилась я, толкая дракона в грудь. Тот послушно упал в кресло и уставился на меня взглядом невинного младенца. - Давай-ка обсудим твое поведение.

Эрг поморщился.

– Почему у меня такое чувство, что я – нашкодивший котенок, которого ты собралась тыкать носом в мокрую тапку?

– А я и тыкну!

Меня откровенно бесил его игривый тон и полное отсутствие мук совести.

– Кьяри, думаешь, я не понимаю, что ты попытался усидеть на двух стульях? Небось спал и видел, как спишь со мной, а детей растишь с Розмари.

– Глупости не говори.

– Глупости? Драконище, твоя бывшая осталась в Академии после того, как отчалила комиссия. Более того, ей предложили место преподавателя. А затем эта бешеная женщина попыталась запечь меня в собственном соку. И не говори, что не знал о ее планах остаться.

– Конечно, я знал, – покаянно опустил голову Эрг. – Более того, это я предложил ей остаться и занять место Риттера...

– Та-а-ак! – Я резко отвернулась и подошла к окну.

– Марси, – позвал драконище, вставая и идя следом. – Это было задолго до того, как мы спонтанно узаконили наши чувства постелью.

Кьяри осторожно обнял меня и притянул к себе. Его пальцы аккуратно подцепили край повязки, наложенной лекарем, нос придирчиво принялся к мази, и дракон вернул все на место.

– Почему ты хотел избавиться от меня? – задала я самый сложный для себя вопрос.

Драконище молчал, собираясь не то с мыслями, не то с мужеством, чтобы ответить.

– Надеялся, что, если ты будешь в другом месте, если тебя переведут в другую академию, то я смогу отпустить тебя. А после... – Он вздохнул и покаянно прошептал: – Я просто не успел предупредить Розмари, что мы расстаемся.

И вот тут-то я окончательно психанула.

Не успел он, понимаете ли!

Эта безумная мымра с брошкой облила меня грязью и едва не испепелила, а он... он... у-у, драконище!

Вывалась и показала на дверь.

– Проваливай, пока я тебя не побила.

Адекватные мужчины просят прощения или бегут от разгневанной женщины. Повторюсь, адекватные мужчины.

– Не могу, – Эрг самодовольно улыбнулся. – Пока мы были на Фесе, Розмари перетаскала свои вещи в мою комнату. Лекари не знали, куда ее девать, поэтому отвели сюда. И сейчас она сидит и ревет в мою подушку.

Великие ветра! Час от часу не легче.

Захотелось заорать в голос, но дракон вновь выбил почву из-под ног.

– Марси, что мне делать?

Я даже опешила от такой вопиющей мужской наглости.

– А почему ты меня спрашиваешь?

Крепкая мужская ладонь поймала мою, переплела наши пальцы и осторожно сжала.

– Потому что ты – та женщина, с которой я планирую «жили они долго и счастливо».

Мне важно знать, каких шагов ты ждешь от меня.

Он издевается?

– Чего я жду? Кьяри, ну право слово, что ты как маленький! – возмущению не было предела. – Я жду, что ты станешь мужиком, который способен решать проблемы самостоятельно, не советуясь со мной.

– Ты права.

Не отпуская моей руки, Эрг с готовностью встал на одно колено.

– Марсия Браун, моя любимая гарпия, согласна ли ты стать...

Поспешно прижала пальцы к его губам, пока с них не слетел этот страшный вопрос.

– Забудь, что я сказала! Иди и скажи Розмари, что после случившегося видеть ее не желаешь. Меня не упоминай! Еще не хватало, чтобы по Академии поползли слухи о том, что мы встречаемся.

Поднявшийся Эрг нахмурился и уточнил:

– Мы что же, не станем афишировать наши отношения?

Мой грозный взгляд был красноречивее всяких слов.

– Понял. Мы не афишируем нашу связь, но... ты переезжаешь ко мне.

– Эрг!

– Прости, не могу больше говорить. – Драконище уже шагнул к выходу. – Нужно поскорее выставить Розмари из комнаты и освободить для тебя шкаф.

– Эрг!!!

– Зайду за тобой через час. Белозерский разрешил поужинать в городе.

Зарывав, я подхватила с тумбочки пухлый томик стихов и швырнула в спину этому наглецу, но тот успел прикрыться дверью, и фолиант в синем переплете с грохотом рухнул на пол.

– Бесит! – с чувством выдохнула я и пошла приводить себя в порядок.

«Мы вознесем вас на «Седьмое небо», – обещала вывеска ресторана.

Я была скептиком до мозга костей, но в этом случае верила обманчивым обещаниям. Панорамный комплекс «Седьмое небо» располагался в элитном квартале, нависал над городом и принадлежал чванливым драконам.

Ящеры-переростки строили это место, ориентируясь на собственный вкус, поэтому ресторан оказался на высоте во всех смыслах. Шикарный вид из окон, невероятно высокий прозрачный потолок, сквозь который видно небо, сдержанно-роскошная обстановка. Ресторан занимал два уровня. На первом располагались три зала поменьше, для свадеб и уютных праздников, на втором – общий. Пол общего зала медленно вращался, позволяя присутствующим насладиться круговым обзором.

Видимо, поэтому интерьер и оформлен сдержанно – ничто не должно отвлекать от захватывающего вида. Исключением стал лишь негромко журчащий фонтан в центре. Семь вставших на задние лапы каменных драконов образовывали круг, хвосты выступали в качестве бортиков. Из пасти ящеров били тугие струи воды, подсвеченной разными цветами.

Поодаль, на возвышении, шокировал взоры ярко-алый рояль. Рядом пустовали стулья для музыкантов. Кьяри спешил убраться из Академии, а я оголодала настолько, что мы примчались на ужин задолго до принятого в приличном обществе часа.

Столиков было немного, и, как я позднее узнала, каждый из них закреплялся за

конкретной фамилией драконов.

Вымирание налицо.

Эрг Гай Кьяри взглядом хозяина обвел помещение и уверенно двинулся в самый дальний угол. Нам подали меню в кожаных папках, приняли заказ, а после моего спутника позвал статный дракон. Пока ящеры чесали языками и чокались коллекционным вином за знакомство, я дождалась официанта с подносами и накинулась на еду.

К тому моменту, как Кьяри вернулся, мною были уничтожены два салата, пюре из баклажана и половина отбивной.

– Розмари уже отчалила?

Драконище разложил салфетку на коленях и кивнул.

– Да.

– Это хорошо. – И без всякого перехода: – Нам надо расстаться.

Эрг поперхнулся, медленно подался ко мне и пристально глянул.

О черт! До сих пор я не понимала выражения «его глаза метали молнии».

– Нет, ты не подумай, – тотчас пошла на попятную. – Сердцем-то я за тебя, а вот желудком...

Я занесла вилку, насадила ломтик побольше и с наслаждением вгрызлась в удивительно нежный и сочный кусочек.

– Ммм...

Взгляд подернулся пеленой наслаждения.

– Драконище, ты просто попробуй! Это же что-то невероятное. Пища богов. Совершенство молекулярной кухни. И это с условием, что я вообще-то не фанатка мяса. О-о, моя прелесть, – обратилась я к очередному кусочку отбивной, подцепленному столовым прибором. – Госпожа гарпия готова вкушать тебя снова и снова.

– Что ж... – Кьяри с притворной печалью вздохнул и коварно улыбнулся. – Придется вызвать местного повара на дуэль.

– Не-не-не! – поспешила остудить пыл воинственного дракона. – Лучше перемани его на работу в нашу Академию. Думаю, после сегодняшнего взрыва ректор не станет возражать против смены кадров.

– Уж лучше я переманю его в наш дом. Так хоть будет уверенность, что ты будешь там появляться.

У нас есть дом?

Увы, но озвучить данный вопрос не успела – Кьяри поднялся во весь свой немаленький рост и призывно махнул. Я оглянулась, узнала гостя и непроизвольно скривилась.

Вот только его нам для счастья и не хватало!

– Чего такая кислая? – вместо «здрости» усмехнулся Григорович, присоединяясь к нашей трапезе и придирчиво шаря взглядом по тарелкам.

– Ты сюда не есть пришел, – напомнил Эрг.

Глава агентства безопасности кивнул, дескать, помню, и потянулся к меню.

– Надеюсь, что вы успели поужинать, – сообщил он, быстро листая страницы, – потому что после моих новостей кусок в горло не полезет.

Глава 4

Месть сладка

– ...а теперь открываем методичку на тридцатой странице. Внизу видим формулу. Она приводит вас в ужас.

Меня, честно говоря, тоже.

– Перерисовываем ее к себе в тетради... У кого нет тетрадей, пишет на руке и не моется до экзаменов.

Студенты принялись списывать формулу, занимающую аж семь строк, а я вернулась к титульному листу. Кто составлял это чудо магической мысли?

Л. О. Хотелов.

Надо же! Какие исчерпывающие три первые буквы.

Я отбросила методичку на край стола и обвела взглядом аудиторию. После вчерашнего разговора с Григоровичем на душе остался неприятный осадок. Если бы не оберег в виде красной нитки на запястье, защищающий от прямых проклятий, заподозрила бы происки врагов. Судите сами, Дилейра Руми и владыка поссорились! Причина конфликта... Барабанная дробь, напряженная пауза, и вот он наш победитель (не спешите любить и жаловать) – Дуглас Гай Кьяри.

Вот уж кто не способен держать себя в штанах!

Братец Эрга заскучал на переговорах и решил приударить за эрешкиль. Владыка застал целующуюся парочку и взбесился. Не думаю, что там были затронуты чувства, разве что чувство собственности, но скандал был жуткий. И теперь все ходят разобиженные и дуются друг на друга, аки малые дети.

У охламонов, получивших небольшие задания от Григоровича, дела тоже были не очень. Провалились все, за исключением самого бедового члена команды, а именно Олафа.

Чудо, не иначе как!

Безопасник обещал вернуть ребят к обеду. Вот тогда-то и выведаю подробности. Кира, кстати, тоже возвращалась сегодня. Увы, и ей не повезло. То ли наш злодей не повелся на уловку, то ли просто потерял студентку в толчее трактов, но вербовать Киру на темную сторону так никто и не стал. Может, печеньки закончились?

– Если этот гад здравствует со времен заточения Королевы джиннов, то надо понять, как он продержался так долго, – заявил Эрг этим утром. – Как насчет того, чтобы смотаться в библиотеку?

– Обожаю ходить на свидания, – сонно откликнулась я, неохотно переворачиваясь на спину.

Ночевать решили у меня. Берлога дракона была осквернена недавним присутствием Розмари, и я не собиралась даже переступить порог, пока комнату не проветрят и не зальют обеззараживающим составом.

Вдруг пышногрудая брюнетка страдала не только бешенством и скверным характером. Молчу про брошку и подбор нарядов.

Драconiще неспешно одевался, откровенно любуясь картинкой заспанной гарпии. Не знаю, что его там могло порадовать, если только торжество от осознания, что недавний враг, я то есть, уложена им на лопатки. Я же не отрываясь следила за сильными руками, механически застегивающими пуговицы темно-синей рубашки. Его плечи и грудь образовывали треугольник. Это был настолько образцово-показательный треугольник, что впору изучать гусям для более точного построения клином.

Кстати, о полетах.

– А ты куда собрался?

– Бить морду брату. Заменишь меня на первой паре?

Я усмехнулась и вспомнила прошлый конфликт двух Къяри.

– Не увлекайся.

– Ты тоже. – Эрг присел на край постели и взял меня за руку. – Я серьезно, Марсия, у меня наивная, не пуганная тобой группа. Будь добра, верни их в целостности и сохранности.

И вот теперь я смотрю на непуганую, наивную группу, и на губах сама собой расцветает самая коварнейшая улыбка из моего арсенала.

– В печь методичку! – сказала бодро. – Как насчет небольшой практики?

Студенты переглянулись и... Вы бы видели их воодушевление!

Не знаю, чем они занимаются на парах у декана, но тот явно недодает им физической активности.

– Напомните-ка мне, какие формы огня вы используете? – широко шагая по коридору, уточнила я.

Группа, с трудом поспевающая следом, не иначе как отсутствие физических нагрузок сказывалось, загомонила.

– Горение, взрыв, молния, – обобщила я их хаотичные восклицания. – Плохо, студенты. Плохо! Как думаете, какая стихия сильнее?

– А вы какой пользуетесь?

Приостановилась и смирив мило улыбающегося паренька строгим взглядом:

– Молодой человек, я не настолько ограничена рамками любимого предмета и стихией, чтобы сознательно напяливать на глаза шоры и бить пяткой в грудь, утверждая, что все иное не достойно существования.

Молодой человек потупился, отстал, а после и вовсе затерялся в студенческой массе.

Довольный прогулкой ветерок кружил мои рыжие локоны. Со стороны это наверняка выглядело зловеще. Встреченный в коридоре профессор Хельмерг удивленно поднял брови, а аспирант, помогавший ему нести раздаточный материал, отступил за тщедушного старичка.

Вот что значит авторитет.

– Мне нужен доброволец! – заявила, входя в пустую аудиторию, где обычно проходила практика у стихийников. – Могу выбрать методом тыка в ближайшего, либо вы сами вытолкаете смельчака вперед.

Ох и прав был Къяри, группа у него непуганая. Добровольцев оказалось трое: девушка и парень, что вышли сами, и рыжеволосый парень, которого подставили друзья, сделав подножку и практически уронив к моим ногам.

Пожав плечами, я отогнала зрителей за черту, поставила щит и обернулась к добровольцам.

– Встаньте в позиции. На счет «три» атакуете, – предупредила ребят, отошла на десять метров и начала отсчет: – Один... Два... Приставучая канарейка!

Группа тихонько прыснула, добровольцы немного расслабились, а я вновь посчитала. На этот раз правильно.

– Три!

Парни ударили большими сгустками огня, а вот с пальцев девушки сорвалась молния.

Огонь поглотила воздушным щитом, молнию подхватил маленький смерч и банально заземлил.

– Еще раз! – скомандовала я и начала отсчет: – Один... Два... Три!

Первый парень и девушка, как и в первый раз, ударили сгустком пламени и молнией, но только посильнее, а вот третий доброволец, тот самый, кого вытолкали друзья, поступил немного хитрее. Он чуть отстал с атакой, рассчитывая, что я отвлекусь на отражение чужих ударов, и выпустил полосу огня прямо по полу.

Не мудрствуя лукаво, я просто взлетела. Говорят, что из воздуха соткана свобода человека. Та свобода, для которой нет никаких преград. Ведь воздух нельзя ограничить, нельзя поймать и придать ему форму. И зря болтают, потому что в пространстве возникла акула, сотканная из сотни маленьких ураганчиков. Существо отбило пущенную молнию хвостом, раззявило пасть и поймало брошенный студентами сгусток огня.

Развевая полупрозрачную акулу, сплошь состоящую из завихрений, я опустилась на пол и оглянулась на группу.

– А теперь я повторю свой вопрос. Какая стихия самая сильная?

– Воздух? – не слишком-то уверенно пролепетала сероглазая студентка.

Небеса, кого мне драконище подсунил в качестве студентов? Класс коррекции?

– Стихия вашего воображения!

– А-а-а... – понятно протянула группа, но я по глазам видела, что никакого там не «а-а-а».

Подумать только, а я еще своими охламонами недовольна была. Вот соберутся всем составом, обязательно устрою коллективные посиделки. Ну, там, командный дух, я верю в вас, ребята, и прочее бла-бла.

– Мы рождаемся с разными способностями, это факт, – пустилась я в объяснения. – У кого-то предрасположенность к стихии воды, земли или воздуха...

На этих словах ветерок шутливо пронесся вокруг недоумевающей тройки добровольцев, взлохматив волосы, дернув рубашки, взметнув юбку.

– Вы считаете себя магами огня и используете его в своих атаках. Так поступает подавляющее большинство. Исключительно из психологических соображений. – Я сделала паузу, обводя студентов взглядом. – Они думают об огне. О том, как он горит, взрывается или расчерчивает грозное небо. Они думают об огне, поэтому порождают огонь. А ведь среди процессов горения химических веществ бывают и исключения, когда вещество сгорает без пламени.

Я обернулась к рыжику, который пытался схитрить.

– Попробуй не думать о себе как об огромном огнемете на ножках. Не создавай сгустки или огненные лучи. Попробуй подключить воображение и раздвинуть рамки.

Парень поднял руки и нахмурился.

– Я все равно не понимаю, что должен сделать.

– Жар. Не все горит, но практически все способно нагреваться, – подсказала я. – Попробуй выплеснуть в пространство не огонь, а жар.

На лбу рыжика залегли глубокие борозды, он пыхтел, сосредоточенно пялился в пространство, но пока все, что удалось подогреть, – это его собственное тело, вспотевшее от усилий.

– Воображение... – мягко повторила я. – Могущественная сила, помогающая нам поверить в невозможное.

Девушка из числа добровольцев подняла руки. Она ничего не говорила, не призывала

молний, но в зале стало ощутимо теплее. Девушка уронила руку, и ее лицо озарилось восторгом первооткрывателя. Рыжик проворчал что-то себе под нос и вновь встал в стойку. Второй парень к нему присоединился. Студенты, оставленные за щитами, начали перешептываться, и постепенно шепот перешел в настойчивые требования попробовать свои силы.

Я усмехнулась.

Эх, Кьяри, вроде бы умный дракон, а такие глупости порой совершаешь.

До конца пары мы тренировались выплескивать жар и перемещать его в пространстве. Загадка, но перемещения из стороны в сторону дались студентам куда проще, чем перемещение вперед-назад и совсем уж худо обстояло с вверх-вниз.

Потом я вспомнила, что цвет пламени тоже может быть разным. Например, огонь от костра или свечи, в котором присутствует значительная доля углекислого газа, горит оранжевым цветом, относительно чистый от углерода – красным, самый чистый – голубым. И вот тогда-то практикум заиграл красками.

Как говорится, век живи, век что-то новенькое узнавай!

– А вы еще к нам придете? – с надеждой во взгляде спросил рыжик, когда пара подошла к концу.

– Посмотрим... – буркнула я.

Если разгневанный драконище не прибьет меня лапой или не раскатает в блин хвостом, то обязательно приду. В конце концов, педагог я или кто?

Но как бы я ни храбрилась, идти на кафедру Темных искусств во время перемены поостереглась. Кто знает, что может случиться. Посланный на разведку ветерок заглянул в аудиторию, где уже раскладывали конспекты студенты, покружил вокруг великанской фигуры Эрга Гая Кьяри, вырисовывающего какую-то замысловатую формулу на доске, и поспешил отчитаться передо мной.

С облегчением выдохнув, я толкнула дверь на кафедру и только теперь осознала, что не с той стороны беды ждала.

– Доброе утро, госпожа Браун.

Розмари Гаррис поднялась из-за стола, где обычно сидел Эрг, и изобразила улыбку. Это был первый случай на моей памяти, когда простая вежливость причиняла человеку физическую боль.

Что ж, природная чуйка на неприятности не подвела – это отрадно. Правда, вектором ошиблась, ну да пустяки. С кем не бывает.

Я уверенно прикрыла за собой дверь и на всякий случай огляделась.

– Второй раунд? – уточнила, демонстративно хрустя костяшками.

Госпожа Гаррис вздохнула и опустила глаза.

– Я пришла, чтобы извиниться, – заявила бывшая пассия декана. – Ректор разрешил переговорить с вами, Эмиль помог незаметно пройти. Эрг запретил мне приближаться к вашей паре, поэтому я очень рассчитываю, что этот разговор останется сугубо между нами.

Поживем – узнаем.

– Должна признать, что никогда не умела влюбляться в правильных мужчин. Мое сердце долгое время было разбито неудачным браком и не менее неудачными романами. Когда мы познакомились с Эргом, он спросил, готова ли я отдать за него жизнь. Я не колебалась. Кто же знал, что все окончится так.

Чуть подрагивающими руками Розмари отцепила брошь от блузки, положила на стол и быстро погладила подушечками пальцев.

- Эрг подарил мне ее, когда я приняла условия и согласилась стать матерью его детей.

- Она чудовищно как хороша.

Розмари тихонько рассмеялась.

- Она ужасна!

Впрочем, ее улыбка тотчас погасла.

- У Эрга отвратительный вкус на украшения, - заметила она. - Мой совет, не отпускай его одного в ювелирные лавки. Да, и еще. Никогда не разрешай ему выбирать подарки для ваших родственников и друзей. Он купит очередной дорогуший ремень, а потом будет страдать из-за того, что придется расстаться с сокровищем.

А-а-а... Так вот откуда такая внушительная коллекция!

- И по возможности старайся избегать зоопарков и магазинчиков с модельками кораблей, - быстро перечислила брюнетка, нервно теребя полы пиджака.

Костюм кремового цвета делал ее полноватую фигуру соблазнительной. Темные волосы, уложенные в тугий узел, добавляли солидности, а жемчужные серьги в ушах - статуса. Розмари выглядела как женщина, у которой есть собственная яхта, в то время как на мне был испачканный мелом свитер с котиком.

Да, у дракона ужасный вкус, раз он выбрал меня.

- Розмари, почему?

Брюнетка вопросительно приподняла брови.

- Почему ты не борешься за Эрга? Почему так быстро сдалась?

- Видишь ли, в чем дело... - Она тоже перешла на более неформальное обращение. - Существует огромная разница между «ты готова умереть, рожая мне сына» и «я не готов жертвовать твоей жизнью даже ради нашего сына». Он выбрал тебя. И возможно, это первый выбор, продиктованный сердцем, а не головой.

Теперь я взглянула на Розмари другими глазами.

Госпожа Гаррис оказалась гораздо умнее, чем позволяла себе демонстрировать. Хотя... А почему меня это так удивляет? Эрг Гай Кьяри не стал бы выбирать на роль матери для своего будущего чадушки деревенскую бабу. Глупышки не в его вкусе.

- В любом случае я хочу принести извинения за все те слова, что сказала под проклятием. Это было невежливо и продиктовано злобой. Мне искренне жаль.

И я даже поверила. На секундочку.

Розмари распрямила плечи, обошла стол и встала напротив.

- Быть может, когда-нибудь я наберусь сил и пожелаю вашей паре счастья, а пока... - Ее голос дрогнул. - Береги его. Ладно?

Дождавшись моего кивка, Розмари тихонько шмыгнула носом и выскочила в коридор.

Кто-нибудь, объясните, почему я чувствую себя распоследней гарпией, недостойной такого чудесного мужчины, как Эрг Гай Кьяри?

Глава 5

Новые подсказки, старые враги

– В столовую пойдем?

Голос Эрга вывел из задумчивого чтения старенькой летописи.

Пылинки медленно кружили над тысячей книг. Отбрасывая чуть желтоватый свет, едва слышно гудели лампы. Помещение тихонько баюкало на полках сотни загадок и открытий.

Я неохотно подняла голову, нашла взглядом пришедшего навестить меня в библиотеке декана и, потягиваясь, уточнила:

– А что на ужин?

– Судя по воплям, кризис среднего возраста, – хмыкнул тот, обходя и пристраивая накачанный зад, обтянутый черными брюками, на краешке стола.

Откинувшись на спинку стула, окинула собеседника взглядом и подняла бровь.

– И кто виноват, что повара озверели?

– Ты виновата. – Дракон был непреклонен.

– Ах да! – Я всплеснула руками. – Совсем забыла, что в этих стенах я всегда крайняя.

– А еще Память народа... – пожурил Эрг.

Естественно, виноватой была не я.

Виноваты были трое студентов из группы декана, которые после столь удачного практикума с гарпией решили попрактиковаться. Тайно, блин! И ладно бы делали это в одной из аудиторий, так нет же. Они выбрали самое опасное, мрачное и загадочное место во всей Академии. Они выбрали столовую.

Нет, я их даже не виню. Мысль использовать в качестве тренажера жароустойчивые, магически укрепленные печи, чтобы понять, как поднимать и опускать температуру выплескиваемого жара, казалась здоровой. Кто же знал, что все три печи, закаленные суровыми буднями, окажутся не готовы к приближению трех студентов?

Итог: кухня вот уже во второй раз за последнюю пару дней взлетела на воздух. Повара пребывали в ярости, студенты на глазах седали, ректор был подобен легендарному Громовержцу, Кьяри... Гад чешуйчатый ухмылялся.

Не знаю как, но он все заранее спланировал!

Как еще в его кармане оказался договор на поставку нового спецоборудования, причем не абы с кем, а с одним из самых популярных магов-техников Шалиссии?

Узнав о контракте с САМИМ Иваром Боршем, повара на радостях обнялись. Услышав сумму, ректор Белозерский икнул и попросил успокоительного. Узнав о том, что из-за проделки виновников вся группа магов огня будет отбывать наказание на кухне, проверяя безопасность и огнеупорность новой техники, студенты прониклись внезапной любовью к декану кафедры Темных искусств.

Сам Эрг Гай Кьяри прокомментировал это решение крайне уклончиво:

– У меня три группы магов, освоивших новые возможности огненной стихии. И потом, кто-то же должен хоть раз сдать технику по гарантии.

Пока драконище решал проблемы, я рылась в книгах, рассчитывая найти новые подсказки. Кто наш таинственный недоброжелатель? Как он сумел прожить так долго? Почему решил прибрать власть на материке к своим рукам? К чему теневая политика стравливания врагов, если он мог уже давно назваться королем, императором, царьком?

И чем конкретно я не пришлась ему по душе?

В попытках ответить хотя бы на один из тревожащих меня вопросов я обложилась трактатами и скрупулезно выписывала все хоть сколько-нибудь подозрительные события, случившиеся в мировой политике за последние несколько сотен лет.

– Как тебе предложение устроить своим желудкам свидание с настоящей едой?

– Заманчиво, но...

Удивительно, но в кои-то веки мне не хотелось покидать застенки Академии.

Библиотека была сердцем этого места, что бы там ни думал по этому поводу Галактион Белозерский. Каждый ступивший за порог сокровищницы знаний становился чистым листом, ждущим, когда его заполнят красками новых открытий.

И я не могла ослушаться этого зова.

– Но? – поторопил Кьяри.

– Мне нужно кое-что доделать.

– Чем помочь? – с готовностью откликнулся дракон, получил целый список литературы и ушел бродить между стеллажей в поисках нужных мне источников.

Я же придвинула блокнот, открыла на чистой странице и принялась составлять список всех рас долгожителей. К тому моменту как Эрг принес первую стопку, список закончился, и я начертила вторую колонку, куда записывала заклęcia, ритуалы и магические аномалии, продлевающие жизнь. На момент возникновения Кьяри с третьей стопкой в руках я уже закончила и теперь сосредоточенно хмурилась, сравнивая списки.

– Так! – Я выдернула три книги из стопки и вернула Эргу. – Вот это вот убери поскорее.

– Что не так?

– У меня аллергия на этого автора.

– Такого не бывает.

– Апчхи! – сказала с угрозой во взгляде.

– Хорошо, поверю на слово.

Эрг ушел и вернулся, а я продолжала гипнотизировать списки.

В последние несколько сотен лет наш материк сотрясало множество завоевательных походов, экспансий, политических коллабораций и мелких войн. После всех этих пертурбаций территория оказалась разделена на пятнадцать густонаселенных плевок. Самыми крупными из них по праву считались восемь: Бретония, Империя свободных городов, островная группа, куда мы летали на свадьбу Белозерского-младшего, холодные и непроходимые для всех, кроме ледяных демонов, пики Альмедис, темпераментная Шалиссия, родина всех зверолюдов – Алькет и плато Разлук с его новым вожаком.

Не удивлюсь, узнав, что наш противник повлиял на нынешнее политическое устройство материка и теперь готовился к очередному злодейскому ходу.

Не за горами серьезные разборки, и мы с драконом на низком старте.

Со стороны вышеупомянутого раздалось какое-то сдавленное бульканье.

– Не умирай от голода, я сейчас закончу, – пообещала.

– Марси!

Меня вместе со стулом развернули лицом к собеседнику. Я-то не возражала, а вот стул выразил протест громким скрежетом ножек о половицы.

– Посмотри, – велел взволнованный Эрг Гай Кьяри, впихивая мне в руки потрепанную с углов книжицу. – Это же «Все тайны под одной обложкой».

Я скептически глянула на «Все тайны». Судя по относительной худобе рекомендуемой драконом брошюры, претендовать на ВСЕ тайны, да еще под одной обложкой, книжица не могла.

– Это сборник магических загадок, опубликованный что-то около восьмидесяти лет назад. – Драконище любовно коснулся вытертого корешка. – Небольшой тираж разошелся со скоростью столичных сплетен. В газетах даже писали о случаях кражи со взломом ради этой вещицы.

Пару секунд я просто молча смотрела на взволнованного находкой Эрга, а потом меланхолично выдала:

– Вау!

– Что? – обиделся декан кафедры Темных искусств. – Не только ты интересуешься всяким древним хламом.

Это он на себя сейчас намекает?

Увы, но съязвить на эту тему не удалось, в библиотеку с радостным шепотом «Госпожа Браун!» влетел Олаф. Озаряя обитель знаний умопомрачительно широкой улыбкой, парень юркнул между стеллажей, но по пути задел лесенку, облегчающую поиск томиков, спрятанных на самом верху. Лесенка звучно грохнулась, Олаф удостоился более десятка возмущенных взглядов от зрителей. Извинившись, парень наклонился, чтобы поднять стремянку, задел пятой точкой стеллаж, тот покачнулся и обрушил на темечко студента кару в виде подшивки журнала «Столичный сплетник» за прошлый год.

Кьяри недовольно покосился в мою сторону. Я развела руками.

А что тут скажешь?

Типичный Олаф.

– Госпожа Браун! – Парень двумя руками подхватил журналы и прижал к груди, а мыском поддел лестницу. – Мы вернулись! – воскликнуло это чудо, балансируя на одной ноге.

О да... Меня сейчас разорвет на кучу маленьких Марсий от накатившего счастья.

Следом за Олафом в библиотеку ввалились остальные члены группы, возглавляемые новоприбывшими Гамодом, Камалем, Жетон и Кьяри-младшеньким.

И, глядя в их счастливые, чуть покрасневшие от быстрого бега лица, я отчетливо поняла – быть беде.

– Марси, – тихо позвал дракон, – давай я тебе новую группу дам.

– С чего бы это? – почувала подвох.

– Ну... Я больше на тебя не злюсь, и смысла мстить вроде как больше нет.

На краткий миг меня покинул дар речи, а после звучно высказаться не дала окружившая нас толпа охламонов. Вот они, мои тринадцать красавиц и красавчиков. Стоят, галдят, нервнируют.

Ладно бы только меня. Между книжных рядов двигался Таврон. Сгорбленный старичок-библиотекарь выразительно кривил морщинистое лицо, выражая неодобрение. Эх, совсем забыла уточнить у него, как проходит процесс реставрации старинных фолиантов, а то давненько мои титулованные ученики не звенели кошельками в пользу престарелых полкожителей.

– Госпожа Браун! – широко улыбался Ронни, игнорируя сидящего рядом Эрга, и веско повторил: – А мы вернулись.

Прозвучало как угроза.

Я быстро сунула списки в карман и встала. Таврон приближался с неумолимостью сессии. К нему присоединилась еще парочка библиотекарей, а из-за соседнего стеллажа выглянул потревоженный шумом профессор Хельмерг.

В довершение и без того отнюдь не радужной картинке от входа в хранилище знаний разнеслось грозное рычание:

– Гр-р-р... ар-р-рпия!

Ну здрасте, товарищ каннис. Вы-то чего на меня оскалились?

Глава 6

Истина не в споре

В мире есть два типа людей: те, кто бежит, и те, кто борется.

А есть я – Марсия Браун, любите и не жалуйтесь.

Как истинная гарпия, я случайным образом взломала природную систему и начала... хохотать!

Просто вид разъяренного Эмиля Фаркаса не вызывал иной реакции.

Судите сами: наспех накинутая рубашка, криво застегнутая и с одного края вылезшая из брюк, последние, кстати, облиты чем-то белым (не то сметана, не то йогурт), на ногах тапки – розовые, пушистые и явно женские. И вишенка этого образа – мокрые и оттого еще более яркие волосы цвета бирюзы!

Не в силах стоять ровно от сотрясающего внутренности хохота, я схватилась за живот и согнулась. Охламоны столь откровенной демонстрации веселья себе не позволили и хихикали в сторонке, пряча слезящиеся от смеха глаза. Таврон притормозил и недоуменно оглядывал новоприбывшего, решая, что сделать в первую очередь – потребовать библиотечный формуляр или выгнать нарушителя спокойствия вон.

– Эмиль, вы решили сменить образ? – с неприкрытой насмешкой спросил Эрг Гай Кьяри, оглядывая преподавателя своей кафедры. – Кардинально, но вам идет.

– Это все она! – грозно рявкнул мужчина, непочтительно ткнув в мою сторону. – Твар-р-рь!

Одежда на оборотне грустно затрещала швами, по лицу и телу мужчины прошла рябь, и мне бы испугаться, но нет. Я выпрямилась, с интересом наблюдая за процессом перевоплощения, а стоящие за спиной охламоны взвыли от смеха.

Оборотень переступил через упавшую одежду, вытаращился на бирюзовые лапы и медленно, с нескрываемым ужасом во взгляде обернулся, чтобы посмотреть на шерсть по бокам. Шерсть осталась. Густая, лощеная и тоже восхитительно бирюзовая!

– Нет! – прохрипел каннис, крутясь на месте, словно игривый щенок в попытке поймать собственный хвост. – Нет!!!

Кто-то из охламонов повалился на стеллаж и сбил стоящие сверху книги, но пораженные видом бирюзового канниса библиотекари даже не оглянулись. Единственным, кто в этом дурдоме хранил относительное спокойствие, казался декан кафедры Темных искусств. И что-то подсказывало – вот он, виновник нашей коллективной истерики и вопиюще яркого окраса оборотня. Вероятно, это что-то подсказывало только мне, потому что озверевший Фаркас зарычал и бросился мстить.

– Это ты! Это все ты! – заявил оборотень, приземляясь на стол и сбивая лапами стопки с книгами.

– Проверишь, если скажу, что нет? – максимально спокойно уточнила я.

– Не вр-р-ри, гар-р-рпия! – пришел в бешенство каннис и кинулся.

Острые зубы метили в незащитное горло, пылающие жаждой убийства глаза обещали если не смерть, то длительные и мучительные страдания. Я взлетела, накрывая щитом себя и стеллажи библиотеки, ощутила спиной кинувшихся на помощь охламонов, но Эрг успел раньше. Кончик моего ботинка лишь едва задел нос летящего в прыжке канниса, когда неумолимая сила бицепсов перехватила бирюзового оборотня за хвост и дернула на себя.

Эмиль Фаркас взвизгнул, как небольшая семейка резаных свиней, и забился в медвежьих объятьях дракона.

Видели центральный фонтан дворцово-парковой части северной столицы Шалиссии? Ну

тот, где бесстрашный Самсон разрывает льва на части? Кажется, я знаю, с кого рисовали эскиз.

– Не смей обижать мою... – Вот тут драконище замешкался, припоминая, что афишировать отношения я запретила. – Короче, мою!

Великие небеса! Кто наградил Эрга таким косноязычием?

– Понял. Я понял, – униженно проскулил Фаркас.

Каннис выскочил из библиотеки, едва декан соизволил разжать объятья. Следом, опасаясь гнева библиотекарей, выскочили смеющиеся охламоны. Мы же с драконом предпочли вылететь через окно и немного побыть вдвоем.

– Твоих рук дело? – моментально накинута я с вопросами.

– Вообще-то я просто передарил намешанный тобою шампунь, так что бирюзовым Эмиль стал исключительно по твоей вине, – усмехнулся самый коварный из ящеров.

– Эрг! – возмутилась я, пихая его в бок, но что этой громадине мой тычок? Его шкуру даже грабли не взяли!

Мы немного покружили между причудливых башенок, устроились на пологий скат одной из крыш. И вот там-то я и призвала дракона к ответу.

– На какое число назначено заседание Совета?

Кьяри соорудил удивленное выражение. В исполнении дракона это выглядело как поднятые вверх надбровные дуги, максимально невинный взгляд желтых глаз с вертикальными щелочками и клыкастая полуулыбка.

– Ой, и не притворяйся! – Я пошире расставила ноги, уперла руки в бока и для большего веса расправила угольно-черные крылья с красным кантиком. – Драконище, да я в жизни не поверю, что Эрг Я-Гораздо-Умнее-Чем-Ты-Можешь-Обо-Мне-Подумать-Гарпия покрасит оборотня в бирюзовый из-за банальной жажды напакостить. Не-е-ет, – покачала головой, – тут какая-то более глубокая идея.

Ящер притворился глухонемым и невинным, но я не купилась.

– Думаю, что основная мысль твоего поступка заключалась в том, чтобы не допустить Фаркаса к соотечественникам. Он – племянник вожака, соответственно, может представлять интересы всей стаи на Совете. Зная его глубокую антипатию ко мне, рассчитывать на поддержку со стороны каннисов не приходится. Отсюда я делаю определенные выводы и уточняю – на какое число назначено заседание Совета?

– Через неделю. – Эрг избегал моего пристального взгляда и явно нервничал. – Через неделю они решат судьбу ар-теро.

Я посмотрела на седое от набежавших облаков небо, поцелованные снегом шпили башен Академии и безмятежно пожала плечами.

Что бы там ни нарешал Совет, хуже, чем есть, ар-теро уже не станет.

А на выходных ударили морозы.

То, что отопительная система Академии не справляется с поставленной перед ней задачей, я поняла по тому, как активно преподаватели и аспиранты потащили в свои кровати грелки. Грелки, жаждущие зачетов и послаблений, не возражали.

К счастью для меня, спящий Эрг был как печка. Мы окончательно и бесповоротно перебрались ко мне, потому что: а) берлога дракона была осквернена недолгим присутствием Розмари; б) никто не должен был знать, что прошлую кровать мы сломали, сражаясь за последний уцелевший пончик на блюде.

Каннис подстригся.

С тех пор никто его в волчьем обличье не видел, хотя науськанные мною студенты очень

старались довести препода до неконтролируемой трансформации. К слову, в детской энциклопедии «Кто есть кто» Эмиля Фаркаса следовало бы искать в разделе «мстительные твари».

Бирюзовый хвост шепнул кому надо, и через пару часов вся Академия гудела от новости, что «у гарпии шашни с драконом». Эрг икал, я ловила на себе тяжелые взгляды студенток, влюбленных в сурового декана, Ронни высказал ноту протеста.

– Я запрещаю вам встречаться! – заявил Кьяри-младшенький, врываясь в комнату дяди.

Мы в этот момент пытались реанимировать пострадавшую в результате продовольственной баталии кровать, поэтому младший был послан. Ронни вспыхнул, как благородный принц, на которого из окна плеснули помоями, и выскочил вон. После этого дракончик отлавливал меня каждую перемену и зачитывал аргументы против.

А на следующий день вернулась задержавшаяся в пути Кира.

– Приветствую, пытливые умы, – поздоровалась я, продолжая пользоваться окном даже несмотря на обрушившийся на улице холод. – Сегодня поговорим на тему...

На тему того, почему так тихо и враждебно.

Спасать меня в Фес кинулись Ронни, Жетон, Камаль, Гамод и Олаф. Только они знали о «предательстве» и имели причины неодобрительно коситься на сидящую за партой Киру, но почему-то вражду поддержали и другие студенты. Не все, конечно. Половина.

– Все ясно...

Я коварно улыбнулась и взялась восстанавливать покачнувшийся мир.

– Парни, время проверить готовность ваших мускулов, – заявила притихшим студентам и принялась распоряжаться: – Эти парты сдвигаем к стене. Первый ряд развернуть и поставить в линию. Красавицы, чего встали? Хватаем стулья и уносим в дальний конец. Олаф, только не убейся у меня на занятии. Знаешь, сколько бумажек придется заполнять? Вот и я не хочу знать. Гамод, не пыхти. Нет, магию не применяем. Ручками, работаем ручками. Греем мышцы.

Студенты двигали парты, гомонили, сталкивались и терзали барабанные перепонки оглушительным скрежетом.

– В темпе, друзья. В темпе! – поторапливала я. – Освобождаем аудиторию.

Придерживаться учебного плана занятий, написанного исключительно для дракона, я не считала нужным. Зачем? Я сильна своей импровизацией. Благо опыт и знания позволяли находить актуальные на данный момент темы.

Быстро поделив студентов на две команды (сторонники Киры и ее оппозиция), начала вводить группу в ситуацию.

– Итак, охламоны. Сегодня у нас дебаты. Одна команда встает по эту сторону линии, вы, соответственно, с противоположной стороны.

Пока команды выстраивались, я взлетела на парту и зашагала по импровизированной линии.

– Представьте, что это – забор, разделяющий границы двух владений. Слева живет садовод, – крылом указала на команду Киры. – Садовод долгое время выращивает исключительные сорта яблок. Справа, – взмах второго крыла, – любитель тюльпанов.

– Госпожа Браун! – возмутился Ронни, назначенный капитаном.

– Спокойствие, Кьяри. Не принимай все близко к сердцу, – осадила я. – Тюльпанчики у вашей команды тоже эксклюзивные. Итак, оба соседа являются поставщиками, соответственно, их основной заработок связан с количеством полученного урожая и цветов.

Я дошла до края линии и обернулась.

– Командам надлежит решить возникший спор. Ветки яблонь садового нависли над клумбами любителя цветочков, и теперь яблоки, падая, ломают цветочные стебли. Кто из поставщиков должен уступить и понести неизбежный убыток? Задача ясна? Тогда приступаем к обсуждениям!

Великие небеса, как же они орали!

Не додумайся я еще в самом начале поставить на аудиторию глушилку, сюда бы уже сбежалась половина Академии с разгневанным ректором в первых рядах.

– Яблоки важнее! Их можно есть сырыми, запечь, сделать пирог, высушить, приготовить варенье...

– Тюльпаны имеют неоценимое культурное значение! Многочисленные артефакты, найденные на раскопках, свидетельствуют, что уже в третьем веке тюльпан стал главным символом зарождающейся Империи свободных городов...

– ...сидр, чай из цветов яблони, эстетическая красота, в конце-то концов!

– В Идории луковицы тюльпанов до сих пор считаются завидным приданым...

Большая часть группы спорила в рамках заложенной мною ситуации, но дракончик, зверолод и наша отличница Жетон закладывали в спор еще невысказанные Кире претензии. В ситуации игры девушка услышала много нового от друзей. Спокойный ледяной демон прошелся по садоводу, заявив, что «а яблочки-то с гнильцой в сердцевине».

Даже ветерок поддался общему ажиотажу и взволнованно кружил по аудитории, сопровождая особо удачные аргументы в пользу той или иной стороны маленьким вихрем из ручек и тетрадей, сваленных студентами на подоконниках.

– Какой смысл в тюльпанах?! Букетик стоит от силы пару дней!

– А яблоки портятся и гниют!

– Проще пересадить луковицы тюльпанов, чем губить яблоню!

– Проще вырастить еще одну яблоню, чем сохранить реликтовый вид тюльпанов!

– Яблоки!!!

– Тюльпаны!!!

– Хватит! – рявкнула я, потеряв всякое терпение.

Вспотевшие от криков команды умолкли, но буравить друг друга неприязненными взглядами не перестали.

– Охламоны, садовод и любитель тюльпанов не могут поспорить. Яблоки опадают осенью. Тюльпаны цветут весной.

Студенты уставились на меня, как на явившего чудо Всеедино. Потрясенные, ошарашенные лица говорили сами за себя. Я потеряла гудящие виски и припечатала:

– Головой надо думать, прежде чем глотку надрывать.

Хочется верить, что охламоны поняли.

Если где-то на материке и существует филиал ада, то он располагается в стенах здания министерства магического образования.

Судите сами, раньше подавляющая часть школ работала, опираясь на систему детско-родительских отношений. Учитель выступал не просто источником знаний, энциклопедией на ножках. Он был Наставником, значимым взрослым.

Сейчас же во многих классах становится нормой присутствие второго педагога или охранника, следящих за дисциплиной. Учителя утратили свой авторитет в детских

сердцах. Утратили способность поддерживать огонек интереса в глазах класса.

Мало кто знает, но повинны в этом дамы из министерства магического образования. Именно они являются первоосновой, уничтожающей мозги и души детей.

Все созданные ими программы плодят неуспешных учеников. Отличников, которые хорошо заучивают материал, но не способны думать головой. И если раньше учитель вел урок и оставлял тех, кто не понял, чтобы разобраться в материале, то теперь кумушки из министерства образования настаивают на том, чтобы большая часть информации оставалась для самостоятельного изучения. Зарплаты педагогов урезаются до состояния «дракон заплакал», вынуждая повышать материальную базу преподавателей за счет репетиторства.

Раньше педагоги отдавали сердце детям, а теперь дети отдают педагогам кошельки родителей.

Глава 7 Дети доведут любого

- Эрг... - хрипло шепнула я, умоляюще глядя на сидящего дракона.

Голос был сорван, но я не жалела ни об одном восторженном крике, родившемся в моей грудной клетке. Если за удовольствие надо платить, то я готова.

Мы не были новичками в этом деле и перепробовали многое. Тем интимнее стало открытие этой позы – сидя, обвив руками, лицом друг к другу, чтобы чувствовать не только собственный восторг, но и ловить его пламя в глазах партнера.

Дракон притянул меня ближе, с нажимом провел вдоль позвоночника горячими пальцами, заставляя трепетать и ерзать на его коленях.

- Проси, - неожиданно поднял в нем голову властный самец.

Сволочь.

Нет чтобы просто доставить девушке удовольствие. Все у него какие-то требования. Уловки. Откровенный шантаж.

Закусив губу, прижалась к его поистине огромной груди, смахнула с гладкой кожи капельки воды и коснулась губами подбородка.

- Пожа-а-алуйста!

Потерлась об него грудью, наслаждаясь зарождающимся где-то в глубине утробным драконьим рыком, и вновь посмотрела на Эрга. Пусть Кьяри и бахвалился своей сдержанностью и контролем, но темперамент в шортах не спрячешь.

Жесткий, нетерпеливый поцелуй. Долгожданный мощный толчок бедрами. Медленное скольжение. И мы срываемся в пучину.

Не в силах больше сдерживаться, я громко хохочу, высоко подняв руки. Горка делает плавный поворот, мы ныряем в трубу без света, и хохот переходит в радостный визг. Зигзаг, резкая петля, от которой замирают внутренности, переворот вниз головой и спуск на головокружительной скорости в потоке теплых брызг, свиста ветра и хохота Эрга.

Уже у самого бассейна сильные руки дракона выкидывают меня вверх, чтобы не замочить крылья, а сам дракон, сидящий на надувной подушке, врывается в воду, скользит и заваливает набок.

С улыбкой до ушей и гулко качающим адреналин сердцем я делаю несколько поворотов в воздухе. Да, в жизни бы не подумала, что получу такое удовольствие от аквапарка!

- Господин Кьяри!

У бортика бассейна переминался с ноги на ногу молодой парень в плотно облегающем спортивное тело костюме спасателя. На груди красовался раскинувший щупальца кракен – символ этого места.

- Господин Кьяри, руководство настоятельно просит вас призвать к порядку ваших студентов!

Дракон одним мощным гребком преодолевает половину бассейна, останавливается у бортика и ладонью протирает мокрое лицо.

- Кого-то уже съели?

- Нет... - Парень слегка опешил, однако не растерял остатков смелости. - Но Василий нервничает.

Я громко фыркнула, опустила на арендованный шезлонг и потянулась за полотенцами.

На самом деле Василий был дамой и должен был носить имя Василиса или еще что

позаковыристее, но моряки, выловившие раненого кашалотом кракена, под щупальца чудищу не заглядывали. По уму Васю должны были утыкать гарпунами аки морского ежа, хотя бы из суеверного страха перед глубоководными монстрами, но раненого головонога спасла случайность.

Капитан взял в плавание своего сынишку, и тот так сильно наклонился, что выпал за борт. Переполошившиеся моряки кинули все три спасательных круга, имевшихся на борту. Один из них потерялся в океане, второй был пойман перепуганным мальчишкой, ну а третий... Третий плюхнулся на голову кракена и чрезвычайно его заинтересовал.

И вот любая девочка сразу бы признала в морском чудище родственную душу. Ведь только девочки способны примерять подаренные колечки на все пальчики, в нашем случае щупальца.

Увы, но суеверным морякам, не бравшим на борт дам, подсказать оказалось некому, а потому команда решила, что «ужас морей» жонглирует спасательным кругом.

Тут же нашелся некий делец, который пожелал купить Васю для шоу. Кракена выловили, подлечили и поместили в специальный вольер.

Вот так «ужас морей» превратился в артиста и начал давать представление каждые выходные с десяти до одиннадцати, поражая публику ужасающей наружностью и простыми трюками с обручами, мячами и ревом под музыку. У администрации этот вой почему-то песней зовется.

Мальчик, что выпал за борт в начале истории, остался при монстре в качестве дрессировщика и создал главный номер программы – голова в пасти кракена.

В дни, когда представлений не было, публике предлагалось прокатиться на головокружительных горках построенного рядом аквапарка, чем мы, собственно, с Эргом и занимались, в то время как моя и его группы знакомились с морской фауной...

– Господин Кьяри, я вас очень прошу! Сделайте что-нибудь!

К бассейну, оскальзываясь на мокром кафеле, подбежал юный дрессировщик.

– Они поранят Васю!

– Госпожа гарпия, – позвал декан кафедры Темных искусств. – Как насчет того, чтобы сходить и проверить наши группы?

– Спасибо, но что-то не очень хочется.

Я взмахнула крыльями, отряхивая от капелек черные перья с алым кантиком по краю. Ветерок заботливо покрутился рядом, сдувая остатки влаги. Аквапарк сотряс вопль ужаса, исторгнутый глоткой кракена. С криком «Васенька!» дрессировщик кинулся на выручку любимцу, молодой спасатель выразительно кашлянул.

– Я ходил в прошлый раз, – напомнил Эрг, переворачиваясь на спину и отталкиваясь от стенки бортика.

Проследив за тем, как драконище ныряет и рыбкой уходит на дно – вот и не скажешь, что маг огня, – махнула на него рукой и смирилась с неизбежным.

– Ну-с, и где тут у вас чудища обитают?

Судя по выражению, мелькнувшему на лице спасателя, чудище он видел прямо перед собой, но благоразумно не стал ничего говорить, развернулся и повел в соседний зал.

Повязав поверх купальника полотенце, которые выдавали всем посетителям, полетела следом. За спиной шумно плескался декан, впереди орала, точно потерпевшая, Вася и перекрикивались студенты. Бассейн из прозрачного стекла, окруженный рядами синих гладких скамеек, поражал своими размерами.

«Кракен Василий, – гласила табличка, больше похожая на гранитную плиту. – Общая длина – 10 метров. Длина мантии – 4 метра. Вес – 500 кг».

А я смотрю, неплохо кормят местных артистов. Всяко лучше, чем преподавателей и студентов Академии. Может, пора писать резюме?

- Вот. Видите?! - зло выдохнул мой сопровождающий, ткнув пальцем в сторону бассейна.

Полагаю, полностью фраза звучала так: «Вот что творят ваши студенты, пока вы развлекаетесь на горках. Видите, до чего они довели наше золотце?!»

Каюсь, когда мы с Эргом придумывали этот совместный практикум двух групп, то не учли чувства кракена.

- У-ау! - надрывалась Вася, не зная, куда плыть и где спастись.

Группа магов прикрывала мою группу, ныряющую в бассейне, на дне которого предположительно лежала раковина с автоматом по экзамену. Ключевое в этой фразе - предположительно! Ибо инициатива принадлежала Эргу. Лично я разбрасываться не планировала.

- Пошел! Пошел! - командовал знакомый по прошлому практикуму с огневиками Рыжик.

Камаль плюхнулся, подняв фонтан брызг, нырнул. Вася истошно взвизгнула - видать, ледяной демон не удержал силу и подморозил бедняжке щупальца. Еще трое кружили над беспомощным перед атаками студентов кракеном, отвлекая внимание.

У противоположного края бассейна громоздился, возможно, самый большой ксилофон в мире. На моей памяти так точно. Вооружившись колотушкой, Олаф колошматил по несчастному музыкальному инструменту так, словно выколачивал из него всю дурь.

- Олаф, прекрати издеваться над нашими ушами! - орала раскрасневшаяся от гнева Кира.

- Это отпугивает кракена!

- Ни хрена оно не отпугивает! - рявкнула девушка, присаживаясь, чтобы уклониться от щупалец разбуянившегося головоногого.

А потом они заметили меня.

- Госпожа Браун! - потряс воздух дружный вопль.

Даже Вася повернулась. Я вам клянусь, существо тянуло ко мне передние щупальца, моля о помощи. Ее морда являла собой живое воплощение муки. И вы бы видели эти глаза! Бездонные провалы, полные страдания. Если бы я сейчас пообещала, что мы свалим, если она хорошо попросит, то кракен заговорила бы.

- Как успехи? - поспешила я вмешаться, пока чудеса перкуссии Олафа не довели присутствующих до частичной потери слуха.

Студенты загомонили, Вася жалобно взывала, сотрудники экзотического океанариума зычно выругались.

- Мы не можем задерживать дыхание так долго, чтобы нырнуть и достать раковину! Вода - не моя стихия! - расслышала я чье-то ворчание.

- Не моя стихия... - задумчиво повторила, найдя взглядом ворчуна. - Если оторвать собаку от земли, она перестанет лаять и в страхе подожмет хвост. Если лишить мага привычной стихии, он уподобится собаке?

Группы молчали: мои искали в словах подвох, огневики переваривали смысл.

Да что ж им, как малым птенцам, все знания приходится отгрыгивать уже пережеванными!

Я взлетела и подняла руки, призывая ветер. Вода заколыхалась, начала выплескиваться. Под натиском призванного ветра воды расступились. Вася, словно монашка, с которой сорвали одежды, ойкнула и стыдливо прикрыла щупальцами все пятьсот килограммов, ранее спрятанных под покровом воды.

- Вы наделены уникальной силой и умением обуздать природную мощь. Но это ничто, если вы не способны использовать разум...

Заложив лихой вираж, союзник промчался к самому дну, выхватил ракушку и поднял.

- Охламоны, запомните, ваш разум послужит намного лучше любого оружия. - Ветерок вложил в мою ладонь раковину. - Собирайтесь, автоматы не для вас.

Развернувшись, я едва успела сделать пару взмахов крыльями, когда, сбив на пол и искупав до перышка, в спину ударила мощная струя воды.

Лежа на мокром кафеле, старательно отплевываясь, я поняла, что у Васеньки очень специфическое чувство юмора. О благодарности вообще молчу!

Но сейчас я даже не могу на нее злиться. Ведь в итоге Васькина шутка спасла мне жизнь.

Глава 8

Грань жизни

После я долго пыталась понять, как же так вышло.

Остерегаясь лететь с мокрыми крыльями, я зашагала к раздевалкам. Опасаясь поскользнуться и приложиться чувствительным копчиком к неумолимо твердой поверхности, шла медленно, глядя под ноги. Еще и крылья раскинула для пущего баланса. Не рискуя отвлекаться, пропустила окрик Ронни, вызвавшегося помочь.

Не находите, что слишком многовато факторов, чтобы грешить на совпадения?

Потому что я все-таки поскользнулась. На самом сухом участке. М-да.

Вскрикнув от неожиданности, беспорядочно забила крыльями, замахала руками, дернулась телом вперед-назад, сделала по инерции шаг... и воздух за моей спиной вспыхнул.

Окажись я хоть на пару сантиметров ближе... Замри я хоть на секунду... И сотрудники смывали бы с пола ровный слой останков госпожи гарпии.

Мне повезло.

Нет, не с ловкостью и грацией.

Мне повезло с мужчиной.

Эрг оказался рядом, я даже понять ничего не успела. Откинув себе за спину, декан кафедры Темных искусств выставил щит и принял основной удар заклинания на себя. Я жалась к его могучей спине. Чувствовала, как твердеют каменеющие мышцы. Как прогибается выставленный щит.

Кто-то очень хорошо рассчитал силу удара, огрев меня спайкой из трех последовательных заклинаний. Первое оглушало и деморализовывало (и вот его-то я чудом и избежала), второе морозило внутренности до состояния смерзшегося мяса, третье разбивало ледяную глыбу.

Без шанса выжить.

– Эрг... – прошептала я, вливая в него собственный резерв.

Драconiще вздрогнул и едва уловимо кивнул, благодаря за помощь.

Заклинание медленно теснило двухметровую мощь Эрга со мной на прицепе, наши ноги скользили, как недавно скользили мы сами на горке аквапарка.

А потом в наш тандем влез Ронни.

– Какого хрена! – заорала я, испепеляя самоубийцу взглядом.

Кто б еще послушал.

Ронни Гай Къяри встал плечом к плечу с дядей, выставил руки, и укрепленный их совместной силой щит засветился глубоким карминно-розовым цветом. Меня обдало волной жара и отбросило в благословенно прохладные воды бассейна, где плескалась Вася.

Смертоносные щупальца обвили тело нежно, как руки матери. И это стало последним, что удалось удержать в фокусе сознания.

Драконы – это зло с хвостиком. Драконы – это непомерное эго. Драконы – это те еще гады.

В данную минуту я ненавидела Эрга Гая Къяри. Ненавидела за то, что он заставил меня пережить.

Стоя у изголовья кровати, я душила подступающие слезы и пыталась найти подходящие для прощания слова:

– Об ушедших принято говорить только хорошее или не говорить ничего. Но правда в том, что я не знала никого, кто бесил бы меня больше, чем Эрг Гай Кьяри. Никого, чья саркастическая ухмылка дарила бы столько трепета. Никого, чье безрассудство вызывало бы столько уважения. До Эрга я не знала никого, кто...

Окончить не смогла.

Медленно тикали часы в больничном коридоре. Шурша больничной формой, негромко переговаривались медсестры, проходящие по коридору. Воздух, пропитанный запахом лекарств, вибрировал от магии и задышался от скорби.

Я сжала кулаки, чтобы не показывать боль, прикрыла веки и, чувствуя, как дрожит голос, закончила:

– Друзья, не будем плакать. Это просто вечный сон... *Sit tibi terra levis*.

– Да не умираю я! – рявкнул самый глупый мужчина на свете и попытался приподняться, за что тотчас получил от меня по лбу.

– Ты мне тут еще поговори, – возмутилась я, толкая огромную тушу обратно на кровать.

Эрг закатил глаза, мысленно взывая к... вероятно, к побелке на потолке, и протяжно выдохнул.

Отражая атаку, он вновь расширил свой резерв через полное обнуление. Я уже знала, что чем чаще дракон использует этот способ, тем быстрее идет процесс Одичания, но не понимала масштабов. Когда Эрг залез ко мне в душ, татуировка была на боку, потом она покрывала уже всю левую руку от плеча до локтя и запустила широкие щупальца на грудь и живот, а сейчас под властью процесса оказались рука, левый бок, половина груди и лопатка.

Кьяри стал еще на шаг ближе к тому, чтобы потерять разум и превратиться в дикого ящера.

Всю жизнь я считала себя магом воздуха, но сейчас всерьез опасалась самовозгорания. Клянусь, если бы взглядом можно было поджигать, Эрг Гай Кьяри полыхал бы как чертов факел!

Когда Васенька заботливо выкинула меня из своего бассейна и я увидела двух самоуверенных драконов, валяющихся без сознания, то испытала весь спектр отнюдь не позитивных чувств.

Вот почему сейчас развлекалась тем, что со скорбным видом читала эпитафии, одна проникновеннее другой.

Драконище бесился.

– Не так я представлял себе благодарность за спасение, – буркнул вконец разобиженный Кьяри.

– Скажи спасибо, что не издох и лишил меня чести попинать твой холодный трупик!

Дракон сверкнул зелеными глазищами и смиренно вздохнул:

– Чудовище...

Огромная, как лопата, рука легла на мое бедро.

– Мое чудовище, – в голосе появилась улыбка.

– Твое-твое, – отпихивая наглухо ладонь, уже полезшую под больничную рубашку, согласилась я.

– Мое... – прорычал наглец, увлекая меня на больничную койку.

Я брыкалась, фыркала, дергалась, но когда дракон так просто сдавался?

Вообще, он как-то не так трактовал рекомендации лекаря «полный покой» и «постельный режим». Ворвавшись в палату медсестра склонна была со мной согласиться. Женщина устала на голую задницу декана Темных искусств, с видимым трудом увидела меня, подмятую огромным телом, и пошла пятнами.

Мне поспешно вернули больничную одежду и выставили вон, а медсестра осталась и продолжила чихвостить ухмыляющегося дракона. Немного поклонившись по коридорам больничного крыла, нарвалась на еще одно проклятие, уже из уст уборщицы, заглянула к Ронни.

В больничное крыло забрали всех троих: Эрг обнулился и нуждался в контролируемой подпитке и восстановлении, Ронни ударился головой при падении и получил сотрясение, я же просто намочила, но лекари не поверили в милосердие Василия и списали отсутствие боли на действие шока.

Кьяри-младшенький, потративший весь резерв, все еще спал, поэтому я вернулась к себе в палату.

Крохотный пятак личного пространства был завален цветами, открытками, фруктами «для поправки здоровья». В дальнем углу на треноге стоял погребальный венок. «От коллег. Покойся с миром», – намекали золотые буквы на черной ленте. Собственно, именно плохое чувство юмора подтолкнуло меня к мысли пойти и порепетировать эпитафии у изголовья кровати Эрга. И именно оно привлекло внимание главы агентства безопасности.

– Смотрю, коллектив от вас без ума, – усмехнулся Григорович.

– Привет. Чувствую себя отлично. Спасибо, что пропускаешь лишнюю болтологию.

Все это я выдала сплошной скороговоркой и плюхнулась на кровать.

– Есть новости?

– А как же! – Григорович присел рядом и принялся перечислять: – Скандальная, политическая, умная и романтическая... С какой начать?

Нет, ну хорошо хоть не интимные. Такая откровенность прикончит меня быстрее, чем неизвестный злоумышленник. Хотя надо отдать должное фантазии Григоровича, классификация вышла интересной.

– Среди них есть хорошие? – уточнила.

Оглядев палату вороватым взглядом, безопасник сцапал с тумбочки апельсиновое подношение, сделанное студентами, и вонзил ногти в кожуру.

– Это как посмотреть. – В воздух брызнул сок. – Скептик усомнится в моем ответе, пессимист выслушает и скажет, что все новости отвратительны, оптимист... – Меня смерили долгим взглядом. – Нет, к оптимистам тебя нельзя причислить. Скорее уж к пессимистично-скептическим язвам. Редкий вид. Гордись.

Я откинулась на подушку и выдала самую ехидную улыбку из арсенала.

– Григорович. Не томи.

Безопасник бросил на тумбочку длинную полоску апельсиновой кожуры, разломил фрукт и сунул сразу несколько долек в рот. Мой собственный непроизвольно наполнился слюной.

– Новость первая, скандальная! – Для пущего эффекта была сделана пауза. – Кое-кто из Совета спалился в Блуждающем ковчеге и готов на все, чтобы интимные подробности не вылезли наружу. Еще бы! Я не ханжа, но мне бы тоже не захотелось увидеть заголовки, где фигурируют ежи, пытки и обвязывание причиндалов бантами.

Я мотнула головой, отгоняя видение, навеянное фантазией.

– Значит, у нас плюс один голос в пользу ар-теро.

– Увы, но это был наш человек. Но не унывай. Пока рановато, – «обнадежил» безопасник. – Политическая новость: хорошо известный тебе Фаркас, племянник Альфы, по личным причинам отказался от участия в совещании Совета и уступил свое место некой Джейн Хобра. Мне хватило беглого взгляда, чтобы понять – дамочка неадекват. Там даже сам хозяин плато Разлук не всегда понимает, но...

– ...но отказать самке, даже самке, страдающей бешенством матки, каннис не в состоянии, – закончила очевидное.

– Верно мыслишь. – Григорович сунул остатки апельсина в рот и закончил с набитым ртом: – Умная новость: Корсаку удалось надежно укрыть большую часть отданных драконами схронов. Романтическая: эрешкиль так впечатлила ревность владыки, что она вновь начала флиртовать... с Дугласом. Золотой дракон в ярости. Мечет подарки и угрозы. Дилейра цветет и пахнет.

Я издала мученический стон.

Дилейра, ну что тебе стоило тихонько посидеть на месте? Почему обязательно корчить из себя сердцеедку? Ее вообще заботит судьба нашего народа или только мужики, греющие простыни?

Вот прилечу... все крылья пообломаю! Всем троим.

Ветерок, несколько истончившийся после атаки, трепал на ветру черные ленточки погребального венка. Григорович поглядывал на пакет с печеньем, опрометчиво забытый мною на тумбочке.

– Еще новости есть?

Собеседник задумался, сглотнул и отвел голодный взгляд от печенья.

– Точно! У меня же еще религиозные новости, – наконец просиял он. – ОБДСМ выступила в поддержку ар-теро.

У меня глаза на лоб полезли.

Что называется, дожили.

– БДСМ? – в горле встал комок.

– Ага, – беспечно улыбнулся Григорович и подмигнул. – ОБДСМ – Община Бесконечного Добра, Сострадания и Милосердия.

Ах, ну да... И как же я сразу не сообразила.

С языка уже готова была сорваться язвительная фразочка, когда из коридора донесся оглушительный грохот и крики перепуганного персонала.

Да вашу ж мать. Что еще стряслось!

Не сговариваясь, мы с Григоровичем плечом к плечу бросились на шум.

Глава 9

Отцы и дети

Это был первый случай в истории медицины, когда пациентов выгнали из больницы за драку.

Я обиженно пыхтела, игнорируя плетущегося за спиной Ронни с заплывшим после удара глазом. Не реагировала на показательные стоны Эрга, опирающегося на, скажем прямо, хиленькое плечо Григоровича.

Последний откровенно потешался над ситуацией и сверкал белозубой улыбкой, чем люто всех бесил!

Безумно хотелось треснуть кого-то. Но на обоих представителях семейства Кьяри живого места не осталось, а безопасник вроде как был ни при чем. Даже помог разнять эту парочку неуравновешенных драконов.

Ага. Сразу же, как перестал принимать ставки на победителя, так и помог.

Уйти порталом самостоятельно мы не смогли – Эрг обнулился. Общественный перемещатель уже не работал, а воспользоваться дежурным порталом агентства безопасности не вышло. Со слов его главы, сотрудники куда-то не туда нажали, пришедший для ремонта маг-техник куда-то не туда стукнул, а сам Григорович не в том месте попинал забарахлившую технику. В результате та обиделась, полыхнула искрами короткого замыкания и перестала реагировать.

Вот и приходилось искать местечко, где можно перекантоваться.

– Простите, но нет, – вежливо улынулась администратор гостиницы.

Уже третьей по счету гостиницы, куда мы просились на ночлег и где нам немилосердно, с безукоризненно вежливой улыбкой отказывали. Видите ли, приличные заведения не оставляют под своими крышами существ с метками заключенных на аурах.

– Так я ее конвоир! – подал голос Кьяри.

Девушка слегка высунулась из-за стойки, где встречала гостей и клиентов. Ее взгляд смерил великанскую и, увы, изрядно побитую фигуру дракона, после чего она пожала плечами.

– Так я смотрю, вы не справляетесь.

Крыть было нечем.

Мы вывалились на свежий воздух и побрели дальше.

– Позвольте мне, – предложил Григорович, прислоняя обессиленного декана кафедры Темных искусств к стеночке.

Распрямив плечи и проверив бумажник, безопасник включил обаяние на полную и нырнул в холл четвертой гостиницы.

Я злобно глянула на дядю с одноглазым племяшкой. Нет, лучше не смотреть, а то ведь прибью, точнее, добыю этих нарушителей спокойствия. Ей-богу, не драконы, а бойцовые петухи!

– Что?! Не могли потерпеть с разборками до Академии?!

Эрг с Ронни переглянулись.

– Не знаю, какая кошка пробежала между вами в этот раз, но с этим надо покончить, – припечатала я.

– Вы не понимаете...

Великие небеса! Как часто я слышу эту фразу.

– Да-да, я тебя не понимаю. – Ткнула пальцем в Эрга: – Он тебя не понимает. – Всплеснула руками и крыльями заодно. – Весь мир тебя не понимает. На конкурсе гологоломок ты с ходу взял первое место! – повысила голос. – Поэтому напряги речевой аппарат и объясни суть претензий!!!

Мальчишка скривился так, словно ему нахамили любимые тапочки.

– Он бросил меня.

– Пфф! Тоже мне причина для трагедии, – насмешливо усмехнулась и подалась вперед. – Да будет тебе известно, что брошенных детей можно встретить и в полных семьях.

– Да плевать я хотел на других! – перешел на крик мой подопечный.

– Злишься? – вопросительно приподняла брови.

– Да, госпожа Браун, я злюсь! – Он замахнулся и обрушил кулак в стену. – Я гребаный котел клокочущей злобы!!!

– Так рвани и выплесни уже все то дерьмо, что в тебе скопилось! – рывкнула я и подтолкнула: – На что ты злишься?!

– На отца, на дядю, на несправедливость! Вам-то что с этого?!

Паренек схватился за голову, попробовал отвернуться, замкнуться, но я поймала его за рукав и потребовала:

– Ронни, на что ты злишься?!

– Это нечестно! Нечестно, что я остался сиротой при живом родителе! Нечестно, что моему идиоту-папашке и его братцу все сошло с рук. Нечестно! Слышите?! Это нечестно!

С папашкой-идиотом, пожалуй, соглашусь, а вот в остальное не поверю.

– Ронни, мать твою, Дуглас Къяри! – Я была слишком зла, чтобы оставаться тактичной. – На что ты злишься?!

– На то, что всем плевать на меня! Я злюсь на себя. Я виню себя!

Он замер, словно случайно сорвавшаяся с губ правда потрясла его, как первобытные племена потрясала первая магия.

Ронни опустил голову и словно сдулся. Его трясло. Заплывший глаз, казалось, совсем исчез, оставив только узкую щелку и опухоль.

– Я никчемнее настолько, что драконы не почуяли во мне собрата. Не могу контролировать свои превращения, не могу пользоваться силой. Я ошибка. – Он зажмурился и мотнул головой. – Ошибка, которой не должно было быть. Ошибка, которая убила маму.

Эта боль нарывала в нем почти двадцать лет, а сейчас прорвалась, и полился гной. Отвратительный, неприглядный, несущий выздоровление.

– Я убил маму. А он убьет вас.

Мы с Эргом переглянулись.

– Ронни... – начала я, но тут, как назло, из дверей гостиницы выскочил злоющий Григорович.

– Вот спасибо. Удружили! Сложно было помолчать пять минут, пока я добуду для нас ключи от номера, и уже там выяснять отношения?

– Простите, – Ронни потупился.

– Ладно. Пошли. – Эрг с трудом отлип от стеночки, которую молчаливо подпирал все это время, и кивнул в сторону расцветенной огнями улицы. – Через два дома есть круглосуточная кафешка. Перекантуемся там.

В качестве апофеоза сегодняшней ночи через десять метров нас нагнал патруль, вызванный каким-то бдительным полуночником. Мы даже пикнуть не успели, как доблестная городская стража скрутила всех четверых и отвезла в участок.

Сказать, что Галактион Белозерский был зол, значит сравнить гигантского крокодила с пушистым зайкой. Стоило взъерошенному, сидящему, но по-прежнему бойкому ректору появиться в участке, как он обрушил свой гнев на первое, что под ногу подвернулось. Корзина для бумаг беззвучно улетела, выплюнув в качестве ответного знака негодования бумажное конфетти из пропущенных сквозь шредер черновики. Тут же, словно расставил на полу датчики чистоты, из подсобки материализовался уборщик и смерил господина Белозерского недобрым взглядом.

Увы, одержимый только одной жаждой – немедленно покарать нерадивых сотрудников, ректор Гоша безжалостно проигнорировал специалиста по уборке помещений с талантом пропадать, когда он так нужен.

Молодой бретонец, работавший в паре со скучающим за письменным столом каннисом, проводил многоуважаемого господина Белозерского через участок и подвел к общей камере, где кучковалась наша уставшая четверка. Эрг на правах захворавшего лежал на нижних нарах, я суетилась рядом, Григорович залез наверх, а Ронни, чей глаз окончательно заплыл, подпирал стеночку.

– Госпожа Браун, – обрушился на меня ректор, спасибо разделяющей нас решетке, за грудки не схватил, – потрудитесь объяснить...

Я?! А чего опять я?

– ...почему сперва ваша группа, отправленная на практикум в океанариум, я подчеркиваю, в ОКЕАНАРИУМ, – он потряс указательным пальцем, усиливая сказанное, – возвращается с криками «Гады-сволочи-убили!» Декан и один из лучших учеников третьего курса попадают в больницу с магическим истощением, а после меня поднимают с кровати новостью, что небезызвестные подрались в больничном крыле и были пойманы ночной стражей правопорядка...

Ректор осекся, подался вперед и присмотрелся.

– Господин Григорович? – ахнул он, признав в безмятежно валяющемся на тюремных нарах главу агентства безопасности. – Вас-то за что?

– За то же самое, – грустно улыбнулся безопасник, как и все, полностью уязвимый перед суровой буквой закона. – Бродяжничество, посягательство на покой граждан, отсутствие документов.

Последнее огорчало Григоровича сильнее всего. Он, видите ли, попытался козырнуть своим званием и «решить вопрос миром», но не смог доказать высокое положение документально. Также выяснилось, что в камере безопасник оказался впервые, а вот драконище уже успел посидеть в «темнице сырой». Нет, он ни в чем не признался, это ж Кьяри, но я-то не слепая. Не заметить нацарапанную на стене когтем фразу «Здесь был Эрг» мог бы только безнадежно близорукий.

А ректор все не унимался.

– Ладно эти, – Галактион покосился в сторону побитой семейки Кьяри, – но вы! Вы-то... Марсия, вы!

На этом красноречие ректора Академии Светлых и Темных искусств оставило. Начальник сгорбил, плотнее запахнул пальто, пряча верх от пижамы, и прибежал к методу красноречивой тишины. Метод заключался в том, чтобы смотреть на провинившегося с видом всезнающего божества и молча звать к совести негодника. На студентах это работало безотказно, на преподавателях – через раз, главы агентств безопасности оказались нечувствительны к воспитательным уловкам.

- П-п-простите, - взмолился Ронни. - Ректор, пожалуйста, простите.

Белозерский стрельнул глазами по оставшимся нарушителям спокойствия, но наша тройка лишь невинно улыбалась и хлопала глазками.

Меня откровенно потряс размер штрафа за нарушение тишины в ночное время. При наличии таких поборов город уже давно должен получить звание самого тихого, а казна - трещать по швам от распираемых выплат.

- Сколько-сколько?! - выпалила я, и молодой бретонец охотно повторил. В третий, а потом и в четвертый раз.

Увы, сумма не менялась.

Денег, естественно, ни у кого не оказалось - у нас изъяли все содержимое карманов, включая бумажники и мои отмычки, спрятанные между маховыми перьями крыльев, а разбуженный среди ночи ректор так спешил, так спешил...

- Вычту из зарплаты! - пригрозил ректор, отправляясь за ссудой в ближайший банк.

Я пожала плечами - мне зарплату Академия не платила, Григорович просиял - его денежки через министерство магического образования не проходили, одноглазый Ронни виновато покосился на дядю, страдавшего за всех. Эрг сунул руки в задние карманы - на минуточку, моих штанов - помял содержимое штанов и остался крайне доволен.

Возмущенная столь демонстративными посягательствами на свою пятую точку, я пискнула и отшатнулась. Ветерок, возмущенный не меньше моего, загудел и бросился на обидчика. Но стоило союзнику пролететь между металлических прутьев, как те издали громкий, быстрый щелчок, и раздался испуганный вой.

- Сержант Гри! - подскочил бретонец к своему напарнику.

Трансформировавшийся каннис тряс мордой и испуганно косил по сторонам - серый хвост поджат, уши двигаются, пытаюсь уловить неприятеля. Стоило бретонцу приблизиться, как оборотень шарахнулся в сторону, сбив один из столов и опрокинув вторую по счету корзину для бумаг.

Уборщик скрипнул зубами. Пальцы стража порядка сами собой потянулись к электрошокеру.

- Что с вами?

- Кофе. Слишком много кофе, - попытался вернуть себе самообладание оборотень, переступил лапами через куски формы и поспешил ретироваться.

А вот это интересно.

Все то время, пока вернувшийся с нужной для уплаты штрафа суммой ректор заполнял нужные бумаги, я старательно делала вид, что щупаю стальные прутья камеры исключительно из тактильного интереса. Кружащий рядом ветерок делал вид, что он просто сквозняк. Эрг Гай Кьяри делал вид, что не понимает, с чего вдруг на моих губах появилась предвкушающая скорое возмездие ухмылочка.

Ну держись, Эмиль Фаркас, шкура цвета бирюзы.

Уже в Академии, когда мы разбрелись по комнатам и легли, чтобы доспать оставшиеся от ночи три-четыре часа, я притянула к себе хмурого Эрга и потерлась носом о его подбородок.

- Все в порядке?

- Угу.

- Поговорить хочешь?

Эрг издал звук, более приличествующий несмазанной и основательно просевшей от невзгод двери, чем большому, сильному и внушительному дракону.

Я потянулась, прикусила зубами его нижнюю губу, мягко потянула и, прежде чем драконище несносный успел перевести все в область плотских утех, отстранилась и тихо шепнула:

– Я беспокоюсь. И мне важно знать, что с тобой происходит.

В ту же секунду сильные руки стиснули в объятьях – бедные-бедные мои ребра – и резко отпустили.

– Слова Ронни кое о чем напомнили... – Он вздохнул и уставился в потолок. – Управляющий нашим домом рассказывал, что отец с матерью очень любили друг друга. Отец считался сильнейшим из драконов смерти и мог спокойно контролировать нас с братом в утробе матери. Никто не сомневался в удачном исходе родов. Повитуха говорила, что Дуглас выскочил, как пробка из шампанского, а я... Я никогда не отличался сдержанностью. Оставшись в одиночестве, я запаниковал и вырвал свободу с помощью зубов, когтей и пламени.

– Ты был младенцем.

– Я был маленьким злобным куском мяса, разорвавшим свою мать.

Осторожно погладила его по щеке – бедный-бедный мой дракон, – но Эрг перехватил мою руку, словно верил, что не нуждается, а может, недостоин поддержки.

– За все эти годы отец не перемолвился со мной и тысячью слов. – От спокойствия и безразличия в его голосе по спине пошли мурашки. – Я знаю, каково Ронни. Знаю, что такое отчуждение семьи. Знаю, что такое смотреть в зеркало и ненавидеть себя. Знаю, каково быть одному.

Я быстрее молнии вскарабкалась на грудь Эрга, поймала взгляд и начала целовать. Без разбору: колючие от пробивающейся щетины щеки, упрямо сжатые губы, подбородок, нахмуренную переносицу...

– Теперь ты не одинок. Слышишь? Мы есть друг у друга.

Стискивая этого огромного, мужественного великана, я еще долго не могла успокоиться и уснуть, чутко прислушиваясь к сонному дыханию Къяри.

Надо же... люди разные. Проблемы те же.

Глава 10

Братские узы

– Господин ректор! – призывно проорала я, стуча в окошко.

Галактион Белозерский сидел боком и что-то торопливо строчил на гербовой бумаге Академии. При звуках моего голоса ручка выпала из сухоньких пальцев, а сам ректор закрыл лицо ладонями.

Мне кажется или он шепчет молитву?

Не-е-ет. Сомневаюсь, что где-то придумали воззвание к богам со словами «гребаная», «невыносимо» и «придушу».

А кто виноват, что в приемной вместо хорошенькой секретарши восседает горообразный монстр, знакомый только с фразой «Велено не пущать»? Давно бы заменил на глупенькую блондинку, падкую на конфеты и комплименты, чтобы порядочным преподавателям не приходилось штурмовать окна.

– Господин ректор, моя группа не станет участвовать в этом балагане! – безапелляционным тоном озвучила я основное требование.

Ослепительно-белый, омерзительно прекрасный и чудовищно недовольный дракон, зависший за моей спиной, сунул огромную голову к окну и тихонько рыкнул. Стекла тревожно зазвенели, на ректорский стол посыпалась побелка, Белозерский вцепился в ручки мелко подрагивающего кресла.

Молодец, Эрг! Пусть ректор знает, что мы негодуем. Причем сильно.

Но доведенный до ручки начальник не проникся демонстрацией нашей несокрушимой мощи. Он вскочил со своего места, дернул шпингалет и распахнул окошко.

– Господа, а вам знакома концепция мести? – проорал он, облокачиваясь на подоконник руками.

– При чем тут это? – нахмурилась я.

– При том, что никому не позволено портить репутацию Академии! Особенно ее преподавателям, я ясно выразился, Эрг?

Драconiще поднял голову и возмущенно взревел. Крыши разнокалиберных башенок дрогнули, сбросив немногочисленный снег.

– Но меня нельзя назначать ответственной за постановку на студенческую весну! – Я была близка к отчаянью. – У меня, между прочим, нет образования! Даже захудалых курсов!

– Зато вы первостатейная... – Тут он чутко замаялся. – Актриса!

– Но!..

– Это не обсуждается, госпожа Браун, – припечатал маг, ежась от порывов холодного ветра. – Студенческая весна – это многолетняя традиция, направленная на поддержку и развитие творчества наших подопечных, а также способ взять под контроль безудержную энергию молодости и направить в созидательное русло.

– Гр-р-р!

– Эрг, мне глубоко безразлично, что у тебя совершенно нет времени на организацию. В конце концов, ты у себя на кафедре начальник или кто? Делегируй, голубчик, делегируй.

– Но!..

– И даже не рассчитывайте увильнуть, госпожа Браун. В концерте участвуют все группы и преподаватели. Если я дам поблажку вам, то уже завтра в приемной выстроится

очередь из желающих соскочить с экспресса «Коллективное творческое дело», а я себе не враг.

– Гр-р-р!

– И не тыкай в меня должностными инструкциями, Эрг, – усмехнулся ректор, победно вскидывая голову. – Я уже издал приказ и вписал твою фамилию в графе «ответственный за мероприятие», так что ровно через три недели планирую насладиться увлекательным шоу.

Ну, Белозерский! Ну, погоди.

– На этом все, господа преподаватели! Советую поспешить, пока ваши более шустрые и стговорчивые коллеги не расхватали имеющийся реквизит и темы для выступлений.

С этими словами ректор захлопнул окно, щелкнул шпингалетом и дернул шторку. Плотная ткань оказалась капризной и не пережила варварского обращения. Край оборвался и повис, являя нам образ мрачного ректора со скрещенными на груди руками. Его правое веко мелко подрагивало, рот перекосило, а в глазах вспыхнула первобытная жажда убийства.

Лик крепкого как камень, но очень нервного ректора преследовал меня весь полет до аудитории. Эрг так вообще психанул от возложенных на его широкие плечи обязанностей и улетел проветриться. Меня же поджидали подозрительно притихшие охламоны.

– Доброе утро, госпожа Браун! – хором, словно специально репетировали, проорали они.

Я поморщилась.

Да уж... доброе! Я аж лучусь, так заряжена позитивом.

Что вообще может быть добрым в утре, если предварительно сумел поспать всего пару часов, а вместо чашки крепкого чая получил новость о предстоящем несчастье... тьфу ты!.. концерте.

Крыло даю, что изначально Белозерский не планировал привлекать нас с Эргом к студенческому творчеству, но походы в участок и выплаты грабительских штрафов еще никого не сделали счастливым.

А посему это все-таки месть.

Да-да, вот такая низкая и банальная.

И как вести лекцию, когда внутри включен режим берсеркера?

Медленно, стараясь не сорваться на невинных студентов (хотя когда это они были невинными?), я пересекла аудиторию, взялась за вытертую от многочисленных касаний ручку и... не скрывая kloкочущего внутри бешенства, хлопнула дверью.

– То есть вы уже знаете, – констатировала Жетон.

Я посмотрела на дверь, подавила порыв постучаться об нее лбом, сипло выдохнула и повернулась к аудитории.

– Ой, да подумаешь, студвесна! – попытался разрядить обстановку Гамод. – Пять минут позора, и можно спокойно забыть об этом провале.

Ветерок воинственно обрушился на зверолюда, отчего тот подавился собственными словами и закашлялся.

– Глупости не говори.

Под предлогом первой помощи от души похлопала паренька по спинке, отчего тот скривился, и пошла между рядами.

– Все любят победителей. Они пишут историю. Милуют или карают проигравших. Делят

богатства и славу, – четко, вкладывая власть и внутреннюю веру, начала я. – Никто не уважает неудачников, и все презирают трусов...

– О! – оживился Олаф, трясая вскинутой рукой. – Я знаю, я знаю! Спросите меня! Это речь полководца Симама Пламенного, вдохновившая войско имперцев перед битвой за освобождение столицы. Мужик – тот еще псих! Там дальше про то, как беспечен враг, если осмелился напасть, и еще парочка убойных фраз, как выпотрошат они неприятеля, умоются кровью и отрежут... гм, лишнее.

Да чтоб тебя! Научила на свою голову.

Студенты начали переглядываться.

– А мы разве с кем-то воюем? – осторожно уточнил Гагод со своей первой парты.

– Я думала, что студенческая весна – это дружеское соревнование между группами, – подала голос Аришечка.

– Ага, – издевательски прыснул один из дружков Киры. – Ты это боевикам скажи. Фаркас нанял настоящего сценариста, а за костюмами поедет в столицу.

Охламоны зашушукались, переваривая новость.

– Мы не станем участвовать в студенческой весне...

Казалось, студенты замолкают на полувздохе.

– Мы не станем участвовать в студенческой весне ради забавы, – продолжила я уже спокойнее. – Мне нечего сказать тем, кто, проиграв, безмятежно смеется. Мне ненавистна сама мысль о поражении. Если вы думаете иначе, то можете покинуть мою группу.

Развернулась и вернулась к доске.

– С теми, кто мыслит как победитель, мы придумаем нечто невероятное и утрем нос ректору, преподавателям и конкурентам в борьбе за первое место. Ну что, охламоны, – обернулась и подарила свою коронную улыбку, – как вам такая вдохновляющая речь?

Охламоны дружно загалдели.

В конце концов, мы что, не в состоянии придумать крутое и содержательное выступление?

Пфф! Да проще пареной репы.

Не-а, не проще.

Тринадцать студентов моей группы плюс Кира и тройка ее приятелей, итого семнадцать. Тогда почему ор в аудитории такой, будто эвакуировали весь детский сад?

– Ти-хо!!!

Угу, кто б еще услышал меня в этом гаме.

Пришлось действовать по старинке – лишать охламонов дара речи.

– Кто не заткнется, тот восемь раз придет ко мне на пересдачу!

Одна фраза, зато какой эффект.

Ветерок одобритительно вскружил мои с утра нечесанные рыжие локоны, таки доведя прическу до состояния вороньего гнезда. Хотя сейчас объявление давай: «Молодая гарпия без вредных привычек ищет квартирантов. Условия проживания: просторные апартаменты, отдельный вход, хозяйский чердак не подтекает. Дятлов и скворцов просьба не беспокоить».

За окном оглушительно громко прокаркала пролетающая мимо ворона.

– Встаем, убираем парты, разгребаем пространство для маневров и делимся на микрогруппы, – заявила я, от греха подальше захлопывая ставни, а то еще налетят на мою голову желающие.

Групп получилось четыре. Я выбрала лидеров-организаторов Ронни, Киру, Жетон и Камалю в качестве ядер и позволила набрать себе команды, а после развела группы по углам и дала десять минут на обсуждение. Сама бродила от одной группы к другой, следила за ходом обсуждения и одобрительно кивала. Через двадцать минут ажиотажа взмокшие от напряженной работы правых полушарий студенты расселись в круг, а лидеры команд представили на общий суд командные идеи.

Команда Ронни подошла к делу с позиции юмора и придумала несколько забавных сценок с участием преподавателей и случаев из студенческой жизни. Кира и Ко, первые на шалости и организацию вечеринок в стенах Академии, неожиданно для всех представили серьезную постановку «Безумство». Команда Камалю оказалась на диво музыкальной: Галочка предложила переделать слова студенческого гимна, и ребята за десять минут умудрились отхорестить и отамфибрахить три куплета. Умница Жетон поразила меня в самое сердце, взяв в команду Олафа и Яна, а после заставив имперцев коллективно напрячь мозг и придумать кучу очень интересных спецэффектов из подручных средств, которые мы могли бы использовать в выступлениях.

– Предлагаю объединить идеи в одну общую, – подытожила я, и мы начали сводить юмор, серьезную постановку, переделку гимна и спецэффекты на грани фокусов в единое выступление.

За разговорами просидели две пары. Просидели бы и больше, но в тесный междусобойчик вмешалась профессор Сминт, потерявшая группу.

Бодро топая по коридору преподавательского этажа, я все еще прорабатывала детали предстоящего выступления, когда ветерок предостерегающим смерчем ударил в лицо. Дверь в нашу с Эргом комнату оказалась аккуратно взломана и приоткрыта.

Положив блокнот с заметками выступления на пол, я на носочках подкралась к месту обитания и с диким возгласом «АГА!» ворвалась в помещение.

– Ты?!

Дракониче даже головы не повернул. Только поднял руку и ткнул в потолок.

– Оригинально, – протянул задумчиво, разглядывая прибитую и приклеенную постель Григоровича.

– Да что ты понимаешь в семейном уюте, – это вслух.

«Вот блин! Постоянно забываю убрать ее оттуда», – это уже про себя.

– Зачем пожаловал? – снова вслух.

«Может, свалишь, пока тебя Эрг не застукал?» – про себя.

Дуглас Гай Кьяри развернулся и ослепил светом фирменной улыбки «сексуальный обольститель». Если Эрг предпочитал строгие, но дорогие костюмы, то его братец питал любовь к зауженным штанам, футболкам поло и бежевым кардиганам. Для большей нарядности Дуглас нацепил на нос солнцезащитные очки, которые, впрочем, поспешил стащить и спрятать, едва я выразительно покосилась за окно, где медленно, со вкусом кружили снежинки.

– Ты так прекрасна, что я забыл фразу, с которой хотел начать... – после долгой паузы выдал дракон.

Я фыркнула и скрестила руки в попытке защититься от топорной лести.

Да студенты на экзамене быстрее придумывают решение теорем, чем озабоченный братишка Эрга – подкаты.

Спасая положение, горе-самец выразительно поиграл бровями и сделал кошачий шаг

вперед, нависнув сверху.

- Как ты смотришь на то, - игривым шепотом начал Дуглас, - чтобы я тебя хорошенько... покатаю?

- Дуглас, а ты в курсе, как из похабных быков делают смиренных волов? - заломила я бровь.

Собеседник усмехнулся и провел пальцами по моей щеке.

- Ты такая красивая, когда угрожаешь.

Дернулась, скидывая нахальные пальцы, перекочевавшие на шею и устремившиеся в вырез расстегнутой рубашки.

- А какая я сексуальная, когда ломаю пальцы, ммм, - показательно прикусила нижнюю губу и прищурилась от удовольствия.

- Вот был бы я голым, ты бы со мной не спорила, - обиделся Дуглас, отступая на шаг.

- И все-таки, - предчувствие беды не отступало, - что ты делаешь в Академии?

Драconiще, не разуваясь, плюхнулся на нашу с Эргом кровать, заграбастал в объятья мою любимую подушку, другой рукой стянул с блюда на тумбочке забытое яблоко и вгрызся в фрукт.

- Тут вот какое дело, - расслышала сквозь хруст, - владыка начал ревновать меня к вашей эрешкиль, кстати, такая горячая дамочка... А тут очень кстати ректор. Мол, айда к нам!

- Погоди, какой ректор?! Наш ректор?

- Аха, - усмехнулся этот гад. - Белозерский мне так и сказал. Приходи к нам, а то после смерти Риттера никак не могу найти специалиста, а ты как-никак сотрудник ДМБ.

- Скажи, что ты отказался, - надежда еще жила во мне.

Недолго.

- Не-е, - расплылся этот гад в улыбке. - У меня тут брат, сын, симпатичная мне женщина...

Я закрыла лицо руками и в отчаянии застонала.

Если Эрг узнает, то будет драка. Если братцы опять подерутся, то кирдык ректорским башенкам, воздвигнутым во славу тщеславия. Если Академия окажется в руинах, придет проверка и начнет искать виновную. И ею окажусь я. Да, определенно я.

Не драконов же им обвинять?

Пока я мысленно решала, что быстрее - спровадить Дугласа или лететь искать Эрга, чтобы предупредить, в коридоре послышалась тяжелая поступь массивного декана.

Все. Академии хана.

- Лезь под кровать! - в панике зашипела я, подсакивая и толкая развалившегося на постели мужчину.

- Я что, любовник? - возмутился тот, игнорируя мои отчаянные тычки.

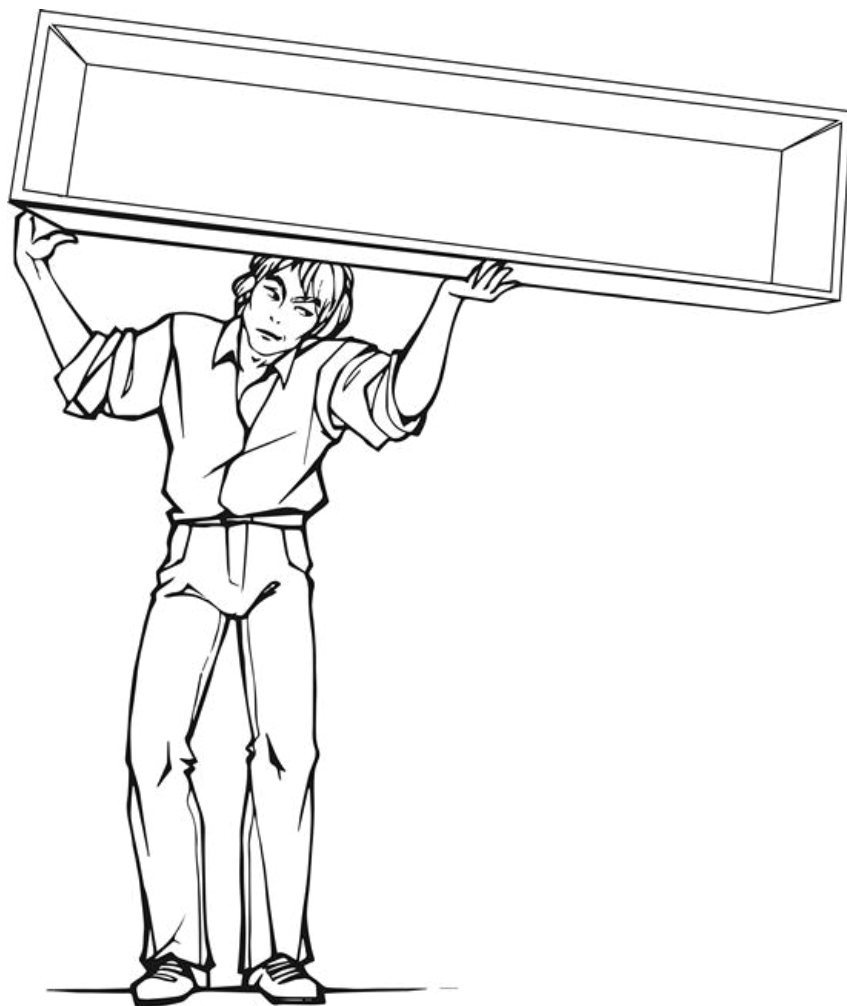
- Да, ты прав, под кроватью он тебя найдет, - согласилась я и ткнула в окно: - Проваливай!

- Спятила? - возмутился начисто лишенный инстинкта самосохранения дракон.

От дверей долетел скрипучий смех профессора Хельмерга, по-видимому, сопровождающего коллегу до комнаты.

Великие небеса, что делать?! Что делать?!

Ужас ситуации захлестнул с головой. Я развернулась, готовая бежать к Эргу и умолять его не устраивать сцен, но зацепилась за валяющийся у кровати носок – мужики, почему вы вечно разбрасываете части своего туалета! – ойкнула и повалилась назад. Дуглас, чей живот смягчил падение, машинально обхватил руками попавшую в беду даму. Ветерок, пожелавший помочь, пошел в атаку, но зацепился за край покрывала и накрыл нас.

Мы с Дугласом в ужасе уставились друг на друга, понимая, как двусмысленно все выглядит со стороны, и в этот момент в комнату вошел смеющийся над шуткой профессора Хельмерга декан кафедры Темных искусств.

Улыбка медленно сползла с его все еще бледного после недавнего истощения лица, а в ярко-зеленых глазах вспыхнуло бешенство.

– Какого хрена!

Глава 11

Каждой твари – по харе!

Можно вечно любоваться тем, как прыгает по коридорам Академии бирюзовый оборотень, как орет на студентов ректор и как три дракона вешают полочку.

– Я, между прочим, маг высшей категории, – пыхтел Эрг, плечом придерживая один край.

– Я, между прочим, тоже! – взвился Дуглас. – Если ты вдруг запомнил, братец, мы одну Академию заканчивали.

– Да прекратите уже спорить, – рычал Ронни. – Просто приложите уровень и поставьте гребанный крестик!

Драконы потели и ругались. Ветерок, воинственно завывая, кружил над головами, я же тихонечко сидела в кресле и любовалась картинкой. И даже не лезла с предложениями, ехидными замечаниями и комментариями, за что, считаю, мне уже можно воздвигнуть памятник.

В целом могу сказать, что вечер пропал не зря.

Сперва оправдывалась перед Эргом. В то, что на кровать я упала лишь по досадной случайности, драконище поверил легко, а вот факт того, что его братец станет новым преподавателем, принимать категорически отказался. Нелегко пришлось всем: громоподобной секретарше, не пожелавшей впускать злющего декана в кабинет, ректору, не успевшему забаррикадировать дверь и окно, явившемуся на звук разрушений завхозу и двум студентам, попавшим под горячую руку скорого на расправу Эрга Гая Кьяри.

Секретарша пригрозила, что уйдет в декрет, ректор – на пенсию, завхоз – в запой (студенты благоразумно промолчали и не менее благоразумно свалили), на что декан кафедры Темных искусств витиевато и весьма недвусмысленно намекнул, что вертел всех чересчур чувствительных шантажистов на чешуйчатом хвосте. Мне досталась роль миротворца, с которой я не справилась.

А зачем? Пусть дракон пар выпустит.

В конце концов, гарпия я или кто?

И потом, пусть уж лучше орет, чем крушит башни Академии, я права?

Пока секретарша отпаивала завхоза чаем в служебной комнате, а ректор задабривал Эрга коньяком, на шум прибежал Эмиль Фаркас. В приемной я была одна – пить с начальством я посчитала неправильным, а секретаршу почему-то опасалась.

Чувствуя собственную безнаказанность и kloкочущий внутри гнев, преподаватель приблизился.

– Госпожа гарпия, – расплылся Фаркас в мерзкой ухмылке и с нахрапа, без всякого перехода на «Как ваши дела?» решил высказаться на тему оттеночного шампуня.

Глупый, глупый каннис.

Почему-то многие даже не догадываются, что мой союзник способен не только поднимать предметы и шпионить, но и воспроизводить несложные звуки, такие, например, как те, что привели оборотня из участка к вынужденной трансформации.

Каюсь, я не удержалась.

Трижды.

Уж больно благотворно вид бирюзовой шкуры влиял на мое настроение, а позитив, он же полезен не только духу, но и телу. Сразу улучшается общее самочувствие, пропадает недостаток в витаминах радости, а как тренируются лицевые мышцы, а как быстро

качается пресс от безудержного смеха!

Погоняв оборотня по Академии и от души похохотав над униженным врагом, я вернулась к кабинету ректора. Эрг уже прошел стадии отрицания, гнева и торгов и сейчас открыто депрессировал. Захмелевший Белозерский шепотом попросил увести дракона куда подальше, и я, как послушная женщина, потащила партнера по страстным ночам в комнату.

К счастью, с Дугласом случился приступ хозяйственности, и он свалил из нашей комнаты в бывшую холостяцкую берлогу брата.

И все бы хорошо, но тут Эрга взяли завидки на чужие пожитки.

– Эту полку мы заберем себе! – заявил жадный драконище, заприметив в коридоре кое-какую нехитрую мебель, привезенную Дугласом.

– И на фига? – устало уточнила я, поймала злой взгляд ярко-зеленых глаз и благоразумно исправилась: – Полочка! Нам срочно нужна полочка!

Дуглас решил, что не перенесет разлуки с предметом интерьера, и вызвался помочь, а потом в мою комнату заглянул Ронни с черновым наброском сценария.

Через десять минут три дракона отодвинули кровать от стены. Дуглас притащил молоток, Эрг рулетку и молоток, Ронни пожертвовал для общего дела карандаш, после чего троица наколдовала гвоздей – жаль, что не мозгов – и принялась за дело.

Можно вечно любоваться тем, как три дракона вешают полочку.

– Ты мешаешь! – возмущался Эрг, примериваясь для удара. – Из-за тебя я никак не могу попасть по шляпке.

– Я не мешаю. Я на чеку, – ухмылялся в ответ новоиспеченный преподаватель. – Сам знаешь, таких шляпок одна на миллион, а ты никогда не умел ухаживать.

– И не мечтай, – рычал декан кафедры Темных искусств, осатанело колотя молотком по стенке. – Я не дам тебе влезть в наши отношения. Хватит с меня прошлых ошибок.

– Всеединый! – вспылil придерживающий полку Ронни. – Разве не проще сперва повесить крепления, а уже потом саму полку? Почему мы все делаем на весу? И почему гвоздь, а не шуруп с дюбелем?

Вот! Хоть один сообразительный дракон в семействе.

– И почему вы двое используете такую странную аллегорию, чтобы поговорить о госпоже Браун?!

Кстати, да! Лично меня не возбуждает сравнение с гвоздями. Сомневаюсь, что такие женщины вообще существуют. Ну, если только кто-то из дочерей кузнецов или гномов.

Братья переглянулись, обмозговали доводы разума и единогласно отмахнулись от гласа юности.

– Не перебивай старших.

– Вот поживешь с наше, тогда и поговорим.

Ронни Дуглас Къяри соорудил обиженную моську и повернулся в мою сторону. Я же только развела руками, стараясь не ржать над этим цирком в полный голос.

Развлечение закончилось так же внезапно, как снегопад за окном. Дуглас вздрогнул, оборвав пространный монолог о том, как правильно надо, цитирую: «купать гвоздик в масле». Пару секунд его взгляд оставался недвижим, а после он вынырнул из мысленного диалога и посмотрел на брата.

– Владыка зовет на совещание. «Седьмое небо». Через десять минут.

Я вскочила с облюбованного кресла, но Эрг опередил:

– Мы с тобой.

Дуглас пожал плечами, мол, как хотите, только поживее, отошел от криво-косо повешенной полки и поднял с кровати брошенный кардиган. Эрг скептически осмотрел конструкцию «полка навесная», кивнул своим мыслям и потянулся за пиджаком, я, уже полностью одетая, прыгала в нетерпении у дверей.

– Можно с вами? – с надеждой попросил Ронни, глядя почему-то на меня.

– Можно, – благодушно кивнула я, – но не в этот раз!

– Но я ведь тоже могу помочь.

Он смахивал на щенка, которого отказались брать на прогулку.

– И ты поможешь, – заверила юного и очень подавленного дракончика. – Ты очень поможешь нашей группе, если согласишься и перепишешь сценарий выступления!

Кислая мина на лице Ронни красноречиво говорила, что подобный расклад ему вряд ли нравится, но, на наше счастье, спорить паренек не стал.

Мы спешно перешли в бывшую комнату Эрга, где тот с неистовством вандала выдрал половицу и поднял над головой запылывшийся кругляш одноразового портала.

Панорамный комплекс «Седьмое небо», тот самый, где мы не так давно ужинали в компании с Григоровичем, оказался закрыт на частную вечеринку. И вот я сразу поняла, что владыка развлекается так же, как чета Къяри вешает полки, то есть криво-косо.

Впечатляющий вид из окон не привлек никого из гостей. Основная часть предпочла сгрудиться вокруг стола с объемной картой материка по центру и негромко спорила о чем-то. Григорович, словно скользкий уж, скользил между собравшимися, слушая, вставляя отдельные фразы и зорко следя за ходом беседы. Владыка шептался со своим советником, судя по напряженному выражению, тет-а-тет не доставлял участникам удовольствия. Эрешкиль стояла в стороне, любуясь фонтаном. Она, как всегда, выглядела ошеломительно прекрасной, но я-то видела залегшие под глазами круги от бессонных ночей и скорбно опущенные вниз уголки губ.

Официанты вкатили столик с безалкогольными напитками, выставили чайные сервизы и поспешно скрылись в служебных помещениях, оставив полномочия бармена дракону с холодным взглядом убийцы.

Так, я не поняла. Нас что, даже не покормят?

– Ты куда? – встревожился Эрг, когда я резко дернулась вбок.

– На поиски болтливой хомы!

Корсак – доверенное лицо Дилейры – обнаружился две минуты спустя. Сложив за спиной крылья с алым оперением воина, он сидел на металлической балке под потолком и жадно жевал сэндвич.

А знаете, как я его вычислила? По непочтительным крошкам, которые сыпались сверху прямо на стол Совета.

– Привет, – улыбнулся приятель, протягивая второй сэндвич, упакованный в шуршащую бумагу. – Как знал, что ты тоже проберешься.

Я благодарно улыбнулась и пристроилась рядом.

Вот за что обожаю Корсака, так это за умение предвидеть непредвиденное. Каковы были шансы, что на повторное заседание Совета по вопросу разумности ар-теро явится преподавательница Академии? А каковы шансы, что я прибуду с пустым желудком и голодным блеском в глазах?

Вот не зря Дилейра сделала его своим доверенным и ответственным за сокровищницы. Не зря!

– Как дела? – шепнула я, стараясь как можно меньше шуршать оберткой и при этом не захлебнуться собственным слюноотделением.

– Не так радужно, как хотелось бы, – проворчал Корсак. – Григорович надоел хуже камушка в ботинке. Последние пару дней только и занят тем, что пытается вычислить, кто покушается на тебя, а главное, почему у него все эти три раза ничего не вышло.

– Да ладно!

– Представь себе, – усмехнулся собеседник, доставая из складок одежды небольшой термос. – По его версии, ты носишь какой-то очень сильный амулет, заговоренный на удачу.

– Дай угадаю, и он хочет такой же.

– В точку, Марси. В точку. Как твой лучший друг, я конечно же напомнил Григоровичу, что ты крупно облажалась с парнем, выбрав дракона, значит, о везении тут даже речи быть не может, но безопасник не внял доводам разума. Кстати, как развиваются ваши отношения с чешуйчатым громилой?

Я нашла взглядом обеспокоенно оглядывающего толпу Эрга и улыбнулась.

– На удивление неплохо. Скандалим, притираемся, обустройстваемся... сегодня вон полочку вешали.

– Избавь от подробностей! – сделал большие глаза Корсак, картинно хватаясь за сердце, а потом резко посерьезнел и ткнул пальцем вниз. – Ну все, начинается.

Глава 12

Самые строгие судьи - это подлецы

Все, что происходило после, напоминало свадьбу крупно поссорившихся молодоженов. Вроде бы и тамада неплохой, и конкурсы веселые, но ты кожей чувствуешь – что-то пошло не так.

Нет, первые две трети заседания прошли мирно. Члены Совета высказывались по очереди, преимущественно негативно. Дилейра сидела рядом с владыкой и нервно вертела в пальцах карандаш, золотой дракон хранил молчаливое величие. А потом очередь дошла до замены Эмиля Фаркаса, и «что-то не так» стало очевидным.

– Кхе... Кхе... – откашлялась Джейн Хобра, вставая и растягивая рот в сладкой, аж до противного, улыбочке.

Волчица оказалась маленькой женщиной с белоснежным каре и вздорным характером. Знаете, такая вечно незамужняя тетушка со стороны невесты, которой претит весь этот праздник. На свадьбах такие тетки говорят гадости, прикрывая собственную злость оригинальностью и юмором, на заседаниях – пространно рассуждают о целесообразности принять решение здесь и сейчас.

– ...засим я апеллирую к статье двенадцать подпункт сорок девять и прошу членов Совета пересмотреть имеющиеся доказательства, а именно: заключение независимой экспертной комиссии, подтверждение от министерства магического контроля, доклад группы, проводившей раскопки в долине тысячи храмов, опись номер четыре, опись номер семь дробь пятнадцать...

– Еще немного, и я переосмыслю выражение «тянуть кота за хвост» в «разрешать Джейн Хобра говорить», – застонал Корсак. – Марсия, хотя бы ты понимаешь, чего хочет эта страшная женщина?

Стыдно признать, но нет...

Зато я знакома с драконом, который уже не раз поражал и, чего скрывать, раздражал меня своей догадливостью. И вот этот самый дракон сейчас активно пробирался к столу, в то время как Григорович с четверкой оперативников обходил деревянную громадину с другой.

– ...прикрепленные к делу доказательства, подтверждающие разумность расы ар-теро, – продолжала сладко, словно сказку, перечислять представительница каннисов, – прикрепленные к делу...

Всеединый, Кьяри, да нападай уже!

Последовавший за этим взрыв разнес половину стола, переполошил задремавших участников Совета и заложил основу для паники. Слетев вниз, мы с Корсаком попытались понять, что происходит, где враг и кому драконище решил врезать, но взмывший вверх едкий дымок заставлял глаза слезиться, щипал горло и портил картинку.

– Марсия, в сторону! – крикнул Корсак, и мне только чудом удалось увернуться от прилетевшего снизу заклинания.

Еще чуть-чуть, и сама начну перетряхивать одежду в поисках того самого амулета удачи, на который грешил Григорович.

Сухой щелчок, шипение, и где-то подо мной раздался еще один взрыв. К счастью для моих перышек, кто-то из магов сориентировался раньше и кинул щит, поглотив взрывную волну. Ветерок разметал дым, и картинка улучшилась.

В центре зала, окруженная плотным кольцом магов, метала заклинания тройка членов Совета, остальные расползались кто куда. В углу Дуглас схлестнулся с обманутым женой зверолодом, ну я так думаю. Лихо вскочив на барную стойку, Григорович устроил магический поединок с незнакомым магом. Эрг работал кулаками, вколачивая в глупую

голову ледяного демона мысль о том, как же тот не прав. У дверей в служебное помещение образовался затор из дрыгающейся кучи-малы, жаждущей покинуть заседание по вопросу разумности ар-теро.

Одним словом – побоище.

Так, проверяем, все ли целы: владыка, Джейн Кобра, тьфу ты, Хобра... Стоп. Где носит Дилейру?

– Отстойная вечеринка, правда? – раздалось где-то за плечом.

Я быстро развернулась и облегченно выдохнула, заметив блондинку, с интересом разглядывающую сценку массового насилия, в которое вылилось поначалу мирное заседание.

– Эрешкиль, вы бы не отсвечивали и вообще отлетели бы куда-нибудь в уголок!

– Чтоб никто не уволок? – Дилейра закатила глаза. – Марсия, ну хоть ты не начинай!

Я смерила муху-цокотуху красноречивым взглядом «ты бы такой разговорчивой на заседании была», махнула крылом – все-таки не маленькая, разберется, – заложила крутой поворот и... ничего не успела сделать, потому что в это мгновение Эрг и владыка одновременно вскинули руки.

– Что это?! – воскликнула эрешкиль, ощупывая полупрозрачные стенки.

– Гадство! – прошипела я, усаживаясь на пол сферы.

Мало того что Эрг Гад-Чешуйчатый Кьяри вновь воспользовался щитом «нянька», которым предприимчивые мамы ограждали любознательных карапузов от встречи с опасными предметами, так он еще и владыку этому мерзкому приему обучил.

Ну все, Кьяри. Вот закончится основное действие, я тебе после полного каданса такую коду организую, век помнить будешь!

Помнить и содрогаться.

– Чпок! – вторя моим кровожадным мыслям, раздался влажный треск, а после еще два: – Чпок! Чпок!

Человеческие оболочки зажатых в кольцо противников лопнули, обнажив алую плоть и мерзкое зловоние переполненных кишок. Меня затошнило, как если бы повара Академии Светлых и Темных искусств сотворили очередной кулинарный шедевр несъедобности, а после и тут же бросило в холодный пот.

– Великие Небеса, – прошептала потрясенная Дилейра, обхватывая себя за плечи.

Не скажу, что повторная картинка покидающих оболочку джиннов произвела на меня неизгладимое впечатление. Отвратительное – да. Отталкивающее – снова да. А вот незабываемым его сделал вид подбежавшего к группе владыки. Голова мужчины частично трансформировалась, нижняя челюсть увеличилась и словно отъехала вниз, практически коснувшись шеи. Из широко открытого рта вырвалось ослепительное, невыносимое пламя и кинулось на вырвавшихся из оболочек духов желаний. Джинны корчились, вопили, истончались и медленно таяли.

– Хватит! – властный окрик прекратил безжалостное уничтожение.

Владыка поперхнулся пламенем, закрыл рот и медленно обернулся. При этом такую жуткую морду скорчил, что даже меня пробрало. Дилейра тотчас довольно улыбнулась, мол, смотри-смотри, какого я себе грозного мужика отхватила, а вот Королева Джиннов видом не прониклась.

Шахра выбрала уже знакомый образ высокой темнокожей девы с золотыми рогами и тонким хвостом. Лавандового оттенка платье подчеркивало формы, а каблучки звонко стучали по полу.

– Хватит! – повторила она, подходя к столу и протягивая руку к скорчившимся

джиннам. – Нет необходимости в уничтожении. Изменники отправятся на родину и понесут соответствующее их деяниям наказание.

Из-под обломков стола высунулся пыльный мужичок и, отряхиваясь, уточнил:

– А вы, простите, кто?

Словно дракон из табакерки, рядом с Шахрой материализовался Эрг Гай Кьяри. Королева Джиннов с некоролевской энергией отскочила в сторону, покосилась на сферу со мной и эрешкиль – позорище-то какое! – и оглядела присутствующих.

– Шахра Неопалимая Людским Предательством, Королева Духов Желаний, Первая Бессмертная Сущность Старого Мира, – с небывалым достоинством перечислила она.

Джинны стали прозрачными, словно сами слова вытянули из них жизненную силу, и опали на пол, к разорванным человеческим оболочкам, исторгающим гадкое зловоние потрохов.

Владыка почтительно кивнул, признавая в джинне равную. Маг, что устроил на барной стойке старомодную дуэль с Григоровичем, дернулся, дабы пасть ниц, но был пойман за шиворот соперником. При этом выражение лица безопасника трактовалось как «ну ты дурак, Вася», а общий вид пришибленного событиями мага ассоциировался с наглым котярой, справившим свои дела не в те ботинки.

Шахра хищно улыбнулась, качнув тонким хвостом из стороны в сторону.

– Как независимое лицо, я вынуждена констатировать, что члены Совета скомпрометированы и не могут более исполнять своих функций, – припечатала она, и потрясенные маги задержали дыхание.

Вот это я понимаю – Королева.

Что ни фраза – то коллективный ступор.

– Более того, – продолжила Шахра, и ее фигура начала расти, – джинны дают на преобразование Совета месяц и изъявляют желание присоединиться к его составу, дабы делиться мудростью и опытом прожитых веков. Если же кому-то придет в голову блестящая идея не признать джиннов разумной расой, то я... потеряю терпение и психану.

Шахра уже доросла до размеров античной статуи. При резких движениях головы кончики золотых рогов чиркали о потолок, высекая искры, от голоса дрожали панорамные стекла. Скрестив руки на груди, она грозно глянула вниз.

– Возражения есть?

Возразить Королеве Джиннов желающих, читай – самоубийц, не нашлось.

Дилейра толкнула меня в бок и сделала большие глаза.

– Вот видишь, – обиженно проворчала она, – аргумент «я щас психану» работает, а ты мне такая – нет, эрешкиль, мы дипломаты, нам нельзя! Бе-бе-бе, бу-бу-бу! Вечно пытаешься по правилам, когда можно вот так – прийти и топнуть ножкой!

Ага, но работает это только в том случае, если ножка сотого размера. Но Дилейре этого ведь не объяснишь.

Удовлетворившись произведенным эффектом и посчитав разговор оконченным, Шахра приветливо улыбнулась и помахала рукой.

– Марсюшка, привет! – Сферу снесло в противоположный угол зала. – Ой, прости, я сейчас!

Забыв о своем далеко не человеческом росте, джинна помчалась за нами, растопырив руки.

– Марси, ты, случаем, не помнишь рецепт двуслойного лукума с миндалем и перцем?

Оказывается, технология утеряна, и даже прапрапраправнук моего любимого повара давно истлел в могиле, – тараторила она, игнорируя кидающихся врассыпную людей.

Я медленно втянула носом воздух, призывая внутренние ресурсы спокойствия потерпеть еще немного. Небеса, клянусь, даже со студентами порой проще.

На наше счастье, к присутствующим вернулся рассудок. Кьяри с владыкой быстренько опустили и расколдовали сферу, Шахра спохватилась и вернула себе нормальные размеры, шустрый персонал кинулся собирать и уносить пострадавшую в пылу сражения мебель, выдавшие всякое ребята Григоровича паковали мертвые тела в черные мешки.

Уцелевшие после заварушки члены Совета столпились тесным кружком, раздалось красноречивое – чпок! – и в воздухе запахло успокоительным для взрослых.

Вызвав и скрупулезно записав утраченный рецепт, Шахра переключилась на эрешкиль, и правительницы застрекотали, как две сотни перебравших сорок. Спасаясь бегством от болтовни, я быстренько смешалась с толпой оперативников и телохранителей, обошла панорамный зал и, никем не замеченная, остановилась у панорамного окна.

Вид засыпающего города умиротворял, может, поэтому я невольно вспомнила, как выглядит Академия в ночное время, и почувствовала смесь тоски и облегчения. Если все сложится благополучно, то через месяц создадут новый Совет, у которого не будет причин не признавать ар-теро разумной расой. В конце весны срок моего условного заключения подойдет к концу, необходимость обучать охламонов отпадет. Также отпадет необходимость Эрга нести непрерывную вахту надзирателя.

Я стану свободной.

А хочу ли я этого?

– Считайте, что мы квиты.

Я вздрогнула от неожиданности и быстро развернулась.

Кобра, то есть Джейн Хобра, буравила меня неприязненным взглядом. Вот хоть сейчас рисуй и помещай в справочник как наглядный пример устойчивого выражения «смотреть волком». Белоснежное каре слегка растрепалось, но в целом самая занудная представительница Совета выглядела до отвратительного целой. Ни царапинки, ни порванного рукава, ни даже зацепки на колготках. Как так-то?!

– Мы квиты, – повторила госпожа Хобра таким непререкаемым тоном, что мне даже чуток неловко стало.

– Хорошо. Вот только не помню, чтобы оказывала каннисам услугу.

Не за бирюзовый же окрас господина Эмиля Фаркаса меня сейчас благодарят. Или за него?

Так то не я, а Эрг постарался.

– Вы правы. Каннисы никогда не запятнают себя связью с ар-теро. Стая была обязана Арине Нор.

– Аришечке? – У меня глаза на лоб полезли.

Просто какое отношение Ариша Сама-Скромность Нор имела к этой дамочке с каре? Я же читала все личные дела своих подопечных. В графах «родители» у девушки значились чистокровные люди: отец – купец второй категории, мать – певица в опере. Полукровкой Ариша не может быть, а помогают хвостатые исключительно своим.

– Будучи подростком, госпожа Нор спасла трех волчат, провалившихся под лед. В том числе моего сына, – сухо пояснила представительница оборотней. – Стая помнит о долгах.

У меня слегка закружилась голова от вихря пронесшихся мыслей.

– Хотите сказать...

Волчица нервно дернула головой и скорчила такую мину, словно кариес разом атаковал всю ее челюсть.

– Ариша пришла ко мне с личной просьбой, и я не смогла отказать. Главным препятствием к осуществлению задуманного стал племянник Альфы, но ваш дракон вывел из игры Фаркаса, и у меня появился шанс пробиться в Совет.

Я кивнула и нашла взглядом Эрга, общающегося с Григоровичем и еще парой мужчин в форме агентства безопасности.

Значит, сговорились. За моей спиной! Ну не сволочи?

– Меня снабдили специальным артефактом, поэтому вычислить подставных членов Совета оказалось проще всего, сложнее – придумать проникновенное выступление.

– Искрометная вышла речь, – усмехнулась я, вспоминая, как широко зевали присутствующие.

Волчица сузила глаза до двух щелок, излучающих презрение, и приблизилась.

– Хочу пояснить: я лезла из шкуры не ради ар-теро, а ради Ариши. Девочка почему-то искренне восхищается вами, госпожа Браун, но я советую не праздновать успех раньше времени. Стая против вашего вхождения в Совет, против равных прав с крылатым народом, против эрешкиль.

Очень хотелось сказать гадость, но... успеется. Сейчас надо быть выше противника. Тем более такого.

– Спасибо за помощь. Я этого не забуду.

Кобра резко отстранилась и, не оглядываясь, затерялась в толпе, а ко мне тотчас подошел встревоженный Эрг.

– Драконище, – расплылась я в самой очаровательной из своих улыбок, обвивая мощную шею, чтоб этот гад чешуйчатый случайно не сбежал в процессе пыток, – а ты, случаем, ничего не забыл мне рассказать?

Къяри тоскливо покосился в сторону черных мешков с трупами, которые торопливо увозили молодчики Григоровича. Весь вид грозного великана кричал о том, что он не прочь поменяться с ними местами.

Нет, убивать декана кафедры Темных искусств на глазах у всех я не стала. Скандалить, впрочем, тоже.

Дождалась, пока Дуглас перекинет нас в Академию, и уже там высказалась. Драконище узнал много нового. Например, что он скрытная сволочь, а еще, что у меня тоже есть право знать, что творится вокруг.

Проникновенная тирада гарпии затянулась где-то на четверть часа, и с каждой минутой я распалаясь все больше, пыхтя и булькая, как кипящий чайник.

На очередном «Драконище, как же ты меня бесишь!» Эрг Гай Къяри не выдержал и психанул. Рванув, сжал в объятьях и грозно глянул сверху вниз своими ярко-зелеными глазами.

– А ну-ка цыц, женщина! Во что влюбилась, то и целуй.

Я задыхнулась от возмущающей наглости ящера-переростка, куснула его за нижнюю губу, потом еще разок, увлеклась процессом и...

Вот так, как-то совершенно незаметно для нас двоих скандал превратился в страстную прелюдию.

Примирение оказалось под стать скандалу – бурным. Кто-то (грешу на завистницу Бьянку) барабанил в дверь, кто-то (грешу на наглого Дугласа) постучал в окошко, но мы с Эргом не реагировали на угрозы выломать дверь и просьбы вести себя прилично.

Уже под конец, когда мы, разгоряченные, лежали рядом, драконище неожиданно посерьезнел и приподнялся на руках, нависая сверху и загораживая широкими плечами большую часть мира.

– Ты моя заноза.

– Ну-с, с-спасибо, – недовольно прошипела я. – Вот так вот тихо-мирно отравляешь существование одного жутко вредного дракона, наивно полагая, что засела у того в печенках, а выходит, что в заднице.

– В сердце! – делано обиделся Эрг. – Ты моя заноза в сердце. С первого дня. С первого скандала в кабинете ректора.

Это было самое лучшее признание в любви. Настолько искреннее, настолько про нас, что я едва не расплакалась от нахлынувших чувств.

И если мне удалось сдержать порыв глупо улыбнуться и теснее прижаться к дракону, то полка оказалась менее устойчивой к мужским чарам.

Раздался тихий треск, на подушки посыпалось крошево, после чего правый край полки оторвался от стены и ухнул вниз, увлекая следом любовно расставленные мной безделушки и книги.

Бам! Бам! Бам! Плех! – бойко забарабанили они по темечку замершего дракона.

– М-да... – на редкость красноречиво заявил декан кафедры Темных искусств, а я извернулась и глянула на стену.

Полка, повисшая на одном креплении, покачалась на манер маятника в старинных часах и застыла в обманчивой неподвижности.

– Ты ж мой специалист! – умиленно проворковала я, поглаживая напрягшийся бицепс сопящего от возмущения дракона.

– Это все Дуглас! – ворчал Къари, с хмурым видом оглядывая подбитую мебель.

– Да-да...

– Я ему сказал, чтобы крепче вбивал, а он такой: сойдет, иначе вешать будет неудобно.

– Негодяй!

– Полка еще какая-то неправильная попалась!

– Да как она посмела не покориться твоей маскулинности.

Эрг взбесился.

– Слушай, ты вообще на чьей стороне?

– Твоей.

– Да? А почему тогда стебешь меня?

- Не переживай, вот завтра увижу Дугласа и оторвусь по полной.

- И про Ронни не забудь, - напомнил драконище о третьем соучастнике.

- Как скажешь.

Крр! - коварная полка потеряла последнюю опору и проехала по стене.

Эрг едва-едва успел подхватить меня на руки и отпрыгнуть в сторону.

Шварк! - полка шлепнулась на подушки, перекатилась на простыни и облегченно выдохнула.

- Только не смейся... - попросил драконище, прижимая меня к груди.

Я мужественно попыталась сохранить хладнокровие, но не вынесла мученического выражения на суровом лице Эрга и сдавленно захрюкала от смеха.

Глава 13

Нестыковки и тайные ходы

Есть три способа испортить себе жизнь: набрать кредитов не у тех людей, первой продегустировать подозрительную стряпню поваров Академии и самый страшный – готовить с охламонами выступление на студенческую весну.

Я как раз страдала над непрезентабельным завтраком, всем видом гласившим, что без труда кашу маслом не испортишь, когда в пустую по причине несусветной рани столовую влетел запыхавшийся студент.

– Госпожа Браун!

– Изыди.

Небеса, как можно быть таким заряженным на позитив с утра пораньше?

– Но, госпожа Браун! – не унимался кое-кто, подбегая к столику.

– Олаф, не сейчас! Не видишь? Я трапезничаю, – чуть повысила голос, продолжая скорбеть над манной кашей.

– Не-а!

На губах пританцовывающего на месте парня возникла улыбка от уха до уха. Невозмутимая Кира осталась стоять у входа с видом «мой парень – дебил».

– Марсия! – раздался громкий возглас декана.

Да что ж я такая популярная-то?

– Марсия, мне срочно нужна твоя помощь с графиком репетиций и сбором информации о готовности групп к студенческой весне, – заявил декан кафедры и по совместительству ответственный за предстоящий дурдом, гордо именуемый студенческим творчеством.

– Я не могу, у меня... – Слово «завтрак» застряло в горле, поэтому пришлось менять окончание фразы: – У меня утренняя медитация над чаем.

Олаф наклонился, подмигнул и заговорщическим шепотом на всю столовую сообщил:

– Камаль стащил ключ от репетиционного зала...

Эрг смерил соперника взглядом и присел.

– На кафедре до обеда никого не будет. Только ты, я и график репетиций... – рокоchущим голосом сообщил пылкий оболститель, выразительно приподнимая бровь.

Я всерьез верила, что только сомнительным женщинам делают сомнительные предложения, поэтому смерила наглецов фирменным взглядом «глаза б мои вас не видели».

Мужчины истолковали посыл правильно, поэтому отступили и сменили тактику, то есть уставились друг на друга.

– Госпожа Браун должна одобрить внесенные в сценарий изменения, – выдвинул аргумент Олаф.

Эрг Гай Къяри поднялся, нависая над тщедушным студентом, как утес над березкой.

– Госпожа Браун вам ничего не должна...

Вот спасибо, прям с языка снял.

– ...а вот своему декану помочь просто обязана.

Тьфу ты!

- Вы же не хотите, чтобы наша группа совершенно случайно разнесла половину Академии? - засопел не менее упертый Олаф.

- Вы же не хотите всей группой вылететь? - зловеще спросил Эрг и усмехнулся. - Тоже совершенно случайно.

Я тихонько отодвинула стул, чуток сползла вбок и медленно ретировалась прочь. Ну их! А то чувствую себя той самой шкурой еще живого и очень бодрого медведя.

Мужчины остались спорить, и только Кира заметила мой побег, но из женской деликатности промолчала. За окнами бушевал мокрый снег, поэтому я в кои-то веки решила прогуляться по коридорам. Лучше бы летела. Лучше бы вымокла до нитки. Лучше бы простыла и загремела к лекарям, чем услышать...

- Марси, вот ты где! А я тебя ищу.

Да что ж такое!

Чертыхнувшись, я повернулась и мрачно посмотрела на спешащего по коридору Дугласа. Новоиспеченный преподаватель не стал утруждать себя чтением должностной инструкции, где черным по белому было написано (в моем случае еще и раз семь продублировано устно самим Белозерским): оружию - нет, форме - да!

Высоченный драконище нацепил черный спортивный костюм и увешался оружием похлеще, чем елка на праздники.

- Как я выгляжу? - Дуглас встал боком и продемонстрировал бицепс. - Ты уже поплыла от моей вопиюще сексуальной брутальности?

О да! Расступись, народ честной, сейчас гарпия будет в экстазе трепетать ресничками и плавиться в вязкую розовую лужицу!

Я мысленно пересчитала боевой комплект: две рукоятки топоров за спиной, два коротких кинжала на предплечьях, меч на поясе, на икрах хитро прикручены два невзведенных капкана, к бедру пристегнут ремень с метательными ножами. Напрашивался только один вопрос:

- Куда собрался?

- В гости, - расплылся Дуглас в широченной улыбке опытного ловеласа. - Пойдешь со мной?

Еще разок окинула внушительную фигуру взглядом, оценила блеск лезвий и хищный прищур. Как-то неброско я на его фоне выгляжу. Может, за молотком в комнату смотаться? Или на кухню за скалкой и сковородой?

- А ничего, что я не приделась к визиту? - с намеком уточнила я.

Дуглас загадочно улыбнулся и протянул мне охотничий нож, но если в его огромной лапше тот оказался зубочисткой, то в моих - настоящим оружием. Слегка успокоенная, я засунула оружие за ремень штанов и, убедившись, что сама себя не пораню, подняла голову.

- Вот. Другое дело. А теперь идем.

Къяри развернулся и уверенно зашагал по коридорам.

Мое воображение рисовало картины заселенных призраками застенков подземелий, где Дуглас обнаружил нечистую силу, на худой конец, комнату Эмиля Фаркаса, но, миновав половину Академии, мы свернули к дверям... библиотеки!

Я испытала то чувство, когда глядишь на мужчину, к которому раньше испытывала симпатию, и невольно начинаешь сомневаться в своей адекватности.

- Не смотри на меня так, - оскорбился до зубов вооруженный Дуглас, беззвучно открывая дверь и оглядываясь. - Большинство библиотекарей хуже инквизиции и чуть лучше всклокоченных девиц на распродажах.

Вздыхнув, я уверенно обогнула внушительную и такую робкую фигуру.

– Пошли, мастер Криворучко, познакомлю тебя с местными, – показала пальцами кавычки, – чудовищами.

Дуглас благодарно кивнул и нахмурился.

– Криворучко?

– Криворучко, – подтвердила я. – После вчерашнего обрушения полки я буду звать тебя только так.

– Это несправедливо, я же не один ее вешал!

Замерев в проходе между стеллажами, я подняла руку, давая знак спутнику заткнуться. Тот моментально умолк.

– Ты слышал?

– Как ты меня стебала?

Великие ветры, какие же мужики ранимые!

Пока мы молча обменивались взглядами, звук повторился. Шорох ткани, скрип половиц и что-то еще, делающее его жутким настолько, что вставали дыбом волоски на руках.

– Такое ощущение, – я сглотнула, гоня жуткие картинки, – что кто-то тащит труп по полу...

– Или ползет.

От этих слов стало не по себе.

Словно замороженные, мы замерли, прислушиваясь к шорохам. Звук повторялся с интервалом, нарастая и приближаясь. Теперь в нем можно было различить царапающие нотки, словно чьи-то ногти скользили по вытертому дереву паркета, и нечленораздельное мычание.

Первое, что пришло мне в голову, – ходячие мертвецы. Вторым закралось сомнение – он же ползет, следовательно, высказывание неверно. Ползучего мертвеца мой мозг категорически воспротивился представлять, так как весь свой материал некроманты бережно хоронили на кладбище близ Академии.

– Ы-ы-ы! – леденящий кровь звук заставил меня непроизвольно подпрыгнуть и ретироваться за спину вооруженного мужчины.

Видимо, не все добродетели делятся между близнецами поровну, потому что Дуглас тоже нервно дернулся в сторону, прячась за стеллаж. Я едва подавила желание пнуть чересчур впечатлительного дракона, из опасений угодить в капканы, привязанные к его икрам. Вот и гадай после этого, зачем вообще потребовался весь этот маскарад с боевым арсеналом.

– У-а-а!

Тонкие длинные пальцы с черным ободком грязи под ногтями вцепились в низ стеллажа. Дуглас неслышно вытащил и занес для удара топор, в просвете показалась светлая голова, припорошенная пылью.

– Стой! – едва успела проорать я, повисая на бицепсе новоиспеченного преподавателя, который не мог помнить в лицо всех студентов Академии Светлых и Темных искусств. Он не мог, а я могла.

– Студент Рокович, потрудитесь объяснить, что случилось?

Парень молча извлек из нагрудного кармана бумажку, больше смахивающую на квитанцию в лавке, и протянул мне. Разгладив малость примявшийся листок, я зачитала:

– Испортил уникальный том «Редкие пресмыкающиеся и уход за ними» под редакцией Т. Дятлова. В назидание получил полный паралич нижних конечностей сроком на три дня.

Хм... А у Таврона есть чувство юмора.

– Же-есть! – протянул дракон, выразительно поигрывая бровями, мол, я же тебе говорил, библиотекари – страшные люди.

Еще разок оглядев поверженного студента, я заметила тонкую магическую нить, сшивающую рот, и усмехнулась:

– Дай угадаю, рот тебе зашили тоже в назидание?

Парень кивнул, вновь сунул руку в карман и вытащил на свет еще один квиточек: «Не соблюдал тишину в читальном зале».

Дуглас опасливо заозирался, но присутствия духа не потерял.

– Идем.

Оставив студента по-пластунски штурмовать обратный путь до комнаты, мы двинулись дальше. Дуглас, так и не убравший топор за спину, чутко прислушивался к каждому невнятному «кхе-кхе», шелесту страниц и скрипу стульев. Я плелась следом, умиляясь видом Кьяри в боевом режиме.

В разведку с ним не пойду. Однозначно.

Дуглас крался первым, поэтому не замечал настороженных лиц библиотекарей, выглядывающих то тут, то там и вопросительно взирающих на меня, как на самую здравомыслящую в этом тандеме. Приходилось разводить руками и смущенно улыбаться, мол, сами посмотрите, кого Белозерский взял на работу.

У знакомого зеркала, где не так давно обитала противная зеркалица, мы чуток притормозили, Дуглас галантно протянул руку и позволил мне первой схлестнуться с неприятелем, в смысле пройти сквозь портал.

М-да, вот сразу видно, что не Эрг. Сразу!

В огромном прозрачном куполе-лаборатории, оборудованном по последнему слову магии и техники, все было так же.

В центре лаборатории тихонько жужжала подстанция по регуляции кислорода. Длинный ряд столов. Боксы биологической опасности. Вспомогательное оборудование. Круг для вызова и удержания иных сущностей. Лабораторная посуда. Грязная тарелка с остатками крошек. Реактивы и расходный материал.

В полу под нашими ногами виднелся квадрат люка. В прошлый раз я заметила царапины на запорах, теперь же рядом виднелось большое черное пятно, следы магии, а также реагентов. Эти промахи ехидно шептали: «Неудачник чешуйчатый, так и не смог взломать».

– Знаешь, что меня покорило в этой истории со смертью Риттера? – с места в карьер начал перенесшийся следом Дуглас. – Если у мужика есть своя тайная лаборатория, то зачем прятать схрон, вывезенный из Долины тысячи храмов, в Блуждающем ковчеге?

А правда, зачем?

– Высокий риск обнаружения? – предложила самый очевиднейший из вариантов.

– До тебя зеркалом никто не интересовался, – заметил Дуглас, уверенно опускаясь на корточки. – Что еще интереснее, до тебя никто из персонала Академии не интересовал саму зеркалицу. Более того, мы не нашли в вещах Риттера браслет переноса в ковчег.

– Хочешь сказать... – Я в задумчивости прикусила губу и замотала головой. – Нет, не может быть.

Кьяри поднял рукав, продемонстрировав хорошо знакомую вязь браслета, и опустил руку

на плиту.

– Я долго изучал ковчег. Он сделан таким образом, чтобы потакать нашим страстям. Запретным желаниям, которые преследуют в самых сладких снах...

Запоры щелкнули, открывая лаз.

Дуглас наклонился, осматривая проем, а потом поднял голову и улыбнулся.

– В это сложно поверить, но порой мужчины страстно желают не партнеров по сексу, а вот такой уединенной лаборатории. И ковчег исполняет их подсознательные желания.

В это сложно поверить, но, кажется, Дуглас только что потряс меня своим наблюдением.

Глава 14

И снова в бой

Одним плавным и очень-очень показушным движением Дуглас соскользнул в проем и мягко приземлился где-то далеко внизу. Я же подошла к краю и солдатиком ухнула вниз. В планах было просто спланировать на пол, но Кьяри решил проявить галантность. Громадные ручки, привыкшие к поднятию тяжестей чуть большего веса, чем одна сопящая от возмущения гарпия, сцапали за талию прямо в полете и поставили.

Забавно, но в прошлые посещения Блуждающий ковчег преображал наши внешности, делая неузнаваемыми, однако в этот раз не потрудился. То ли из-за того, что мы вошли с черного хода, то ли потому, что уже рассекретили друг друга, то ли потому, что пришли вместе.

Небольшая площадка, освещенная лишь квадратиком открытого люка высоко над нашими головами, никак не соответствовала помпезному убранству ковчега, но сама атмосфера телесной раскрепощенности, разлитая в воздухе, настойчиво подсказывала – мы на месте.

– Нам туда! – со знанием дела сообщил дракон, указывая в сторону темнеющей ниши.

Ниша казалась подозрительной, но за неимением иных маршрутов я решила смириться и отдать лавры провожатого единственному мужчине нашего тандема. Дуглас не обманул ожиданий и вывел к узкой винтовой лестнице.

– Не понял.

Он резко присел, отчего я споткнулась, перелетела через широкую спину и кубарем покатилась вниз. Точнее, только чудом не покатилась, успев вовремя сгруппироваться и взлететь.

Гневный вопль «Ты что, гад, творишь!» застрял в горле, так как Дуглас щелкнул пальцами, призывая крохотный шарик света, и стало откровенно некогда ругаться.

– Следы! – воскликнули хором.

– Риттер вошел в лабораторию и спустился здесь, но обратно не поднимался, – скорчил из себя эксперта Кьяри. – Думаю, воспользовался общим выходом, чтобы вернуться в Академию.

Я подняла голову, осматривая пыльные стены из пористого камня неизвестной мне породы. Кое-где паутина была сорвана и повторно затянута упитанными пауками, чуть ниже след на ступеньке оказался характерно смазан. Ветерок закружил поднятые нами пылинки.

– Он не спускался. Его конвоировали.

– Обоснуй, – потребовал спутник, изящно завуалировав «ты че несешь, женщина».

– Вот тут, тут и тут, – я поочередно ткнула в улики, – следы сопротивления. Десятью ступенями ниже валяется бумажник, по-видимому, выпавший в процессе борьбы. Предположу, что Риттера вели двое левитирующих магов.

– А может, ар-теро?

Я язвительно расхохоталась:

– Ты еще эрешкиль заподозри!

Но сомнения закрались.

Одолев лестницу, мы на цыпочках прокрались мимо «комнат для утех» (это я их так окрестила, а там кто ж знает, внутрь не заглядывали) и незаметно вышли на второй уровень общего зала для встреч.

Мы выглянули из-за угла, осматривая периметр на предмет угрозы обнаружения. Посетителей оказалось немного: человек пятнадцать. Не то опоздали к общему заутю, не то подзатынули с возвращением домой. Большая часть сгрудилась вокруг одного из диванчиков внизу, еще две парочки страстно прощались в сторонке.

– Как искать главгада будем? – полюбопытствовала я, возвращаясь в укрытие.

– Выйдем в центр и просто позовем, – предложил Дуглас, глянул в мои глаза, полные сомнений, и дополнил предложение пантомимой: ноги чуть шире плеч, руки приставлены ко рту на манер рупора, на лице маска бесстрашного воина.

Он даже набрал в могучую грудь воздуха и тихонько протянул:

– Эй! Главню-у-у-ук!

Я смирила шутника свирепым взглядом.

– Дуглас, тебе пять лет? Иных причин вести себя как идиот я пока не вижу.

– Ты просто не умеешь наслаждаться моментом, – обиделся драконище, скрещивая руки на груди. Топоры согласно звякнули из-за плеча. Ветерок, притаившийся за спиной дракона, выразительно покрутил у виска.

Великие ветра, с кем я связалась...

Покачав головой, решительно опустилась на четвереньки, прижала крылья и шустро посеменила к перилам. Мраморные балясины вычурной формы сегодня украсили гирляндами из живых цветов, поэтому немногочисленные гости ковчега даже и не подозревали о лазутчиках в храме разврата.

Дуглас последовал за мной.

Как я это поняла?

По опаляющему мой зад взгляду.

Обернувшись, зыркнула на невинно улыбающегося дракона, попыталась лягнуть, поползла дальше. Миновала еще метров пять, но мерзкое ощущение никуда не делось. Наоборот, оно только усилилось.

– Прекрати таращиться на мой зад!

Адекватные люди в подобных ситуациях смущаются и краснеют, брат Эрга не только не устыдился, но мне же еще и высказал:

– А я виноват, что тут больше не на что смотреть?!

Психанув, я села и сделала приглашающий жест, мол, иди-ка ты первый. Дуглас тряхнул светлыми волосами, намного длиннее, чем у брата, и уверенно потрусил на четвереньках дальше.

Ладно. Признаю. Кроме как на зад впереди ползущего, смотреть из такого положения действительно больше не на что.

Как-то так незаметно я впала в философствование на тему пятой точки. Кажется, в прошлом выпуске «Столичного сплетника» была статья, где говорилось, что линии кожных складок и форма ягодичек, как и отпечатки пальцев, сугубо индивидуальны. Некоторые знатоки утверждают, что по особенностям строения пятой точки, так же как и по линиям на руке, можно многое сказать о характере их владельца. У этого бреда даже название появилось – «пигомантия», ну или как-то так.

Мол, если левая ягодица больше правой, то все трудности в жизни человека позади. Если правая больше – ее обладателю еще предстоит выдержать суровый жизненный экзамен. Если попа полнее снизу – значит, у человека все прекрасно с карьерой и бизнесом. Если по бокам жирок...

Драконище притормозил и обернулся.

– Ой, вот давай без язвительных улыбочек, – вспыхнула я под его понимающим взглядом.

Ветерок, умчавшийся на разведку, вернулся обратно, сигнализируя, что мои булки ассиметричны в сторону беды.

Вскочив на ноги, я зачем-то пнула Кьяри под сами-знаете-что.

Уж не знаю, чем проникся дракон больше: пинком, воплем «Бежим!» или видом пикирующих грифонов, но вскочил на ноги, словно отпущенная на свободу пружина, и взял с места такой разбег, что даже я открыла рот от изумления. Этот легкий ступор едва не стоил мне скальпа на черепе. Не уклонись я в последнюю секунду, острые львиные когти оставили бы меня обладательницей эффектной проплешины.

– Ах ты тварь! – возмутилась я, взлетая, чтобы показать этой драной кошке с крыльями и мозгами орла, что с гарпиями шутки плохи.

Мы схлестнулись прямо в воздухе на втором уровне, вывалились в общий зал, матерясь и кувыряясь, спикировали на один из диванчиков.

Кто-то истошно завопил при виде дерущихся гарпии и грифона, после чего припозднившиеся гости спешно засобирались восвояси. Вниз спрыгнул Дуглас, умудрившись прямо в полете сложиться пополам, сдернуть с ноги капканы и швырнуть в преследующую его птичку. Жаль, взвести не успел, растяпа.

Офигевший грифон растерянно заморгал, крутя птичьей башкой в попытке рассмотреть бусы в виде двух капканов, внезапно оказавшиеся на его шее, да так увлекся, что впечатался в противоположную стену, медленно сполз на пол и осел на бок. Буду надеяться, что эта зверушка вышла из строя, потому как ее подружка активно портила мне нервы и обивку мебели.

Грифоница (а я крыло готова дать на отсечение, что эта сволочная особь женского пола) била крыльями, рвала когтями спинку дивана, за которой схоронилась жертва этого произвола, и истерично кудахтала. И вот не будем сейчас вдаваться в детали о том, что орлы не курицы, кудахтать не умеют. Как по мне, клекотом эти звуки тоже не назовешь.

Связав лапы своего противника, Дуглас кивнул кому-то из стремительно улетающих гостей Блуждающего ковчега и деликатно кашлянул.

– Марсия, помощь нужна?

– Да уж как-нибудь сама... – пропыхтела я, изворачиваясь и прицельно пиная грифоницу в грудь.

Попала, но, судя по всему, от удара пострадала лишь моя отбитая пятка.

Справедливость, ау! Ты вообще в курсе о существовании Марсии Браун?

Воспользовавшись оплошностью, птичка-котик просунула переднюю лапу в щель между стенкой и диваном и сцапала мое крыло. Я взвыла от боли.

– Точно не нужна? – осведомился спокойный, как йог в позе дерева, Дуглас.

Никогда бы не подумала, что такое скажу, но, кажется, мне жизненно не хватает Эрга!

– Нет! – рявкнула в ответ на предложение.

Злость и досада сотворили чудо. Я умудрилась ударить грифоницу кулаком (магия против этих чудовищ, увы, не работала), бодрым ужином выползти из укрытия, ставшего ловушкой, и выхватить одолженный у Дугласа охотничий нож.

– Кровь не забудь потом стереть, – менторским тоном заявил драконище, оборачиваясь в сторону распахнувшихся дверей, где уже толкалась шестерка до зубов вооруженных мужчин.

Мы с грифоницей обменялись пылкими и жутко неприязненными взглядами, после чего я подпрыгнула и взлетела.

Эх... А ведь могла бы сейчас сидеть на кафедре Темных искусств и составлять с Эргом расписание. Или репетировать с охламонами выступление на студенческую весну. Нет! Уж лучше психованные грифоны, чем бумагомарательство под руководством декана или вопли студентов, репетирующих переделку академического гимна.

– Подходи по одному! – гаркнул улыбающийся безумец, в смысле мой напарник по вылазке в стан врага.

Враг переглянулся, сгрудился и, доказывая, что не дурак, напал всем скопом. Зазвенели клинки, полетели искры, пострадала мебель.

У меня дела шли чуть лучше. Оказавшись в родной стихии, мы с грифоницей принялись играть в догонялки с элементами высшего пилотажа. В процессе сбили люстру, шмякнувшуюся аккуратно на дерущихся снизу (Кьяри, сволочь неблагодарная, даже спасибо за своевременную помощь из себя не выдавил), разнесли витраж с целующимися голубками и обрушили несколько доспехов.

На адреналине заложив крутой вираж – сама от себя такого не ожидала, – я рванула меж колонн и полетела по площадке второго уровня. Места для маневров здесь было меньше, зато вещей, подлежащих уничтожению, предостаточно.

– Сейчас! – приказала союзнику.

Ветерок воинственно загудел и метнул в грифоницу горшок с георгинами. «Птичка» подавилась цветами, явственно доказывая, что не все женщины в восторге от букетиков. Следом вражину огорошило пущенное уже мною кашпо с фикусом. Денежное дерево грифоница отбила когтистой лапой, а вот горшок с незабудками, кинутый следом, попал точнехонько в глаз. Тварь покосилась на меня уцелевшим оком и прокудахтала, что не забудет этой подставы.

– Жизнь – боль, милочка! – Я не стала щадить ее нежных чувств и снова атаковала.

Цветочные гирлянды, украшавшие балясины, обвили львиные лапы на манер лиан, а удар кулаком по наглому рылу, простите, клюву, помог утратить шаткое равновесие. Монстр повалился на площадку второго уровня, издав сдавленное бульканье.

Решение закатать поверженную тушу пришло спонтанно. Я бы предпочла закатать эту тварюшку в бетон, но под рукой оказалась только ковровая дорожка. В процессе грифоница очухалась, почувствовала себя героиней застольной истории «Как Шурик невесту воровал» и от экстаза впала в нирвану с последующим обмороком.

Дав «пять» ветерку, я на всякий случай перевязала получившийся рулон шнуром, невесть как подвернувшимся под руку, и перегнулась через перила.

– Дуглас, тебя там еще не прибили?

– Твоими молитвами, Марсия! Твоими молитвами.

Судя по трем кровоточащим ранам на торсе, бедре и правом предплечье, утерянным в пылу сражения топорам и шестерым предвкушающе оскалившимся противникам, окружившим дракона, молилась я из рук вон плохо.

Делать нечего – придется спасать.

Эх, посторонись, народ! Гарпия мчит на выручку.

Прямоходящие никогда не смотрят наверх, ну, за исключением случаев, когда срочно нужно поматерить богов. Прямоходящим вообще не свойственно отрывать взгляд от земли. Прямоходящие...

В общем, сами виноваты!

– Получи, солдат разврата, в лоб от пролетариата! – скандировала я, обстреливая местную охрану вазами, статуэтками и прочим декоративным хламом, якобы создающим интерьер.

Ветерок так вообще поднатужился и обронил на одного из неудачников натертые до блеска доспехи. Неудачником оказался Дуглас.

– Марсия! – взревел тот, потирая пострадавший затылок.

Ну вот, опять я виновата.

Честно попыталась обидеться, но Эрг не поймет, если обратно в Академию я притащу бездыханное тело его братишки. Представляю, как глупо будет звучать моя оправдательная речь, начинающаяся с фразы: «Мы пошли в библиотеку...»

– Хватит.

Трое из шести оставшихся в сознании и на ногах воинов моментально отступили, давая возможность невысокому мужичку в костюме цвета пыли выйти вперед и оглядеться. На вид он был кем-то средним между учителем математики и бухгалтером. Выпуклый животик нелепо сочетался с худым телом и колыхался при каждом шаге. Будь он карикатурой на человека, я бы не имела претензий, но собеседник претендовал на звание «мировое зло», что всерьез удручало.

Не дав никому опомниться или завести пространных речей на тему «вот истинная подоплека моих злодейских поступков», ваша покорная слуга прыгнула вниз, метя одолженным Дугласом ножичком в горло жертвы.

Я как думала: пораню – хорошо, убью – не страшно. Если это джинн, заключенный в человеческую оболочку, то он станет свободным. Если это наш, как выразился Кьяри, «главнюк» – ура, товарищи, мы свободны. Если обычный маг...

Ладно, так далеко моя мысль зайти не успела.

Оттолкнувшись, я спикировала вниз, затмив этим пируэтом даже атакующего сокола, но мужчина встретил атаку со скучающей миной привыкшего ко всему существу. За него отреагировали телохранители, сумев отбросить меня в сторону простеньким ударом магии и выставить щит.

Неуклюже уклонившись от оцетинившихся клинков, я столкнулась с Дугласом, и мы оба рухнули на подушки ближайшего дивана. Того самого, что драла когтями грифоница.

– А-а-а... – насмешливо протянул собеседник, разглядывая нашу копошащуюся пару. – Дуглас Гай Кьяри и Марсия Браун, Память народа ар-теро. Я бы сказал, что рад встрече, но не хочу вводить вас в заблуждение. Признаюсь, я до последнего верил, что познакомлюсь с вашим надгробным камнем, а не встречусь вживую.

Я торопливо слезла с дракона, гордо выпрямилась, готовая фонтанировать красноречием и жалить ядом, но мужчина небрежно взмахнул рукой, и я вновь отлетела на мягкие подушки.

– Сидите-сидите! Не хочу, чтобы кто-то впоследствии обвинил меня в негостеприимстве, – заявил этот гад, устраиваясь в кресле.

К слову, обитое бордовым бархатом кресло стояло на расстоянии. Где-то метров пять, не меньше. Осторожничают, гад.

– Что ж... – «мировое зло» закинуло ногу на ногу и благожелательно кивнуло. – Полагаю, на то есть очень веская причина, мое подсознательное желание, чтобы все случилось именно так, а не иначе...

Его взгляд впервые встретился с моим. И если глаза действительно зеркало души, то сейчас я отчетливо видела многолетнюю пустоту.

Глава 15 Маски сброшены

Я оказалась в логове врага, да еще в сомнительной компании дракона, парализованная незнакомым заклинанием, но все, о чем могла думать – ни одно существо не должно жить так долго, как то, что сидело напротив.

Мужчина не выглядел пугающим, безумным или отталкивающим, и это было хуже всего. Морщинки философа, полуулыбка созерцателя, мягкость речи... Нам подсунули какого-то неправильного злодея!

– Меня зовут Ярима, но вы можете знать меня по первому имени, Кариан, – представился мужчина, закидывая ногу на ногу и расстегивая пуговицы пиджака цвета пыли. – Я расскажу четыре истории, а после дам вам шанс сделать выбор.

– Ну, вообще-то... – Я выразительно скривилась и посмотрела на Дугласа. – У меня репетиция, расписание и лекция через полтора часа...

– А у меня покер с завхозом, – вставил дракон.

Я нахмурилась, но от комментариев воздержалась, однако взгляд оказался куда как красноречивее.

– И не смотри так! – поежился Дуглас. – Я только-только прибыл. Мне еще не выдали расписание.

– Может, сговоримся на одной истории вместо четырех? – вернулась я к источнику проблем. – Или вы просто озвучите причину глубокой ненависти к моей нескромной персоне?

– Вы обездвижены, – с мягкой улыбкой заметил Кариан. – И это не переговоры.

В качестве подтверждения собственной неуязвимости один из «солдат разврата» перекочевал ближе и замер с невозмутимым видом, словно в почетном карауле.

– История первая: возмутительная, – начал Кариан. – Я родился и вырос во времена Соломена. Довольно быстро тот приблизил меня и дал почетную службу во дворце. Я был молодым глупцом, наивно верящим в любовь и чистоту помыслов. На моих глазах Соломен украл сердце Королевы Джиннов сказками о любви. На моих глазах мудрейший из царей растоптал любящую его женщину бесконечными изменами. На моих глазах он распорядился ее властью, сделал джиннов рабами. Последней каплей стало заключение Шахры. Чаша моего смирения переполнилась, поэтому я предпочел уйти. Долгое время я скитался от города к городу, пока не пришел в Халиш-дор, современное название...

– Шалиссия, – на автомате закончила я.

Кариан по-доброму улыбнулся и кивнул.

– С этого начинается моя вторая история: трагичная... Позвольте мне быть честным: я выполнял множество приказов царя Соломена. Карал, миловал, обирал до нитки бедняков, давал взятки знатым семьям. Я не был святошей, однако судьба смилостивилась и свела меня с самой доброй женщиной на материке. У меня появилась семья, домик, четверо наследников, внуки, а после и правнуки. Я был безнадежно стар, когда одуроченные джинны раскрыли обман царя и пришли отомстить. Не знаю, почему джинны желаний вспомнили обо мне, видимо, заслужил, но, явившись в мой дом и поняв, что я готов к смерти, они лишили меня возможности умереть.

Скосив глаза на единственного свободного члена нашей сомнительной вылазки в логово врага, я мысленно призвала его. Ветерок понятливо скользнул по щеке и волосам, поднялся к потолку и умчался за помощью.

Что ж. Сложим руки и помолимся, чтобы Эрг оказался сообразительным и не сунулся сюда в одиночку, а Кариан пел соловьем так долго, чтобы команда спасения успела на выручку.

– Дело в том, – меж тем продолжал разглагольствовать Кариан, – что человек не создан

для того, чтобы жить вечно. Я оказался заперт в разлагающейся плоти без шанса закончить это мучение. В ход пошли самые мощные заклинания, поддерживающие тело, но по мере старения становится все труднее и труднее удерживать все системы в рабочем состоянии. В какой-то момент все начинает ломаться быстрее, чем ты успеваешь чинить. Но я не прекращал своих попыток и на протяжении столетий успел испробовать массу различных способов, пока не постиг науку переселения.

– Вы начали красть из больниц тела магов, впавших в глубокую кому, – неожиданно подал голос Дуглас. – У спящих уровень ментальной защиты ниже, и при желании личность легко вытеснить.

– У меня не было выбора.

Язвительный смешок сорвался с моих губ.

– Вам это кажется забавным, госпожа Браун?

– Я нахожу это самым скверным способом оправдаться. «У меня не было выбора», – передразнила я его вкрадчивые нотки мудрейшего из учителей, надо сказать, очень достоверно изобразила. – Да я лучше умру, чем стану убивать магов и вселяться в их тела!

Кариан подался вперед, оперся локтями на ноги и чуть сузил омертвевшие от времени глаза.

– Забавно, что люди говорят: «я лучше умру». Ведь в действительности на это никто не пойдет. Просто никто не знает, на что готов пойти, оказавшись перед ликом смерти. К тому же, – он слегка пожал плечами, – очень легко решиться на убийство того, кто вряд ли очнется.

– Хорошо, – я тоже подалась вперед, чувствуя, как неохотно отпускает обездвиживающее заклинание, – допустим, что это так, что у вас не было иного выбора и вы сражались за жизнь. Но, опробовав свой метод с переселением, вы не остановились. О нет, вы усовершенствовали его и начали ловить джиннов.

– Это так.

– Тогда вы очень глупый и эгоистичный мудака, который пытается оправдаться, рассказывая нелепые истории, – жестко припечатала я. – Потому что, имея в своем распоряжении бессмертие, вы не сделали для этого мира и его обитателей ничего хорошего. Не-е-ет, вы потратили дарованное вам время на глупую месть и обретение власти.

Мои слова не задели Кариана, зато «солдат разврата» отреагировал на тираду куда как лучше. Я гулко сглотнула, обескураженно косясь на приставленное к горлу острие меча, и непроизвольно задержала дыхание. Отсветы огоньков люстры бликовали на серебристой поверхности, металл холодил кожу, даже не касаясь.

– Позвольте рассказать вам третью историю, госпожа Браун. Ее вы оцените намного выше, так как она в высшей степени поучительная.

– И рада бы возразить, но вы умеете заставить себя слушать, – проворчала я.

Один небрежный жест рукой, и меч от моего горла убрали.

– Я никогда не искал мести. Я искал предназначение. Свой путь, – поделился собеседник. – С обретенным бессмертием появилась настойчивая мысль, что это неспроста. Мне казалось, я могу как-то улучшить мир. И я пытался. Пытался до тех пор, пока осознание, что все мои потуги тщетны, не обрушило меня на колени. Жизнь всех разумных существ движется по кругу, им даются сотни одних и тех же испытаний, но правда в том, что никто ничему не учится. Прошлое забывается со стремительностью уходящего лета, и нет в целом свете никого, кто исправил бы это.

Его сосредоточенный взгляд встретился с моим.

– Вы же преподаватель, Марсия, вы как никто понимаете, что человека невозможно

научить, если он сам не захочет. А мы не хотим. Каждое новое поколение отмахивается от наставлений предков, считая себя достаточно умными, чтобы творить собственную судьбу. Наша цивилизация в тупике. И я единственный, кто попытался найти из него выход.

Дуглас как-то очень подозрительно засопел и вновь заерзал. Я же закусила губу и нахмурилась.

– И поэтому вы так настойчиво пытались убить меня?

– Нет, Марсия. Нет. – Кариан растянул губы в оскале доброго дедушки, малость чокнутого, но любимого. – Более того, я всегда считал, что вы как никто поймете всю гениальность моей задумки заставить умы невежд мыслить чуть шире, чем треугольник «работа – дом – кровать». Но все по порядку...

Кариан громко хлопнул и потер сухие ладони друг о друга. Одновременно с этим очухался грифон, выведенный из строя Дугласом еще в начале схватки. Чудо-птичка поднялась на дрожащие лапы, махнула крыльями, издала восторженный клекот и побежала к хозяину.

– История четвертая: обличительная, – продолжил хозяин ковчега. – Вы не первые, кто смог добраться до меня. Совпадение или нет, но прошлым моим противником также оказался представитель ар-теро, пришлось избавиться от него. К несчастью, я не учел, что ар-теро заводят союзников, которые возвращаются обратно. Пришлось придумать способ избавиться от Хранителей истории.

У меня затряслись руки от возмущения, а голос воинственно звенел, когда я выпалила:

– Вы хладнокровно уничтожили большую часть Памяти, охраняемую моим народом, убили невинных, лишили нас дома, лишили нас статуса разумной расы. Разве это справедливо?

На лице собеседника появилось задумчивое выражение с легкой примесью досады, какое бывало у меня всякий раз, когда кто-то из охламонов нес откровенную чушь.

– Справедливость всего лишь иллюзия, Марсия Браун. Богатые и бедные. Победители и проигравшие. Умные и дураки. Честные и коварные. У кого-то всегда больше преимуществ. Всегда. Я не стану отрицать, что это решение далось мне нелегко. Но такова цена, которую платит всякий, кто желает обрести больше могущества, чем мир готов ему дать.

– Зачем вы убили Риттера? – вступил в беседу Дуглас.

– Он не согласился сотрудничать, а я не оставляю свидетелей, – холодно ответил тот, поглаживая прихромавшего к хозяину грифона. – Мои стражи привели его, но этот изворотливый уж успел припрятать схрон с местоположением Шахры и сбежать. Пришлось применять живой оттиск памяти.

– А чем вам помешал Даркин? – снова Дуглас.

– Дракон начал слишком сильно интересоваться ковчегом, один из джиннов запаниковал и... – Кариан развел руками. – Нелепая случайность.

Я не ослышалась? Нелепая случайность?

Ха! А ничего, что этот паникер притворился мной? Не вступишь тогда Эрг за невиновную гарпию, свора драконов смерти разорвала бы меня на кучку перышек прямо там, на площади!

– А на Марсию вы почему покушались?

– К этому моменту она уже изрядно меня раздражала, но дел было много, поэтому я не слишком усердствовал с ее устранением.

Не слишком усердствовал? Seriously?!

Ну все. Я зверею.

– О да, Марсия умеет влюблять в себя! – хохотнул Дуглас, уклонился от моего карающего локтя и быстренько сменил тему: – Среди студентов были ваши осведомители?

Правду мы так и не узнали.

Не дав собеседнику и рта раскрыть, на присутствующих обрушился Эрг Гай Кьяри. Крылья, грозный оскал, пламя заклинаний на ладонях. Следом высочил мой верный союзник, брэнча заново извлеченными из тумбочки разукрашенными костями и грозно скалящимся черепом.

На их фоне Григорович в спортивном костюмчике казался совсем не страшным, а уж в миловидной девушке, наряженной в легкомысленное платье с мелким цветочком по подолу, так и вовсе никто не углядел боевой единицы.

И зря.

– Не тронь мою подружницу! – звонко пропищала Шахра, и стены ковчега задрожали.

Видать, наше с Дугласом предположение о Блуждающем ковчеге было верным, и дворец – это один из джиннов, вставший на службу к Кариану, потому что пол пришел в движение, диваны, в том числе и тот, на котором сидели мы, подскочили и нанесли массовый удар по неприятелю.

Куда делся Дуглас, я так и не поняла, потому что на правах самой легкой меня вышибло при ударе и унесло в противоположную сторону.

Столкновение головы и пола было стремительно-болезненным. В глазах померкло, из легких вышибло воздух, а правое крыло, уже пострадавшее от когтей грифоницы, неудачно подломилось. И я бы с удовольствием повалилась бы вот так, давая возможность друзьям повоевать во славу мира и справедливости, но практика показывает, что я не нравлюсь даже в полубессознательном и покореженном состоянии.

– Держу! – заявил солдат разврата, сцапав меня за ногу.

Я машинально лягнула, но позорно промазала, а изловчившийся гад плюхнулся сверху и начал заламывать руки.

– Дорогая, ты как? – послышался ревнивый голос Эрга, и посягнувший на мою свободу и тело противник улетел в прямом смысле этого слова.

Шахра произнесла несколько слов на незнакомом певучем наречии, и воздух запах озоном. Над головой пронесся ветерок, завывая и отстукивая костями похоронный марш. Но то ли слух подкачал, то ли там всплыли проблемы с ритмом, поэтому мелодия больше походила на лихую пляску воинствующих народов.

– Уже появился задор верстать расписание репетиций?

– Это вряд ли, – проворчала я, поднимаясь.

– Тогда посиди. Мы быстро, – заявил драконище, срываясь на бег.

Ага, сейчас!

Выхватив оружие, имевшееся в моем арсенале, а именно нож и зверское выражение лица, я помчалась наперерез солдату разврата, наседающему на джинну.

– А-А-А!!!

Сверкнуло лезвие, противник испуганно шарахнулся и вскрикнул, прижимая ладонь к окровавленному плечу. Впрочем, этот звук прозвучал для моих ушей сладкой музыкой.

Да, возможно, я не слишком хороший человек, раз с такой радостью бегу калечить людей.

Предаться мукам совести помешал очередной противник. Грифон напрыгнул сверху,

свалив на пол, и замахнулся лапой, метя когтями в горло. Расправе над гарпией помешал ветерок, со всего маха обрушив на орлиную голову человеческий скелет. Львиные лапы подкосились, туша сделала два пьяных шажочка в сторону и рухнула.

Мне даже не дали эффектно поставить ножку на тело поверженного врага и победно вскинуть руку, запечатляя этот момент в памяти.

– Умри, гарпия! – закричал восставший после головокружительного полета солдат разврата.

По правде, он выкрикнул другое слово (я не стану повторять этот неприятный эпитет ни вслух, ни тем более письменно), чем знатно выбесил.

Я отважно занесла руку с кинжалом и зашвырнула его прямо... мимо цели! Нож улетел в стену, погрузившись по самую рукоять, да так там и застрял. Лишь чудом пригнувшийся Дуглас зыркнул на меня зелеными глазами и одним ударом добил противника.

Будучи военным историком, я моментально сообразила, что пора применять план Д. Делать ноги.

Уклонившись от идущего в атаку мужчины, перелетела через опрокинутый диван, быстро оглядевшись, схватила бронзовый подсвечник и заметила Кариана. Мировое зло скучало в сторонке, наблюдало за происходящим с интересом деревенской бабки, следившей за вышагивающими по двору курами.

Вероятно, меня покусала больная блоха, заразив неоправданным геройством, потому что ваша покорная слуга, всегда считавшая себя дамой разумной, рванулась на неприятеля, вопя и размахивая подсвечником. Кариан удивился моему порыву не меньше.

Он присел, пропуская над головой бронзовое оружие, встал, снова присел, пропуская очередной удар, выкрикнул:

– Я проклят. Я не могу умереть.

– Но боль-то чувствуешь! – справедливо заметила я.

Враг дрогнул, отступил под натиском, отступился на подвернувшемся под ногу кубке, вскрикнул и начал заваливаться назад. Машинально ухватившись за подсвечник, он потянул меня следом, и мы дружно рухнули на сияющий доспех рыцаря.

– Марси! – дружно взревели оба Къяри и бросились на выручку.

Но я уже пришла в себя и быстро слезла с внезапно побелевшего Кариана.

– Это так нелепо, – выдавил тот.

Да, зрелище было действительно странным. Мужчина в пыльном костюме лежит на доспехах, трогательно прижимая к груди подсвечник. На бескровном лице ни тени ужаса или боли, только удивление, возведенное в бесконечную степень. На пиджаке медленно растекается пятно. А рядом сижу я и в ужасе таращусь на торчащий из его груди штырь металла, пробивший грудную клетку.

– Да как же это...

Сказать, что я в ужасе, все равно что обозвать ураган легким бризом.

– Крепление, на котором держались доспехи, – зачем-то поясняет Кариан и рвано, со всхлипом набирает в грудь воздух. – Как думаешь, в этот раз она придет за мной?

– К-кто?

Подбежавший Эрг обнял, заставив подняться на ноги. По другую руку замер Дуглас, а чуть в стороне остановилась джинна.

– Я отменила волю духа желаний, подарившего бессмертие, – тихо прошептала она.

– Да... – Кариан посмотрел куда-то в потолок и задумчиво произнес: – На то есть очень

веская причина: мое подсознательное желание, чтобы все случилось именно так, а не иначе...

Он улыбнулся и прикрыл глаза.

– Будь готова, девочка. За меня отомстят.

Говорят, смерть не приходит мгновенно, но в иных случаях она бывает милосердной и протягивает руки навстречу. Кариан в последний раз выдохнул, и больше его грудная клетка не поднялась.

– Все кончено? – уточнил Дуглас, наклоняясь над трупом.

Я опустила взгляд на свои руки. Кровь выпачкала их обвиняюще красным.

– Все хорошо. – Эрг развернул меня к себе, заставил спрятать голову у себя на груди и крепко обнял. – Все кончено.

Хотелось бы поверить дракону, но я-то знала...

Глава 16

Буря возмущенных

У кого-нибудь возникало ощущение величия и принадлежности к королевской семье при одном взгляде на хрустальную люстру?

А я вот, знаете ли, прониклась. Да еще конкретно так.

Стояла, глядела на этого хрустального монстра и не могла прийти в себя.

Трехуровневая, богато украшенная множеством подвесок сложной формы и дизайна. Шедевр свисал с потолка на позолоченной цепи, перевитой гибкими стеблями лозы. Немногочисленные магические огоньки, спрятанные где-то во внутренностях гиганта, терялись в отражениях хрустальных граней, бликовали на поверхностях из муранского стекла и поражали воображение игрой света в кристаллах Поповски.

Окажись на моем месте коллекционер, к вещице бы уже приценивались. Историк бы давно лез по стремянке, чтобы определить эпоху создания и перерисовать клеймо мастера. Вор прикидывал бы, как эту махину вынести из здания. Охламоны озадаченно пересчитывали длинные подвески, Олаф плевался из трубочки жеваной бумагой, заставляя люстру истерично петь.

О чем в эту секунду думала скромная преподавательница Марсия Браун?

Я с нажимом массировала виски и мысленно, но очень проникновенно материла эрешкиль. Чтоб ей там икалось!

Чем вообще Дилейра думала, давая в аренду этого хрустального монстра? А в вырез чьего декольте таращился Корсак, ревностный хранитель стремительно скудеющей казны ар-теро, раз позволил такому случиться?

– Ты не посмеешь! – вывел меня из созерцания гневный вопль.

Пришлось опустить взгляд и сконцентрироваться на потасовке. А та стремительно набирала обороты и повышала градус кипения.

– Ты мало знаешь обо мне! – рявкнул в ответ Ронни, вынимая меч из ножен.

Замах, стремительный полет клинка, и отчаянный женский крик «Нет!» Перепачканный в саже Эрг бросается наперерез племяннику, но опаздывает. Лезвие обрушивается на шею осужденной, слышится смачное чавканье, и голова с двумя тугими рыжими косами падает на пол.

Декан в панике посмотрел на меня.

– Зачем... – произнесла одними губами.

– Зачем ты сделал это, – подхватил фразу этот склеротик и упал на колено. – Теперь же все пропало.

В потрясенной тишине Ронни самодовольно улынулся, выпрямился и победно вскинул клинок над головой. Несколько алых капель упали ему на лоб и заскользили вниз, навеки делая из невинного юноши беспощадного убийцу.

Дракошка дернул крыльями носа, прогоняя чересчур наглую каплю, но та продолжила маршрут и опустилась в уголок губ. Ронни быстро слизал сироп, остался крайне доволен дегустацией, после чего вытер с клинка бутафорскую кровь и сунул испачканный палец в рот.

– Стоп, стоп, стоп! – не выдержала я.

Репетиция шла уже второй час, а мы так ни разу и не доиграли до конца свое выступление. Время поджимало, группа Юлаи уже подпирала двери зала, периодически заглядывая с вопросом: «Вы всё?»

А мы не всё. Даже близко.

Я сидела в центральном проходе зрительного зала в окружении пустых бархатных кресел, усаженная на трехногий табурет, который невеста откуда приволок Олаф.

Голова гудела от обилия мыслей, желудок настойчиво просился в столовую, намекая, что с удовольствием слопаёт даже кашу-малашу-суп, что плюхнут в тарелку повара на раздаче. Голос сел от многочасовой ругани на повышенных тонах в адрес недоактеров.

– Так, друзья мои...

Я встала и подлетела на пару метров, чтобы стоящие на сцене и за кулисами могли разглядеть своего недовольного режиссера.

– Это куда не годится. Худшей генеральной репетиции и придумать нельзя! Олаф, почему люстра до сих пор не убрана? У нас лесная опушка, а не праздничный зал. Следи за сценарием, ты должен подтянуть эту хрень хрустальную ещё в конце третьей сцены!

Бархатный фальшпортал заколыхался, являя всклокоченно-пыльную голову Яна.

– Госпожа Браун, – торопливо начал он, нервно оглядываясь назад, – там это... Короче, трос перекрутился, а Олаф полез поправлять, зацепился за софит и повис. Но вы не волнуйтесь. Мы с парнями уже придумали, как снять его оттуда.

Я прикрыла глаза и попыталась подумать о чем-то жизнеутверждающем. Например, о том, что завтра вечером этот кошмар окончится и я смогу выдохнуть. А пока собралась и за работу!

– Ладно, – имитируя бодрость, продолжила я и уставилась на Ронни. – Кьяри, еще раз слизнешь варенье с клинка, и мир недосчитается одного дракона.

– Так вишневое! – попытался оправдаться тот.

– Так, понятно! – махнула я рукой. – Ответственные за реквизит, вам задание. Сгоняйте на кухню и попросите красного перца. Добавим перчинку нашей злобной ведьме. Кстати, подберите голову, пока на нее никто не наступил.

Из левой кулисы выбежал взмыленный Минька и поднял «отрубленную» голову, собственноручно позаимствованную из музея некромантов. Любовно поправив искусственные косы, парнишка умчался со сцены, остальные актеры передвинулись в правый угол.

– Продолжаем! – хлопнув в ладони, скомандовала я, оставаясь на занятой высоте. Садиться уже не имело смысла, да и не усажу я больше на этой колченогой рухляди.

Сцена прокрутилась, являя зрителю новые декорации. Тревожно пропели свирели. Из кулисы рванулась Галочка с огромным колоколом в руках, но споткнулась о подол длинного балахона. Девушка пискнула испуганной мышкой, взмахнула руками и... колокол полетел вверх.

Люстра! – екнуло мое сердечко.

А набатный колокол летел по изящной дуге, метя напрямик в варварски дорогое великолепие. Повинуясь приказу, ветерок кинулся отклонить полет. Гриц, назначенный на роль Древа Судьбы, тоже взмахнул руками-веточками. Два заклинания столкнулись, срикошетили и унеслись кто куда, так и не достигнув цели. Ронни попытался сбить колокол, но тоже промазал.

Чертов колокол продолжал полет. Невольные свидетели затаили дыхание и ждали неминуемого «брямц», когда декан кафедры Темных искусств лениво повернулся и выбросил вперед левую руку. Его скорости позавидовал бы любой гепард, а точности броска – кобра. Да что там, движение было настолько смазанным, что я заподозрила мгновенную телепортацию.

Набатный колокол, пойманный в паре сантиметров от цели, в тщетной попытке дотянуться мазнул по воздуху медным язычком, но не преуспел. Потревоженные

порывом воздуха подвески возмущенно заколыхались, а я наконец вспомнила, как дышать.

Ветра, если после генеральной репетиции и спектакля все останется целым, то, клянусь, я вот прям с утра пораньше схожу в храм и сделаю подношение.

Пока я давала обещания невидимым богам, спаситель хрустального монстра и моей нервной системы передал Галочке колокол. Та подбоченилась и, помня главное правило спектакля – доигрывай при любом раскладе, пропела лирико-драматическим сопрано:

– Погиб! Погиб геро-о-ой. Не вынес смерти он любимо-о-ой.

Галочка бойко притопывала ножкой в такт песни, напрочь позабыв о длине грязного балахона, зато подол не пожелал быть забытым. В очередной притоп раздалось неминуемое «кхр», и ткань порвалась.

И ладно бы клятый балахон разошелся где-то по шву. Нет! Вопреки всякой логике и законам мироздания ткань поехала снизу вверх, перечеркнув змеящейся линией юбку аж до самого бедра.

– О горе нам. О горе! – допела невозмутимая Галочка и, щеголяя голыми ножками в новообразовавшемся вырезе, степенным шагом полуголой монашки удалилась за кулисы.

У меня задержался глаз.

Почему? Ну почему все так хреново?

Грохоча сапогами, на сцену хлынула переодетая стражей массовка. Впереди, перепрыгивая через тела врагов, под аккомпанемент тревожной музыки бодро скакал Эрг Гай Кьяри. Он уже успел нацепить бумажную корону и накинуть на плечи мантию. Последняя была откровенно коротка и едва прикрывала плотно обтянутые штанами накачанные ягодичы, но иной для такой высоченной туши в гримерке попросту не нашлось.

Обезумевший король весело хохотал, парируя удары, и нарезал круги. Один. Второй. Третий. На четвертый круг этой свистопляски до меня дошло, что некто, не будем называть декана по имени, или чересчур увлекся игрой, или забыл начало реплики. Причем второе вероятнее.

Я уже сама собиралась остановить это безумие, но со стороны черного хода что-то рвануло.

– Олаф! – рявкнула зло.

– Это не я! – раздалось откуда-то с потолка. – Я все еще висю. Вишу... Подвешен.

В доказательство его слов запасные двери, ведущие на улицу, а не в просторный коридор и фойе, полыхнули и вылетели. Пригнувшись, чтобы пропустить над головой горящую створку, я разогнала рукой дым и уставилась на пятерку подозрительных типов.

Ну-с. И кого там нелегкая принесла?!

Первоначальная мысль, что это боевики вновь решили наплевать на расписание репетиций и прорываются в репетиционный зал с боем, развеялась вместе с дымом, едва я присмотрелась к одежде типов. Прокопченная, покрытая пылью и ошметками паутины (и где они только лазали?) черная форма отряда личной сотни короля выдавала мужчин с головой, а надменные взгляды мордovorотов подтверждали причастность к боевой элите не хуже официальных грамот и печатей.

Сребробородый мужчина с нашивкой старшего откашлялся и, видать, проникся великим театральным духом, потому что выпятил грудь и патетично проорал:

– Пришел твой час последний!

Нет, ну как сговорились, честное слово.

– Мужчина, вы нам мешаете, – сказала я строго. – У нас тут, знаете ли, репетиция серьезного мероприятия, а не проходной двор.

Пятерка опешила.

Пользуясь неминуемым замешательством, я мельком проконтролировала процесс тушения выбитых дверей, а потом обрушила режиссерский гнев на Кьяри, замершего в окружении массовки:

– Эрг, сколько можно забывать слова!

– Я, между прочим, декан, – возмутился тот. – У меня, знаешь, сколько под конец года бумажной работы скопилось: контрольные, зачеты, практики, лекции, еще и расписание со всеми согласовать...

– Тебе было дано две недели и восемь несчастных реплик! Как ты завтра выступать планируешь?

Декан невозмутимо пожал плечами.

– Шпаргалку напишу, – сказал он как о чем-то само собой разумеющемся.

Я сузила глаза, старательно сдерживая порыв подлететь и от души пнуть драконище. Нет, ну какой пример он подает моим охламонам! Знала бы, что кое-кто так безалаберно отнесется к своей роли, то попросила бы ректора. Нет, к Белозерскому лучше вообще не приближаться. Обратилась бы к библиотекарям или к персоналу.

– Эй! – вновь обратил на себя мое внимание мужчина. – Мы пришли отомстить за смерть нашего доброго друга.

И почему все приходят только ради мести? Хоть бы кто пирожок принес!

– Господа, здравствуйте!

Откуда-то из задних рядов зрительного зала, точно черт из табакерки, выскочил Григорович, на ходу извлекая из кармана блокнот и кипу бумаг.

– Прошу сформулировать предлог для мести и поставить росписи тут, тут и тут. После чего я проведу собеседование и выдам вам уникальный номерок.

– Зачем? – опешил главарь.

– Очередь, друзья мои! У меня уже целый список жаждущих поквитаться с госпожой Марсией Браун.

Я шутливо раскланялась, наслаждаясь растерянным видом пятерки мстителей.

Идея защитить меня вот таким странным способом принадлежала Эргу. Едва пыль и грязь в зале ковчега улеглась, он заявил:

– Марсия Браун, вы нанесли мне смертельное оскорбление, которое можете смыть только кровью.

Я даже пригорюнилась.

– Эрг, тебя по башке не били, нет?

– По закону о личной вендетте, принятой на материке, я имею право первым вызвать вас на дуэль. Все последующие оппоненты, имеющие к вам претензии, обязаны уступить мне и дожидаться поединка или довольствоваться вашей смертью от моей руки. В противном случае их покарает закон... и, – Эрг ухмыльнулся, – драконы смерти.

Пока я стояла с открытым ртом и хлопала глазами, Дуглас радостно вскинул руку и выпалил:

– Чур, я второй!

Третьей в очереди на защиту оказалась Шахра, четвертым явно не из гуманных соображений стал ректор (ветра, как же он орал и возмущался, узнав о наших подвигах), пятым – владыка, шестой – эрешкиль, седьмым – Корсак...

А дальше пошло-поехало.

– Сто сорок девятыне! – не то возмутился, не то восхитился пришедший за головой гарпии воин.

– А что делать? – развел руками Григорович. – Я сам семьдесят седьмой. Хех, топорики! Кстати, госпожа Браун, Белозерский велел немедленно вызвать к себе студента Углежа.

– Олаф?! – рявкнула я.

За кулисами что-то с грохотом обрушилось.

Глава 17

Предатель

Репетицию пришлось завершить. У меня дико болела голова и ворчал от голода желудок, но бросать Олафа одного не позволял принцип. Принцип гласил: «Не дам в обиду охламонов». Плюс ко всему я переживала, что грабли ничему не учат, и ситуация с Григоровичем, который подсунил студентам договор, а те подмахнули не читая, может повториться.

К тому же ректор вызвал Олафа. А все знают уровень везучести этого парня.

– Ты точно нигде не накосячил? – уже в третий раз уточнила я, входя в приемную.

– Не больше обычного.

Великие ветра, этот мальчик точно сделает меня седой.

Но в кабинете ректора Академии нас ждал не разнос, а невысокий мужчина с уставшими глазами. Дорогая, но неброская одежда сильно испачкалась в пути, свидетельствуя о том, что гость ректора путешествовал своим ходом, почему-то не доверив переброску порталам.

При нашем появлении мужчина чинно поднялся со стула, где пил кофе, коротая время за разговором по душам с Белозерским, и склонил голову в приветствии.

Олаф почему-то побледнел.

– Только не это.

В голове пронеслось штуки три гипотезы относительно того, кем мог быть этот незнакомец и что, собственно, ему надобно: отец Киры, который прознал о шашнях дочери с непутевым имперцем; отец Олафа, который приехал вразумить неразумное дитя; просто чем-то недовольный дядька, которого мое непутевое недоразумение чем-то обидело. Но следующая фраза поставила все на свои места:

– Мне искренне жаль, мой господин, но время вышло.

«Только не это», – мысленно повторила я вслед за собственным студентом и присела на подлокотник дивана.

Олаф принял из рук гонца конверт, разломал магическую печать и быстро пробежался по строкам письма. Я не часто видела парнишку печальным, но сейчас его лицо закаменело, а глаза потухли.

Галактион поймал мой взгляд, сделал большие и ну очень выразительные глаза, кивком указал на поникшего студента. Я, естественно, возмутилась и развела руками, мол, а почему мне выполнять функции жилетки? Ректор прищурился и погрозил кулаком. Я скрестила руки, мысленно демонстрируя начальству раздутую воображением фигу, и энергично помотала головой.

– Пожалуй, мы оставим вас наедине с госпожой Браун, – непререкаемым тоном заявил Белозерский, резво подсакивая с места и обходя стол.

Олаф всей этой пантомимы, конечно же, не видел, а вот гонец слегка опешил. Представляю, что он подумал о преподавательском составе Академии и обо мне с ректором в частности.

Проходя к выходу, Белозерский ткнул указательным пальцем в сторону графина с водой, следом на коробку с салфетками, секунду буравил меня внимательными глазками-буравчиками, а после погрозил указательным пальцем и вышел с видом победителя.

Если эта пантомима хоть как-то должна была настроить меня на душевное общение с переживающим утрату подростком, то ректор просчитался. А последний жест – сказанная шепотом фраза: «И чтоб без глупостей» – так вообще отбил желание сострадать.

Едва дверь за мужчинами тихо щелкнула, Олаф привалился спиной к стеллажу с книгами и прикрыл глаза.

– Госпожа Браун, я должен кое в чем признаться.

Я только рукой махнула, встала и пошла за водичкой, так сказать, запить стресс. И голод. М-да.

– Если ты о том, что являешься потомком Хоторна Завоевателя, ставшего первым королем Бретонии, то можешь не тратить наше время.

Лицо Олафа вытянулось, рот приоткрылся, а глаза стали размерами с ту самую фигу, которую я мысленно демонстрировала Галактиону Белозерскому.

– И давно вы знали?

– Всегда.

Удивление не отпускало мальчишку, поэтому я одним махом допила воду и пояснила:

– Олаф, не знаю, как для других, но для меня это было очевидно! Общий смысл твоего имени переводится как «последователь своих прародителей» или «сын своих предков». Другая вариация – наследник. А я знаю только одного отпрыска монаршей семьи твоего возраста и пола, кто не живет при дворе. Плюс ко всему ты очень похож на своего прапрадеда. Официальная история это умалчивает, но я-то хорошо помню, что Хоторн был происшествием на ножках. В этом яблоко от яблоньки недалеко упало.

Олаф, или правильнее, принц Гарри, потупился и смущенно ковырнул царапину на щеке.

– И, между нами, кто придумывал для тебя личину? – нахмурилась я. – Имперец из тебя просто никудышный! Хуже, чем из Яна телохранитель.

– О, вы и это зна... – Принц осекся, поняв, что вычислить Яна мне не составило труда, и показал зажатое в руке письмо. – Мой брат дал мне отсрочку в три года, но, кажется, время вышло чуть раньше, чем я думал. Меня ждут во дворце.

– И? – поторопила я.

– И я не хочу быть принцем-неудачником.

Я хмыкнула, налила себе еще водички, потом отставила стакан и полезла в секретер – должен же у ректора быть где-то продовольственный запас на случай явления кого-то из спонсоров Академии или шишек из министерства магического образования.

– А я не хочу быть гарпией, Олаф, – не отрываясь от поисков, ответила принцу. – Но это мой гражданский долг перед обществом, который я не могу игнорировать.

Принц Бретонии присоединился к поискам, точнее, перебору дорогих бутылок спиртного, ибо, по логике ректора, влиятельных господ надо спаивать, а не кормить. Вместе нам удалось отыскать завалившуюся за стенку половинку плитки молочного шоколада.

– Есть только два способа получать удовольствие от жизни, – продолжала я наставления, пока собеседник делил добычу поровну. – Делать то, что тебе нравится, и не делать того, от чего воротит. Но, – я сделала акцент на этой части своей мысли, – если тебе что-то не нравится, а делать это надо, то меняй свое отношение к ситуации. Например...

– Например, как это было с вами? В начале года вы терпеть не могли декана Кьяри, а теперь вместе. Он по уши влюблен, а вы светитесь от счастья.

Эх, зря я про пример заикнулась.

– Ну... в принципе... как-то так, да. – Я хлопнула Олафа по плечу и поспешно сменила тему. – Расслабься, парень. Мы с охламонами тебя не бросим. Попробую договориться на практику во дворце, а не выйдет – жди нашу банду после экзаменов в гости.

Лицо Олафа разгладилось, в глазах появилась надежда.

– И потом, – я подмигнула, – у тебя ведь есть Кира. А такой королевы даже я бы опасалась.

– Спасибо, госпожа Браун! – На веснушчатое лицо вновь вернулась широкая улыбка добродушного балбеса. – Как я рад, что вы появились в Академии. До вас здесь только с профессором Хельмергом и можно было поговорить по душам, а потом пришли вы...

«И испортила всем жизнь», – закончила я его мысль. Немного позлорадствовала. Потом нахмурилась и, наконец, прозрела.

– Олаф, прости, но мне срочно нужно кое с кем переговорить!

Ветерок умчался за Григоровичем, я же рванулась в приемную, до икоты напугав гонца и подслушивающего ректора, пронеслась по лестнице и, раскинув крылья, полетела.

Предатель. Я думала, что это кто-то из моей группы. Я одновременно ошибалась и была права. Информаторами были все студенты Академии Светлых и Темных искусств, предателем – никто из них.

– Госпожа Браун? В чем дело?

Библиотекарь Тарон, точнее, царь и демиург книжного мира, попятился, уступая моему напору. Объяснять ни времени, ни желания, ни сил уже не осталось, поэтому я просто побежала дальше.

У меня было лишь несколько приятных минут общения с Риттером. Знаю, этого мало, чтобы судить о человеке. Но суть в том, что убитый испытывал ко мне явный интерес. Тот самый интерес, который мужчины испытывают к женщинам. И сейчас речь не о том, что я какая-то невероятно сексуальная похитительница сердец и возбудитель либидо (а я такая, раз даже дракона соблазнить умудрилась), а о том, что Блуждающий ковчег не предложил бы Риттеру лабораторию.

Молодому, половозрелому мужчине он подsunул бы свидание и плацдарм для разврата, следовательно, Риттера пригласили бы к парадным дверям. Тихий чердак не для молодости, а для старческого созерцания. А я знала только одного настолько старого человека, который мог часами пропадать в библиотеке. Ключевое – пропадать.

Запыхавшись, я вбежала в закуток, где висело зеркало-портал, и едва не налетела на преподавателя.

– Не торопитесь, Марсия, я не собираюсь сбежать, тем более в оцепленный всеми службами безопасности материка Блуждающий ковчег.

Профессор Хельмерг развернулся и заложил руки за спину.

– Я недооценил вас, госпожа Браун.

– Как и я вас, – тихо отозвалась я, чувствуя тревогу открытия. – На мысе Радужный, в моей прошлой клетке, я думала, что использую вас, чтобы иметь возможность встретиться с посредником, но в действительности... Это вы обвели меня, зрешкиль, владыку и еще с сотню людей вокруг пальца.

– В этом преимущество старости. – Хельмерг улыбнулся. – Видишь ли, никто не воспринимает долгожителей всерьез. Большинству они кажутся милыми, выжившими из ума и полностью безобидными. Глупо не пользоваться этим заблуждением в своих целях. – Он вновь оглянулся на зеркало. – Декан Кьяри пришел ко мне в тот же день, как вы обнаружили лабораторию, ведь я тружусь в Академии дольше остальных. Эрга очень интересовало, когда здесь появилось зеркало. Пришлось соврать, ведь в противном случае вы оба очень быстро догадались бы.

Я опустила голову и закусил губу, вспоминая, сколько раз видела старика, болтающего со студентами, сколько раз он попадался на глаза, как ловко и виртуозно манипулировал окружающими.

– По вашему лицу, Марсия, я вижу, что вы разочарованы. Вас так расстроила собственная слепота или мой выбор стороны сражения?

- Оба ответа, - созналась я и тихо спросила: - Почему? Почему вы сотрудничали с Карианом? Мы столько часов провели за обсуждением истории, церемониальных ритуалов. Я думала, что вы, как и ар-теро, сражаетесь за истину. За память. За историю.

Профессор смотрел на меня, как я обычно смотрю на заблуждающихся студентов. Его старческое лицо, испещренное морщинами, излучало ту грань мудрости, которая остается непознанной для обычного непосвященного.

- Мне жаль, Марсия, но истина - это тонкость, которую ты пока не можешь понять. В твоём возрасте жизнь все еще кажется бесконечной, а мне самое время задуматься о том, какую тень я оставляю, пройдя по жизни.

- Вы поэтому стали предателем?

Хельмерг тепло улыбнулся и постучал указательным пальцем по виску.

- Предатель - это всего лишь патриот со стороны проигравших. Я не выиграл эту партию, но это значит, что я и Кариан были не правы в своём стремлении улучшить мир.

В библиотечной тишине раздался грохот и звуки торопливых шагов. Судя по эху, отражающемуся от стен, ветерок позвал не только Григоровича, а еще как минимум трех слонов, ну или братьев Кьяри.

В закуток вбежали Эрг, Дуглас и безопасник.

Лучше бы слоны, потому что драконище тотчас обнял, уткнулся носом в макушку и облегченно выдохнул. Какой, однако, он у меня впечатлительный.

Ветерок транслировал наш разговор, поэтому безопасник не стал тратить время на допросы. На правах официальной власти он сковал преподавателю руки и скороговоркой выпалил:

- Господин Хельмерг, вы обвиняетесь в пособничестве, шпионаже и организации нападений на Марсию Браун, представительницу разумной расы ар-теро. Вам есть что сказать в свое оправдание?

- Что ж, - профессор кивнул, словно соглашаясь с исходом, - так и должно было случиться. Мне не жаль, что мы проиграли. К этому я был внутренне готов, начиная с того момента, как Кариан сделал меня своим сторонником. Мне жаль другого.

- И чего же?

- Жаль, что я не увижу выступление вашей группы на студенческой весне, госпожа Браун.

Собеседник запрокинул голову назад и расхохотался. Он хохотал долго, с удовольствием, до слез. Я так и не поняла - шутит ли Хельмерг или говорит всерьез.

Эпилог

– Как я выгляжу?

– Эрг! – Я показательно закатила глаза, сделала шаг навстречу и обняла дракона за талию. – Мы только что спасли мир от злого гения, тиранившего его многие века, а ты переживаешь о крохотной постановке?

Но Эрг Гай Кьяри был не из тех, кого можно обдурить.

– Грим потек? – догадался ящер.

– Самую малость, – шепнула я, быстро чмокнула в подбородок, развернула и шлепнула своего мужчину по накачанным ягодицам. – Вперед, мой герой! У тебя все получится.

Забудет слова – порву на имперский флаг!

Не в силах смотреть на всех из-за кулис, я быстро прошмыгнула между тяжелым бархатом сцены и нырнула в центр зрительного зала.

Впереди сидела бабушка Киры с плакатом «Наша детка – лучшая актриса». И теперь я понимаю, откуда у внучки столь выдающиеся организаторские способности. Старушке хватило грозного взгляда, чтобы весь ряд взорвался оглушительными аплодисментами. Даже ректор, сидевший с видом «начальству хлопать не полагается», смущенно потупился и пару раз ударил ладони друг о друга.

Минька, прикручивающий скотчем ветку – и ведь говорила, на жидкие гвозди надо декорации крепить, – испуганным зайцем ускакал за кулисы, Анна Сминт, назначенная ведущей мероприятия, объявила нашу группу, и сценка началась.

Судя по лицу ректора, началась вакханалия, но кто станет вглядываться в перекошенную физиономию знаменитого Галактиона Белозерского, когда по сцене браво галопируют мои недоактеры.

И вот насколько бездарно прошла наша генеральная репетиция, настолько же прекрасно ребята отыгрывали сейчас. Никто не забыл свои реплики (ну кроме Кьяри, который постоянно косился в шпаргалку на руке), никто не перепутал выходы, никто не стал облизывать меч после усекновения головы. Даже Олаф умудрился не накосячить с реквизитом, и треклятая люстра с обиженным звоном уплыла вверх в нужный момент.

А потом охламоны вышли на сцену и выстроились в шеренгу, левая рука на плече товарища, правая – на талии.

Стоящий с краю Ронни Дуглас Кьяри обвел перешептывающийся зрительный зал взглядом и заговорил:

– Говорят, что красота спасет мир...

– Но мы считаем, что одной красоты недостаточно, – закончила Кира.

– Ей должны помочь! – воскликнула Аришечка.

– Отвага, – дыхнул холодом Камаль.

– Доброе сердце, – прогнусавил Гамод.

– Ясный ум, – подхватила Жетон.

– Юмор! – радостно воскликнул Олаф, отчего зрители тоже непроизвольно заулыбались.

– Красота не спасла этот мир еще ни разу, – заключил декан кафедры Темных искусств, не сводя с меня ярко-зеленых глаз, полных темного обожания, а после мои охламоны хором выкрикнули:

– Мир спасает человек!

Пронзительную тишину нарушили первые звуки музыки, и студенты, покачиваясь, запели. И это был отнюдь не переделанный гимн Академии, которым они грозились окончить

выступление, вызвав массовое кровоизлияние из ушных раковин зрителей.

Нет, это была другая песня. Проникновенная, глубокая по звучанию, бьющая в самое сердце.

Трудно говорить правду, Когда никто не желает слушать, Когда никого не волнует, Что происходит. Трудно выстоять в одиночестве, Когда никого нет рядом. Твой дух и вера Должны оставаться сильными. Что может сделать один человек? Мечтать. Что может сделать один человек? Любить. Что может сделать один человек? Изменить мир И снова сделать его молодым. Вот что может сделать один человек.

Пока ребята пели, Кирина бабушка тихонько рыдала от умиления, Белозерский как-то подозрительно шмыгал носом, зрители негромко хлопали в ритм песни. Я же с улыбкой смотрела в лица охломонов, ощущая невероятное чувство теплоты и подъема.

И пусть сегодня мной многие недовольны. Пусть все не так просто, как хотелось бы. Пусть мир раз за разом проходит одни и те же уроки. Но раз сейчас глаза моих студентов горят, раз до них постепенно доходит, что голова важнее красоты, то я делаю вывод: хоть что-то в этой жизни происходит правильно.

Словно чайка, почуявшая надвигающуюся бурю, ректор Белозерский резко повернулся, чтобы увидеть мои слегка увлажнившиеся глаза.

– Вы же не останетесь преподавать у нас на следующий год? – не скрывая страха, уточнило начальство.

Я улыбнулась.

– Посмотрим, ректор. Посмотрим.

Галактион Белозерский осел на свое место, его голова поникла, а плечи затряслись. Я так и не поняла – смеется он или горько плачет, потому что за кулисами что-то взорвалось, Олаф с Яном ойкнули, синхронно подняли головы и отступили на шаг назад, увлекая остальных.

Брямц! – ехидно заявил довольный своим коварством хрустальный монстр, а я схватилась за голову и рявкнула:

– Охломоны!

От автора

Мне так многих хочется поблагодарить, но начать стоит с отказа, без которого этой диалогии, возможно, не случилось бы.

«Гарпия» писалась в шутку, ради небольшого литмоба, проходившего на сайте «ПродаМан» (литмоб назывался «Дракон и ведьма»), и мне, издающемуся автору, отказали.

Позднее выяснилось, что я просто не поставила какую-то галочку при подаче заявки на участие, но отказ породил волну протеста, и этого запала хватило аж на две книги. Поэтому в следующий раз, когда вам откажут, сочтут неинтересной, слабой – не опускайте руки. Возможно, кто-то просто не поставил галочку в правильном месте!

Тысяча громогласных спасибо «Королевам логичности» (фокус-группе из черных ведьмочек, которые готовы выжрать мой мозг десертной ложечкой, лишь бы я довела текст до совершенства). Девчонки, благодарю за забавные картинки, ваше нежелание оставить все как есть и сокрушительную критику, после которой у меня дергается глаз.

Виртуальные обнимашки читательницам, прочно засевшим в окопах моих личных страничек на «ПродаМане», «Призрачных мирах» и «ВКонтакте». Эти прекрасные дамы следили за написанием «Где это чудовище, или Идите все лесом» и «Где эти дети, или Идите все в... книжный» (сетевые названия «Гарпия в Академии») в реальном времени. Они же не давали мне опустить руки после очередного разноса «Королев логичности». Я бы не смогла написать и строчки без этой стопроцентной поддержки и этой оглушительной критики.

Огромное спасибо всем, кто откликнулся и поучаствовал в сборе средств на арты в эту книгу. Как и грозились, выделяю трех самых щедрых – Елена Е. Д., Любовь Солнышкина, mishka_malishka. Вы дали моим героям чуть больше жизни.

И если уж речь пошла о прекрасном визуале, хочу выразить свой восторг в адрес двух прекрасных художниц. Ирина Круглова, создавшая иллюстрации для переплета, и Дарья Каторкина, нарисовавшая внутренние иллюстрации, вы удивительно терпеливые и понимающие люди. Спасибо, что реализуете свой потенциал творцов в рисунках!

Я виню Ольгу Громыко в том, что она влюбила меня в отечественное фэнтези и заставила поверить в то, что женщины могут писать интересно и забавно.

Благодарю свою семью и друзей. Я искренне недоумеваю – как вы столь успешно выживаете рядом со мной, когда я нахожусь в состоянии написания книги.

И, как всегда, самые сильные слова благодарности адресуются тебе, читатель, который держит эту книгу в руках и готовится перевернуть последнюю страницу. Я говорю «ты», потому что за два тома приключений (точнее, злоключений) Марсии мы с тобой многое пережили и связались прочной нитью. И мне по-прежнему не важно, сколько тебе лет – шестнадцать или шестьдесят. Я безумно рада, что мы разделили нашу общую любовь к хорошим сказкам и юмору.

Однажды мне сказали, что ромфант – это ленты, которые одинокие женщины повязывают себе на глаза, чтобы забыть правду. Что ж, в таком случае на моих глазах алая лента той самой отваги, которой подчас недостает в жизни, но с лихвой хватает моим героиням. Синяя лента целеустремленности, которой чихать на все «у тебя не получится», летящие от окружающих. Желтая лента позитива, который делает этот мир заметно светлее. Белая лента уверенности в своем драконе, таком неидеальном, таком совершенном, таком родном.

Книги не закрывают глаза шорами. Книги заключают тебя в объятия, невозможные физически. Погружают в иной и удивительный мир, греют чувствами, возносят и веселят, поэтому...

Читайте.

Вдохновляйтесь.

Улыбайтесь.

И да пребудут с нами хорошие книги!

Примечания

1

Амфориск («маленькая амфора») – керамический или стеклянный сосуд. Отличался от обычной амфоры меньшими размерами, предположительно использовался для хранения масел, косметических или ароматических средств. (*Прим. авт.*)

Кинцуги, или японское искусство «золотого ремонта» – искусство реставрации, в японской культуре разбитый предмет может быть ценнее нового и нетронутого, так как починка считается дополнительным источником интереса. Философская суть кинцуги сводится к принятию недостатков и изъянов.

3

Перкуссия – метод медицинской диагностики, заключающийся в простукивании отдельных участков тела и анализе звуковых явлений, возникающих при этом. (Прим. авт.)

Пусть земля тебе будет пухом (перевод с латинского).

Кóда (coda – «хвост, конец, шлейф») в музыке – дополнительный раздел, возможный в конце музыкального произведения и не принимающийся в расчет при определении его строения; пассаж заключительной части; в балете – заключительная часть сольной вариации, как правило, состоящая из виртуозных вращений или прыжков, выполняемых по диагонали, по кругу либо с продвижением «на публику»; в КВН – финальные слова в конце выступления. (*Прим. авт.*)

Перевод песни *John Denver* – «What One Man Can Do». (Прим. авт.)